

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Болдырев Никита Андреевич

**Ограничения как средства конституционно-правового
регулирувания прав и свобод человека и гражданина в
современной России**

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
доцент Лексин И.В.

Москва – 2024

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	13
1.1. Соотношение ограничения прав и свобод человека и гражданина со смежными категориями	13
1.2. Цели и принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина ...	48
1.3. Пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина.....	60
ГЛАВА 2. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	73
2.1. Формальные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина.....	73
2.2. Материальные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина.....	93
2.3. Реализация ограничения прав и свобод человека и гражданина	101
ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	109
3.1. Распределение компетенции по установлению ограничений прав и свобод человека и гражданина.....	109
3.2. Порядок принятия решений об ограничении прав и свобод человека и гражданина.....	118
3.3. Ответственность за нарушение пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина	129
Заключение	141
Библиография	145

Введение

Актуальность темы исследования.

Права и свободы человека и гражданина выступают в качестве одной из основ демократического строя Российской Федерации. Однако эти составляющие правового статуса личности не являются абсолютными и могут быть ограничены в общественно-значимых целях, изложенных в Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Возможность ограничения прав и свобод придает взаимоотношениям между государством, обществом и личностью вариативный характер. Поэтому механизм ограничения прав и свобод требует детального исследования не только в части его реализации, но и предпосылок и форм использования.

Актуальность исследования связана также с новейшей практикой ограничения прав и свобод в период пандемии Covid-19. Предоставление права введения широкомасштабных ограничительных мер органам исполнительной власти является новым практическим феноменом, который до настоящего времени не подвергнут достаточному осмыслению. Помимо этого, недавно Российская Федерация перестала являться стороной Европейской конвенции по правам человека, и сегодня единственным органом, призванным контролировать соблюдение прав и свобод человека, выступает Конституционный Суд РФ. Это в свою очередь вызывает потребность в выработке обновленного видения механизма контроля за соблюдением и реализацией прав и свобод человека.

Актуальность темы обуславливается и множественностью доктринальных представлений о различных аспектах изучаемого явления. Сущность, формы, основания ограничения прав и свобод подвергаются многообразным интерпретациям, что также требует исследовательского внимания.

Научная разработанность темы диссертационного исследования.

Институт ограничения концептуально связан со множеством основополагающих концептуальных построений, поэтому в настоящем исследовании были использованы классические работы теоретиков права, а именно: Г. Гроция, Г. Кельзена, И. А. Ильина, Р. Давида и Р. Алекси. В связи с непосредственной связью

прав и свобод и их ограничения с общественным и государственным устройством большой интерес для исследования представляли труды социологов, политологов и философов Л. Штрауса, Д. Ролза, Л. Фрида и А. Гевирта. Для анализа текущего положения прав и свобод пригодились работы Ж.-Ф. Лиотара, И. Л. Честнова и И. Н. Грязина, посвятивших свои работы описанию права в рамках постмодернистской и многообразной действительности.

Ведущие ученые России и других стран – С. А. Авакьян, В. Н. Агеев, С. Б. Беликова, А. М. Белялова, Н. С. Бондарь, О. В. Брежнев, А. Н. Бумагин, Н. В. Варламова, О. Ю. Василенко, Т. А. Васильева, Н. В. Витрук, Е. Н. Дорошенко, Е. А. Ильина, А. В. Карпушкин, В. В. Комарова, Н. А. Кострицына, И. А. Кравец, В. И. Крусс, В. А. Кряжков, М. В. Кузнецова, Р. А. Курбанов, В. В. Лазарев, В. А. Лебедев, А. В. Малько, К. И. Налетов, Е. Е. Никитина, А. И. Овчинникова, Н. Л. Пешин, А. А. Подмарев, Д. Н. Рачев, С. Т. Сазина, Н. С. Тимофеев, А. А. Троицкая, Е. А. Фролова, Т. Я. Хабриева, В. А. Черепанов, В. Е. Чиркин, О. В. Човган, В. А. Шемаров, Э. С. Юсубов, М. С. Яшина и др. – в своих трудах представили теоретические основы сущности ограничения прав и свобод человека, формы их использования, а также анализировали механизм введения ограничений. Также имеется ряд диссертационных исследований, затрагивающих тему ограничения прав и свобод под авторством А. А. Зайцева, А. В. Должикова, А. А. Переверзева, А. А. Подмарева, и Е. Ш. Рассоловой и др.

Несмотря на внушительный список исследований, посвященных теме ограничения, первичные вопросы, касающиеся сущности и понимания ограничения прав и свобод, все еще интерпретируются по-разному. Кроме того, почти отсутствуют работы, затрагивающие материальные и формальные основания ограничений, а также реализацию ограничительных мер на практике.

Проблемы, касающиеся ограничения прав и свобод в период военного положения или чрезвычайного положения, были предметом множества обстоятельных исследований, и в связи с этим в настоящей диссертации внимание на них не акцентируется.

Цель диссертационного исследования – выявить проблемы нормативного ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и реализации установленных ограничений прав и свобод и выработать предложения, направленные на решение выявленных проблем.

Данной цели были подчинены следующие **задачи диссертационного исследования:**

- рассмотреть общие основы ограничения прав и свобод человека, касающиеся вопросов понимания института;
- определить цели и принципы ограничения прав и свобод;
- выделить пределы ограничения прав и свобод;
- выделить и проанализировать формальные основания для введения ограничительных мер, предложив их конкретный перечень;
- выделить и изучить материальные основания для введения ограничительных мер;
- проанализировать основные аспекты по реализации ограничительных мер, связав конституционно-правовой механизм по ограничению прав воедино;
- выделить конституционно-правовые проблемы ограничения прав и свобод, затронув вопросы распределения компетенции по ограничению;
- проанализировать порядок принятия решений об ограничении прав и свобод;
- выявить проблемы ответственности за нарушение пределов ограничения прав и свобод и предложить пути разрешения выявленных проблем.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения по поводу установления и реализации ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Предмет диссертационного исследования – нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, сформулированные в них правовые нормы и практика их реализации, судебная практика, международные документы и научные представления об институте ограничения прав и свобод человека и гражданина и практике его функционирования.

Теоретической основой диссертационного исследования выступают работы ученых России и других стран, в том числе диссертационные исследования, авторефераты диссертаций, монографии, научные статьи, учебная и учебно-методическая литература по вопросам ограничения прав и свобод человека.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ, акты международных организаций, федеральные конституционные законы, федеральные законы и законы субъектов РФ, нормативные правовые акты государственных органов.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составили судебная практика, в том числе решения Конституционного Суда Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ), сведения из официальных информационных ресурсов органов государственной власти Российской Федерации.

Методологическая основа диссертационного исследования. В ходе исследования использовался комплекс методов познания: общенаучные методы, в том числе анализ и синтез, индукция и дедукция, системный подход, абстрагирование, аналогия, обобщение, вероятностный метод, и частнонаучные методы, включая формально-юридический, сравнительно-правовой методы, метод толкования. Первая группа методов имела преобладающее значение для получения выводов, касающихся содержания понятия ограничения прав и свобод человека и гражданина, его соотношения со смежными понятиями и иных проблем концептуального характера. Методы второй группы позволили исследовать нормативный и эмпирический материал и (в совокупности с методами первой группы) получить выводы и рекомендации практического характера.

Научная новизна диссертационного исследования. В результате исследования построена модель разграничения трех феноменов (ограничение прав и свобод, их отмена и умаление), а также выделены формальные основания ограничений прав и свобод, о которых ранее не упоминалось в научных работах (судебная практика).

В диссертации впервые подвергнута комплексному осмыслению практика последних лет по ограничению прав и свобод федеральными и региональными

органами власти. В работе доказывается, что, несмотря на отсутствие прямого конституционного указания, исполнительные органы власти вправе своими регулятивными решениями ограничивать права и свободы. При этом имеются основания полагать, что в период пандемии Covid-19 подмена законодателя исполнителем была излишней и неоправданной.

Научная новизна исследования отражается в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Выделяется два подхода к пониманию феномена «ограничение прав», первый из которых акцентирует внимание на статусе субъекта (рассматривается результат введенных ограничений), а второй подход описывает процесс введения ограничений, затрагивая изменение объема нормативного содержания права. Первичным при введении ограничений выступает модификация объема права, так как статус субъекта меняется после того, как право претерпевает изменения в своих количественных и качественных характеристиках. Отделение процесса ограничения и результата ограничения позволяет понимать под ограничением прав механизм по изменению нормативного содержания (объема) права путем наложения обязанностей и (или) введения запретов.

2. Отмена права является сходной с ограничением права, потому что оба феномена выступают регулятивными действиями по изменению содержания права, однако отмена права недопустима, так как вторгается в существо права, блокируя возможность его использования, то есть выступает неправомерным ограничением. «Отмена» права не является удачным для описываемого явления, так как даже при фактическом аннулировании права оно все равно формально остается закрепленным в нормативном акте и продолжает действовать. Более корректным словом выступает «лишение» права, потому что указывает на практическую невозможность реализации права при его формальном сохранении в составе правового статуса лица.

3. Соотношение трех понятий (ограничение, отмена, умаление) напрямую проистекает из функционального назначения. Феномен умаления права отличается от отмены и ограничения, так как не является регулятивным действием,

воздействующим на содержание права, а выступает этической, социокультурной оценкой вводимых ограничений. Однако умаление – это неправомерное ограничение, при котором происходит выхолащивание ценностного содержания права. Неправомерное ограничение может быть одновременно как умалением, так и отменой, так как оба феномена воздействуют на различные стороны ограничиваемого права.

4. Пределы ограничения прав и свобод лежат в общих правовых и моральных ориентирах, а также существенных характеристиках права (ядро права), которые не могут быть безвозвратно утеряны, иначе право потеряет свою стабильность и содержательность. Проблемой выступает определение ядра прав и свобод, так как существенные характеристики все равно могут быть ограничены в определенной степени, поэтому ядро права может претерпевать изменения. Разрешением проблемы определения ядра права и, следовательно, выявлением существенных характеристик права, может быть издание Конституционным Судом РФ постановлений с выявлением ядра каждого субъективного права.

5. Несмотря на содержание статьи 55 Конституции РФ, указывающее на единственное формальное основание ограничения (федеральный закон), права и свободы могут быть ограничены и по иным основаниям. К формальным основаниям ограничения прав и свобод относятся: 1) федеральный закон в широком понимании (федеральный закон, федеральный конституционный закон, закон о поправке к Конституции); 2) указ Президента РФ (временное ограничение) в специальных случаях (чрезвычайное положение или объективная, неотложная необходимость регулирования отношений для заполнения пробелов законодательства); 3) закон субъекта РФ и акты высшего должностного лица субъекта РФ при наличии полномочий на регулирование конкретных правоотношений, непротиворечивости федеральному законодательству и соблюдении общих принципов ограничений права; 4) акты делегированного законодательства (постановления Правительства) при соблюдении принципа непротиворечивости федеральному законодательству; 5) международный договор (только в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц); 6) Постановления

Конституционного Суда РФ и постановления (обзоры) Верховного Суда РФ при наличии в них интерпретации и конкретизации норм, выходящих за содержание законодательства; 7) решения (определения, постановления) арбитражных судов и судов общей юрисдикции в совокупности, которая составляет сложившуюся судебную практику, расширяющую буквальное толкование законодательства.

Судебная практика в форме судебных актов по отдельности (Верховный Суд РФ, Конституционный Суд) или в совокупности служит формальным основанием, потому что в условиях неопределенности и отсутствия конкретного нормативного материала, сама становится нормативным источником, регулирующим определенные взаимоотношения. Тем самым такие судебные акты выступают не причиной ограничений (материальное основание), а регулятивным источником, содержащим возможность ограничить прав и свободы.

Проблема наличия расширенного списка формальных оснований ограничений может быть разрешена путем принятия новой Конституции в порядке статьи 135 Конституции РФ или подготовки Конституционным Судом РФ заключения о толковании Конституции РФ для устранения неопределенности.

6. Отношение Конституции РФ и законов РФ о поправках к ней к числу формальных оснований ограничения прав и свобод можно охарактеризовать следующим образом. С одной стороны, можно решить этот вопрос аксиоматическим путем: Конституция РФ не должна считаться таким основанием, поскольку в противном случае получилось бы, что она ограничивает сама себя. В данной схеме формальное основание ограничения прав и свобод может находиться лишь вне Конституции РФ – в федеральном законодательстве и поддается проверке Конституционным Судом РФ с точки зрения соответствия ограничений Конституции.

С другой стороны, в 2020 г. некоторые положения федеральных законов, устанавливающие ограничения прав и свобод, были продублированы в тексте Конституции РФ. Если руководствоваться указанной аксиомой, то придется признать, что упомянутые требования по смыслу Конституции перестали выступать в качестве ограничений прав и свобод. Это относится и к содержанию федеральных законов, до 2020 г. выступавших основаниями указанных ограничений: их поло-

жения после воспроизведения в Конституции РФ сохранили лишь информационное значение, но утратили регулятивное воздействие, поскольку не осуществляют ни дополнение, ни конкретизацию конституционных положений. Если же считать, что и после вступления в силу поправки 2020 г. к Конституции РФ упомянутые положения по смыслу последней являются ограничениями прав и свобод, то неизбежен вывод, что сама Конституция РФ также является формальным основанием таких ограничений.

Данный парадокс может быть преодолен за счет включения в схему закона о поправке к Конституции РФ, если отказаться от распространенного представления о нем как о части самой Конституции. Такой отказ видится оправданным в свете новой практики проверки конституционности положений закона данного вида Конституционным Судом РФ 2020 г. Сама по себе постановка вопроса о соответствии Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к ней позволяет считать его нормативное содержание обособленным по отношению к содержанию Конституции РФ. В таком случае оказывается, что закон РФ о поправке к Конституции РФ может выступить в качестве формального основания ограничения прав и свобод, в то время как сама Конституция РФ останется за пределами круга документов, которым придается такая функция.

7. Вопреки положениям статьи 55 Конституции РФ, ограничивать права и свободы также способны органы исполнительной власти на региональном уровне. Возможность региональной власти ограничивать права и свободы происходит из распределения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Во-первых, субъектам РФ для самостоятельного регулирования отданы те сферы, которые прямо не закреплены в предметах ведения Российской Федерации. Во-вторых, совместный предмет ведения Федерации и ее субъектов в части «защиты прав и свобод» может быть истолкован в качестве возможности ограничивать права и свободы. Оправдание срочностью ограничительных мер в период пандемии Covid-19 со стороны органов исполнительной властью несостоятельно, потому что органы законодательной власти могут действовать так же быстро, как и органы исполнительной власти. Единственной положительной чертой введения

ограничения со стороны исполнительной власти выступает наличие актуальных данных, на основании которых региональная власть может применять ограничительные меры точечно и индивидуально, что повысит их эффективность. Подмена законодательной власти исполнительными органами не должна приводить к снижению качества вводимых ограничений, так как к ним также относятся стандартные требования о соразмерности и пропорциональности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования. Результаты исследования, сформулированные соискателем выводы и рекомендации могут быть использованы в качестве основы для дальнейшего теоретического осмысления института ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в возможности использования выводов и предложений в правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти для совершенствования законодательства по ограничению прав и свобод. Результаты исследования могут быть также востребованы в качестве основы для научных изысканий в этой области и в преподавании конституционного права, теории государства и права и других юридических дисциплин.

Достоверность результатов диссертационного исследования подтверждается использованием комплекса общенаучных и частнонаучных методов, анализом практического материала (законодательства, правоприменительной практики), апробацией на научно-практических мероприятиях.

Личный вклад автора. Выносимые на защиту результаты получены лично автором; вклад автора в результаты, опубликованные в работах по теме, является определяющим.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в выступлениях автора на международных и общероссийских научных конференциях и иных мероприятиях, в том числе на Ломоносовских чтениях (МГУ имени М.В. Ломоносова, 20-29 апреля 2021 г., 11-13 апреля 2023 г.), на XIX Международной конферен-

ции «Государственное управление в новых геополитических и геоэкономических условиях» (МГУ имени М.В. Ломоносова, 5-9 декабря 2022 г.).

Ключевые положения диссертационного исследования изложены в 5 научных статьях автора, которые опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности.

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Структура диссертации состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения и библиографии.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

1.1. Соотношение ограничения прав и свобод человека и гражданина со смежными категориями

В современную эпоху права человека рассматриваются в качестве универсальной и основной ценности демократического общества и инструмента для предоставления человеку подлинной свободы. По этому поводу И. Л. Честнов отмечает следующее: «Политические элиты государств, принимавших участие в выработке Всеобщей декларации, предпочли универсалистскую концепцию прав человека и проявили достаточно упорства в том, чтобы эти общие принципы получили законодательное закрепление в международно-правовых пактах»¹.

Существуют различные понимания права, которые определяют не только его источники, но и роль в системе «личность — общество — государство» по-разному. Согласно естественно-правовой концепции права и свободы человека имеют в качестве истока некую метафизическую действительность и возникают с момента рождения. Г. Гроций, предпринимая попытку отделить естественное право от религиозных начал и позитивного закона, ссылаясь на Аристотеля, Цицерона и Плутарха, отмечал, что доказательство существования естественного права состоит в обнаружении соответствия или несоответствия какой-либо вещи разумной и общежительной природе или в отыскании вещей, признаваемых у всех или, по крайней мере, у всех образованных народов². Например, Л. Штраус утверждал, что существует некий эталон справедливости и несправедливости, независимый от позитивного права и более высокий, чем позитивное право, — эталон, ссылаясь на который мы можем судить позитивное право³.

¹ Честнов И. Л. Универсальны ли права человека: Полемические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 81.

² Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. С. 73.

³ Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publisher, 2007. С. 9.

Таким образом, естественно-правовая концепция рассматривает права и свободы как априорные и непреложные явления. Как утверждает Е. А. Фролова, «насколько бы ни отличались понимания естественного права, сторонники этой теории сходятся в том, что она имеет своим источником нормы, обязательные сами по себе, независимо от какого бы то ни было внешнего законодательства»⁴.

Однако большинство естественно-правовых концепций не отрещивается от позитивного (то есть выраженного в нормативных актах государства) права. Например, Дж. Локк утверждал, что существующая естественная свобода не всегда может быть гарантирована, поэтому требуется её закрепление в форме конкретизированных прав при помощи законов⁵. В русле такого понимания А. А. Переверзев отмечает: «Понимание права как естественного и позитивного приводит к двоякому значению свободы. В первом случае это состояние человека, отражающее его возможность действовать по своему усмотрению; во втором — это признанная и легализованная государством мера возможного поведения субъекта, т. е. субъективное право»⁶. Такое двоякое представление не является недостатком или пробелом в позитивистской или естественной теориях, так как метафизическое, философское обоснование наличия естественных прав не исключает их выражения в нормативных актах государства.

Существуют и взгляды на позитивное право, которые исключают наличие каких-либо естественных прав. К примеру, «чистая теория права» Г. Кельзена стремится освободить познаваемый предмет (право) от всего, что не является правом: «И если чистое учение о праве желает отграничить познание права от смежных дисциплин, то вовсе не потому, что оно не замечает или даже отрицает эту связь, но потому, что оно хочет избежать методологического синкретизма»⁷. Однако в действительности «право не может быть «чистым», так как оно не имеет

⁴ Фролова Е. А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 2. С. 74.

⁵ Нарский И. С. Западно-европейская философия XVIII века. Учебное пособие. М.: Издательство «Высшая школа», 1973. С. 81.

⁶ Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 13.

⁷ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 10.

единственного и единого референта — во взаимодействии людей всегда существует психика, культура, язык — часто экономика и политика»⁸. Важность социальных и этических факторов для образования и развития права несомненна, Г. Кельзен и не отрицал данный факт, а лишь утверждал, что для понимания права нужно предпринять попытку «очищения»⁹. Между тем позитивное право не противоречит естественному, так как они относятся к разным сферам человеческого общества (моральные воззрения и закон) и способны взаимодействовать: позитивное право претворяет естественно-научные воззрения в жизнь.

Естественные права и естественно-правовая концепция прямо не упоминаются в тексте Конституции РФ, однако ее содержание опирается на концептуальные основы теории естественного права: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (статья 17). Другим примером может служить Всеобщая декларация прав человека¹⁰, так как в ее основе лежит политическая идея либерализма, тесно связанные с ней доктрины естественного права и модернизации, а также эпистемологическая концепция рационализма (просвещенного, или «законодательного» разума)¹¹.

Современный подход к пониманию прав человека предсказуемо отличается от подхода, присущего ранним естественно-правовым концепциям. В настоящий момент на первый план вышли права и свободы не как философское, естественное выражение свободы человека, а как определенные инструменты для достижения благ, которые должно защищать государство. Об этом, например, говорит М. В. Пресняков: «Свобода слова, свобода вероисповедания, неприкосновенность жилища и т. п. — все эти права в эпоху модерна рассматривались не только как содержательно определенные, в плане субъективных правомочий, но и «самоис-

⁸ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С.71.

⁹ Антонов М. М. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 193.

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

¹¹ Честнов И. Л. Универсальны ли права человека : Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 73.

полнимые», не нуждающиеся в каком-либо содействии со стороны государства или третьих лиц»¹².

Права человека в современную эпоху стали рассматриваться в качестве конкретных инструментов, предоставляющих определенные гарантии человеку, достижение которых осуществляется, в том числе, с помощью государства. Американский философ и политолог Д. Ролз в труде «Теория справедливости» связывает справедливость и права человека в одну систему, в которой справедливое общество независимо от разных способностей каждого человека все равно предоставляет ему единообразные гарантии в виде прав и свобод¹³.

Как уже было продемонстрировано, одним из главных оснований при различении позитивистских и непозитивистских концепций является включение морали в содержание права (естественно-правовые концепции) или попытка исключить из сферы права любые моральные нормы и религиозные начала как основу и фундамент права (позитивизм). Существующий правовой, политический и социальный релятивизм ставят под вопрос возможность в целом понять, что такое справедливое общество, не говоря уже о предоставлении равных гарантий каждому его члену. У. Гэлли в статье «Существенно оспариваемые понятия» утверждает, что любые общепринятые концепты (справедливость, демократия) не понимаются людьми одинаково: «Если некоторые очень важные оценочные концепции (например, концепции демократии и социальной справедливости) оказываются по существу спорными, как это должно повлиять на общепринятое предположение, что центральные концепции этики однозначно поддаются описанию и тогда как получить всеобщее согласие?»¹⁴. В свою очередь, Л. Фрид утверждает, что категории «добро» и «зло», «правильно» и «неправильно» понимаются настолько по-разному, что на самом деле являются малозначительными или вообще ничего не

¹² Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд : монография / под ред. А. А. Ливеровского, А. И. Овчинникова. М.: Проспект, 2021. С. 132.

¹³ Rawls J. A theory of justice. The Belknap press of Harvard University press Cambridge. Massachusetts, 1999. P. 443.

¹⁴ Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. Vol. 56. Issue 1. 1 June 1956. P. 194.

означают¹⁵. Похожим образом И. А. Кравец высказывается относительно достоинства личности: «Остаются ареалы современного мира, в которых присутствуют существенные различия в понимании человеческого достоинства, обусловленные культурным и религиозным факторами (исламский мир, мир индуизма и буддизма)»¹⁶.

Таким образом, всеобщее согласие и единообразное понимание добра и справедливости, присущие естественно-правовой концепции, достигнуть невозможно, так как базовые философские, этические концепции настолько спорны, что становится проблематично приблизиться к их единой интерпретации. Как отмечал И. А. Ильин, между нормами морали и нормами права не должна разрываться связь: правильное соотношение между ними существует, когда право согласуется с требованиями морали¹⁷. Независимо от понимания морали и ее интерпретаций, она в любом случае встроена в правовые нормы и является неким ориентиром, которому должна соответствовать норма, но мораль не выступает универсальным критерием действительности права или справедливости закона, потому что изначально не может быть раскрыта со всей степенью ясности и определенности.

В современных условиях естественно-правовая концепция неизбежно сталкивается с невозможностью достоверно определить сущность общепринятых взглядов, на которые необходимо опираться. В случае успеха в определении универсальной морали, которая будет благоприятно воспринята всеми, возникнет проблема различных интерпретаций нормы права при ее применении. В таком случае общепринятый взгляд (мораль), помещенный внутрь права, может быть реализован вопреки своему источнику в связи с модернизацией общества, социальными событиями и иными детерминантами.

¹⁵ Freed L. Social pragmatism. A study in the pragmatic approach to problems of conduct.: Watts And Company, 1948. P. 255.

¹⁶ Кравец И. А. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм. Юридическая наука и практика. 2019. № 15. С. 99.

¹⁷ Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы, М.: Русская книга. 1994. С. 74.

Правовой, социальный и этический релятивизм, конструирование окружающей действительности посредством языка и различных социокультурных представлений, обусловленность права социокультурным контекстом, а также плюрализм — все это привело к новому пониманию права, в котором оно выступает частью перманентно изменяющейся культуры, «частной социальной теорией, содержание которой определятся связью с социальной философией и другими общественными науками»¹⁸, «мифом, являющимся культурным, семиотическим явлением, лишенным линейного измерения, так как этот миф должен быть рассказан (применен) множество раз, и каждое последующее применение отдаляет его от первоначального оригинала»¹⁹.

Согласно позитивистской концепции право создано государством, и от лица государства воплощение в жизнь правовых конструкций, их использование на практике осуществляется, прежде всего, судьями. И. Л. Честнов приводит примеры взглядов в рамках английской традиции, согласно которым судьи обладают особым разумом, не подвластным обывателю, являются оракулами права²⁰. Такой подход к рассмотрению фигуры судьи не только придает ему особый статус, но и налагает обязанность рассматривать все споры объективно и беспристрастно. Однако правовые реалисты показали, что даже пол, не говоря о расе, вероисповедании, а тем более политической ангажированности, среднестатистически влияет на выносимое судьей решение²¹. Кроме политических и социальных факторов, на решение влияют также биологические факторы (чувство голода), что было подтверждено в одном из исследований израильских ученых, согласно которому судьи в предобеденное время выносили более суровые приговоры по сравнению с приговорами, которые были провозглашены после обеденного перерыва: «Юридически нерелевантные ситуационные детерминанты — в данном случае просто

¹⁸ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 70.

¹⁹ Грязин И. Н. Право есть миф // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 2011. № 5. С. 79.

²⁰ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 68.

²¹ Там же. С. 71.

перерыв на еду — могут привести к тому, что судья вынесет иное решение в делах с аналогичными юридическими характеристиками»²².

Таким образом, естественно-правовая концепция не способна отыскать свой фундамент в современном мультикультурном обществе, а позитивистская концепция, в частности, сталкивается с отсутствием реальной объективности и беспристрастности в действиях субъектов права — личности, судьи, чиновника, каждый из которых обитает в собственном социокультурном контексте, детерминирующим их поведение (правоприменение). Права и свободы человека в современной теории права выступают культурными феноменами, релятивистскими концепциями (для каждого права — своя концепция), относительность которых определяется спецификой общества и множеством политических, социальных и этических факторов.

Специфика права и свободы в полной мере зависит от социокультурных особенностей того или иного общества. Например, Ж.-Ф. Лиотар отмечает: «Законы, которые он [субъект] себе формулирует, справедливы, но не потому, что они соотносятся с какой-то внешней природой, а потому, что законодатели сами состоят из граждан, подчиняющихся законам, а отсюда, воля гражданина, чтобы закон творил правосудие, совпадает с волей законодателя, чтобы правосудие творило закон»²³.

На относительность прав и свобод человека, их антиуниверсальность и зависимость от культурных феноменов указывает тот факт, что список прав и свобод человека в государствах не просто различен, но и совпадающие права и свободы нередко толкуются по-разному. Например, право на семью, закрепленное в Семейном кодексе Российской Федерации (статья 1) и Европейской конвенции по правам человека, содержит в себе производное право на вступление в брак, однако в части европейских государств однополые союзы между людьми разрешены (Дания, Бельгия), в других запрещены, но разрешено партнерство (Греция, Че-

²² Danziger S. Extraneous factors in judicial decisions / S. Danziger, J. Levav, L. Avnaim-Pesso // PNAS. 2011. Vol. 108. № 17. P. 6892.

²³ Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. С. 88.

хия), а в некоторых такие союзы запрещены полностью (Россия). Следовательно, зависимость права от культуры и социологических факторов позволяет использовать право на семью и производные от него совершенно по-разному.

Иным примером служит основополагающий конституционный принцип равенства. В статье 19 Конституции РФ указано, что мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Далее это право уточняется в Семейном кодексе Российской Федерации (равенство в воспитании детей и несении родительских обязанностей) и в Трудовом кодексе Российской Федерации (равенство работников мужского и женского пола, за исключением позитивной дискриминации, запрещающей женщинам работать во вредных условиях и т. п.). Между тем равенство в воспитании детей — это формальное закрепление равнозначности обоих родителей, тогда как на практике культурная особенность российского общества заключается в том, что при расторжении брака и определении судами места жительства ребенка, в большинстве случаев ребенок остается жить именно с матерью. К примеру, С. В. Зыков, ссылаясь на исследования психологов, писал, что в 90-95% случаях ребенка оставляют жить именно с матерью²⁴. Другое исследование подтверждает, что при определении места жительства ребенка закон может подвергаться различному прочтению и в рамках одного государства: «[В 2020 году] судами Северо-Кавказского федерального округа в пользу отцов вынесено 36,4 % решений, в то время как остальными — 20,8 %, почти в два раза меньше»²⁵.

С точки зрения позитивистской теории, права и свободы человека, закрепленные в нормативных актах, в последующем могут быть ограничены государством в определенных законом целях. В свою очередь, согласно естественно-правовой концепции, права и свободы также могут быть ограничены, однако в таком случае ограничение служит формой предоставления свободы. Например, автор либертарно-юридической концепции В. С. Нерсисянц отмечал: «Правовые

²⁴ Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 96.

²⁵ Зыков С.В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики. // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17 (3 (136)). С. 78.

дозволения и запреты в праве призваны выразить и гарантировать всем членам общества максимально возможную на данном этапе его развития равную для всех меру свободы»²⁶.

Различное понимание права, конституционных принципов приводит к тому, что и ограничения прав и свобод как конституционный институт также подвергаются влиянию множества социальных и политических факторов. Кроме того, конституционно-значимые цели (нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц) являются такими же неопределенными философскими, моральными категориями, как добро и справедливость, поэтому цели ограничения прав и свобод определить конкретным образом невозможно. С точки зрения постмодернистской теории, один культурный феномен (права и свободы), содержащий множество неопределенных аспектов, претерпевает изменения под влиянием другого культурного феномена (институт ограничения прав и свобод человека), который по своей сути также применяется различным образом в зависимости от тех или иных факторов.

Примером этого может служить дело Константина Маркина, которому было отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения возраста трех лет по причине прохождения военной службы по контракту. Конституционный Суд указал, что такое ограничение прав не противоречит положениям Конституции РФ в связи с особым статусом гражданина (военнослужащий по контракту)²⁷. Между тем Европейский Суд по правам человека по итогам рассмотрения жалобы Константина Маркина признал, что заявитель подвергся дискриминации по признаку пола, так как его статус мужчины-военнослужащего не позволял взять отпуск по уходу за ребенком, тогда как в аналогичных ситуациях наличие

²⁶ Нерсесянц В.С. Философия права : учеб. для вузов. М.: Норма, 2005. С. 90.

²⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87365/ (дата обращения 17.09.2023).

такого права у женщин-военнослужащих признавалось²⁸. Таким образом, судьи Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека рассмотрели одну проблему, связанную с дискриминацией по половому признаку, и приняли противоположные решения, так как ответ на разрешенный вопрос о наличии дискриминации или о ее отсутствии лежал в социокультурных общественных различиях.

Позитивистскими взглядами сложно объяснить различия в вердиктах, принятых двумя судами, так как Конституция РФ, российское законодательство и Европейская конвенция по правам человека имеют одинаковое содержание в части запрета дискриминации по половому признаку и провозглашения равенства между полами. Нормативное содержание актов подлежит многократному прочтению (использованию) в различных ситуациях, что создает противоположные решения в отношении одних и тех же норм. Как, например, указывал американский ученый в области права Дж. Б. Уайт, «на самом деле гениальность закона заключается в том, что это не набор «приказов», а набор текстов, предназначенных для чтения в обстоятельствах, которые в принципе нельзя полностью предвидеть. Значит, что принять законодательный акт или решить дело — или даже составить проект контракта — в определенный момент времени, зная, что в будущем это будет реализовано другими (или нами самими) в контекстах и значениях, которые мы не можем полностью вообразить. Именно этот факт порождает интеллектуальную и этическую жизнь юридических мыслей и аргументов»²⁹.

Понимание ограничения прав и свобод с точки зрения позитивистской теории связано с иной проблемой: не все права и свободы закреплены в законодательных актах, а ограничить можно лишь то, что закреплено в позитивной форме. В статье 55 Конституции РФ признается открытость перечня прав, то есть отсутствие в тексте общепризнанных прав и свобод не должно толковаться как их отрицание и умаление. Общепризнанные права и свободы человека и гражданина

²⁸ Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

²⁹ White J.B., What Can a Lawyer Learn from Literature? // Harvard Law Review. 1989. № 8. P. 2035.

выступают спорным понятием, которое можно интерпретировать по-разному, однако содержание положения дает возможность существовать иным правам, не закрепленным в тексте Конституции РФ (неписанные права). Например, Конституционный Суд РФ признавал наличие права на погребение тела родственниками погибшего, которое вытекает из взаимосвязанных положений Конституции РФ³⁰. А. В. Должиков также приводит пример неписанного конституционного права на личность, выведенного Конституционным Судом ФРГ: «[Оно состоит в] гарантировании сфер, наиболее близких к личной жизни, и сохранении ее основных условий, которые в итоге не охватываются традиционными конкретными свободами»³¹.

В отношении института ограничения прав и свобод человека существует проблема, связанная с наличием возможности ограничить все права и свободы (писанные и неписанные) или же с неприступностью некоторых прав (абсолютные права). Абсолютное право понимается в науке по-разному: как отношение, когда управомоченному лицу противостоит неопределенный круг обязанных субъектов³², или как право, которое не может быть ограничено и обладает максимальной степенью защищенности³³. Например, А. Гевирт отмечал, что абсолютное право не может быть отменено ни при каких обстоятельствах, поэтому оно никогда правомерно не ограничивается и должно быть реализовано без исключений³⁴. Поэтому абсолютность в контексте ограничения прав и свобод указывает на полную невозможность ограничить конкретное абсолютное право.

³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4.

³¹ Должиков А. В. «Рукописи не горят»: Неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 122.

³² Чертова Н.М.. Абсолютные права в системе гражданских правоотношений // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2013. № 17. С. 396.

³³ Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2 (105). С. 51.

³⁴ Gewirth A. Are There Any Absolute Right? // The Philosophical Quarterly. Vol. 31. 1981. № 122. P. 2.

Помимо абсолютности, в конституционной теории и практике используется характеристика «неотчуждаемость». Неотчуждаемость и абсолютность права следует разграничивать. Первое фактически означает невозможность лишения права, то есть его нельзя отнять у человека и гражданина в полном объеме, однако такое право может быть ограничено. Абсолютность же указывает на невозможность ограничения. На практике существуют неотчуждаемые права, которые могут быть ограничены (например, Конституционный Суд в качестве такого права выделял право на место жительства³⁵). Н. С. Бондарь и Э. Э. Баринов отмечали, что в Конституции 1993 года была закреплена несколько архаичная модель естественных прав: «Но она была призвана подчеркнуть переход к новой системе взаимоотношений между государством и личностью на конкретном этапе исторического различия общества и государства»³⁶.

К отсутствию единообразного понимания абсолютных прав привело содержание статьи 56 Конституции РФ, которая гласит: «Не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Конституции Российской Федерации». Например, А. М. Малько относит к абсолютным права, указанные в части 3 статьи 56 Конституции РФ³⁷. Частично позиция А. М. Малько подтверждается Конституционным Судом, который признавал право на судебную защиту и законный суд не ограничиваемыми, то есть абсолютными³⁸.

В свою очередь, А. А. Подмарев отмечал, что данные положения указывают на запрет ограничения перечисленных в статье 56 Конституции прав в условиях чрезвычайного положения, когда как в обычных условиях такие права могут быть

³⁵ См.: четвертый абзац пункта 3 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 04 апреля 1996 № 9-П // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

³⁶ Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 11.

³⁷ Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 2004. С. 101.

³⁸ См.: абзац четвертый пункта 4.4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 года № 10-П // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

ограничены³⁹. К примеру, Конституционный Суд РФ относил право на свободу вероисповедания, закрепленное в статье 56 Конституции РФ, к ограничиваемым правам⁴⁰.

С другой стороны, Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин говорят о том, что не существует абсолютных прав и свобод, любые из них могут быть ограничены⁴¹. Для Европейского Суда по правам человека даже право на жизнь, которое часто рассматривается как естественное и абсолютное право, может быть ограничено в определенных ситуациях⁴².

Все же стоит отметить, что некоторые права действительно не могут быть ограничены, так как часть их касается исключительно отдельной личности, а их реализация не создает для государства, общества или других лиц каких-либо обременений. К ним относятся права, напрямую связанные с судебной защитой в пределах российской юрисдикции, международной защитой, представительством в судах, то есть так называемые гарантии реализации прав и свобод⁴³. А. А. Подмарев, например, выделил перечень абсолютных прав на основе позиций Конституционного Суда. По его мнению, кроме права на судебную защиту и законный суд, к ним относятся право на получение квалифицированной юридической помощи, право на самостоятельный выбор защитника и право на помощь адвоката

³⁹ Подмарев А.А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 71.

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.2020 № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7378.

⁴¹ Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. С. 133.

⁴² The European Court of Human Rights. Judgment of 9 February 2016. *Khachukayev v. Russia*, Applications no. 34576/08 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-160420> (дата обращения: 07.05.2021).

⁴³ Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 295.

(защитника), презумпция невиновности, право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом, права потерпевших от преступлений⁴⁴.

Указание на невозможность ограничения права на судебную защиту и законный суд связано с тем, что при реализации данных прав угроз для общественно значимых благ, перечисленных в статье 55 Конституции РФ, не возникнет. Следовательно, при отсутствии угроз нет нужды защищать общество и государство путем введения ограничений. Таким образом, не ограничиваемые права в России все же существуют, но большая часть из них относится к гарантиям защиты иных прав и свобод. Абсолютными такие права делает не их естественно-правовая природа, а фактическое предназначение, которое попросту не может посягать на публичные интересы.

Личные, политические и социально-экономические права могут быть ограничены. Единственным спорным исключением можно назвать право на жизнь, которое абсолютно, что приводит к невозможности ограничения этого права. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в статье 2 определяет случаи, когда лишение жизни не будет рассматриваться в качестве нарушения права на жизнь: защита лица от противоправного насилия, законное задержание или предотвращение побега, подавление бунта и мятежа⁴⁵. Например, С. Т. Сазин, отрицая абсолютность права на жизнь, все же замечает: «Термин «ограничение прав человека» к праву на жизнь применить вообще нельзя (если лицу причиняется смерть, это никак не «ограничение» его прав; в случае смерти лицо не может быть восстановлено в правах, потому что при отсутствии жизни права становятся бессмысленными)»⁴⁶.

Проблема абсолютности права на жизнь лежит в интерпретации данного права. При понимании права на жизнь как биологического существования (узкое

⁴⁴ Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: конституционные основы и правовые позиции Конституционного Суда России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4. С. 64.

⁴⁵ Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

⁴⁶ Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 43.

толкование) это право действительно является абсолютным, так как существование невозможно ограничить, можно лишь отнять и лишить его без восстановления или частичного использования в дальнейшем. С другой стороны, сторонники широкого понимания человеческой жизни рассматривают право на жизнь не как биологическое существование, а как социальное явление с множеством опосредованных связей⁴⁷. Расширенное восприятие права на жизнь, согласно позиции В. В. Комаровой, тесно связано, в частности, с правом на биосоциодуховную самореализацию и охрану здоровья⁴⁸. В таком случае право на жизнь используется совместно с принципами достоинства личности и справедливости. Например, Н. А. Белобрагина отмечала, что право на жизнь, становясь позитивным правом, закрепленным в Конституции РФ, все же может быть ограничено, так как российское законодательство предусматривает правомерность причинения вреда при осуществлении задержания лица, совершившего преступление, или правомерность причинения вреда при необходимой обороне⁴⁹. При широком толковании права на жизнь оно действительно может быть ограничено несмотря на то, что при задержании лица или необходимой обороне причиняется вред, а не смерть. Вред, причиненный физическим насилием обвиняемому при необходимой обороне, рассматривается в качестве попытки ограничить право на жизнь (правомерное покушение) и влечет определенные последствия (травмы, увечья), которые влияют на право на жизнь обвиняемого в широком смысле, как на достойную жизнь без ограничений, связанных со здоровьем и физическим состоянием. Таким образом, кроме абсолютных прав, относящихся к гарантиям защиты иных прав и свобод, все права и свободы, перечисленные в Конституции РФ, производные права и неписанные права могут ограничиваться.

⁴⁷ Нохрина М. Л. Абсолютное субъективное право на жизнь — цивилистический аспект // Правоведение. 2015. № 3 (320). С. 49.

⁴⁸ Комарова В. В. Защита здоровья граждан как основной элемент обеспечения права на жизнь и особенности его реализации в чрезвычайных ситуациях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10. С. 19.

⁴⁹ Белобрагина Н. А. 1. 5. Ограничение конституционного права на жизнь // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 26.

Впервые обособленный институт ограничений прав и свобод человека и гражданина был закреплен в Конституции Российской Федерации 1993 года, которая декларирует в части 3 статьи 55, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Если обратиться к значению слова «ограничивать», то его толкование напрямую связано со следующим содержанием: ‘поставить в рамки, сократить охват’⁵⁰, ‘стеснять, отделять, отгораживать, являться пределом’⁵¹.

Конституция РФ предполагает, что правовые ограничения будут использованы во благо общества, государства и личности, однако непосредственный субъект, чье право ограничено, может претерпевать определенные лишения, так как часть его потенциальной свободы становится утерянной. А. В. Малько рассматривает правовое ограничение в качестве инструмента, выражающего отрицательную правовую мотивацию⁵². Однако правовое ограничение — это не умаление правового статуса личности, так как оно призвано защитить общественные интересы.

Ограничение прав и свобод выступает средством регулирования общественных отношений. По мнению А. В. Малько, правовое регулирование как специально-юридическое воздействие связано с установлением конкретных прав и обязанностей субъектов, с прямыми предписаниями о должном и возможном⁵³. Ограничение прав и свобод выступает средством правового регулирования, однако не является единственным. Например, Р. Г. Нурмагамбетов разделяет средства на две группы: «Конституционные установления, составляющие субстанцию конституционного регулирования (нормы конституционного права, принципы конституционного права, конституционные отношения) и явления характеризующих

⁵⁰ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. С. 555.

⁵¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. М.: Наука, 1959. С. 644.

⁵² Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 91.

⁵³ Там же, С. 26.

правовую форму конституционного регулирования (акты реализации субъективных прав и обязанностей)»⁵⁴.

Необходимо отделять друг от друга ограничение прав как конституционно-правовой институт, изменяющий нормативное содержание права в общественно-значимых целях, и ограничения прав в качестве конкретных примеров воздействия на существенные характеристики права. В настоящей работе рассматривается ограничение прав в широком смысле (как институт), но примеры ограничений субъективных прав и свобод (реализация) также будут затрагиваться при изучении отдельных проблемных моментов.

Потенциальная свобода ограничивается не только путем введения запретов, но и посредством наделения обязанностями, которые лицо должно исполнить. Ограничения в форме обязанностей чаще всего обнаруживаются в уголовно-исполнительной сфере, регулирование которой не только ограничивает свободу передвижения, но и, в частности, может налагать обязанности, например, по выполнению работ в исправительном учреждении⁵⁵. Ограничение прав и свобод не всегда выступает сужением круга потенциальных действий, которые лицо может осуществить. Наоборот, некоторые ограничения расширяют перечень таких действий, закрепляя их обязательную реализацию лицом. К примеру, при использовании меры пресечения в виде подписки о невыезде (статья 102 УПК РФ) обвиняемый обязуется не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда и в назначенный срок являться по вызову дознавателя, следователя и суда. В таком случае право на свободу передвижения ограничивается, при этом на лицо налагаются определенные обязанности, неисполнение которых повлечет негативные последствия (изменение меры пресечения). Таким образом, ограничение в виде запрета сужает количественную характеристику права, то есть перечень возможностей при реализации права. Возложение же обязанности оставляет лишь один или несколько приемлемых вари-

⁵⁴ Нурмагамбетов Р. Г. Элементы механизма конституционного регулирования общественных отношений: анализ теоретико-правовых подходов. Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 27 (3). С. 150.

⁵⁵ Човган О. В. Ограничения прав заключенных: правовая природа и обоснование: монография / Пер. с укр. Харьков: Права людини, 2017. С. 95.

антов поведения: лицо, к которому применено ограничение, обязано совершить определенное действие.

Непосредственно ограничение прав и свобод понимаются в научных работах по-разному. Можно выделить два основных подхода к такому пониманию. Первый говорит об ограничениях как об инструментах, воздействующих на статус личности. В рамках этого подхода В. Д. Зорькин понимал под ограничением законное определение границ, пределов осуществления прав⁵⁶. Похожим образом подошел к проблеме В. А. Шемаров, который определил ограничение как установление границ допустимого, одобряемого и запрещенного поведения⁵⁷. М. А. Маковецкая предложила толковать ограничение прав как установление государством на законодательном уровне определенных пределов, в рамках которых индивидум, независимо от его статуса, может реализовывать свои права и свободы⁵⁸. А. А. Подмарев дал следующее определение ограничения прав и свобод: «Это установленные законодательством пределы (границы) реализации (осуществления) человеком (гражданином) прав (свобод), выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства»⁵⁹.

Схожих позиций придерживаются Э. Т. Рамазанова и Г. А. Гасанов (сокращение количества вариантов дифференциации поведения)⁶⁰, А. А. Зайцев (систе-

⁵⁶ Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 9.

⁵⁷ Шемаров В. А. Сущность, понятие, признаки и виды правовых ограничений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2017. № 9. С. 183.

⁵⁸ Маковецкая М. Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №. 6-1. С. 236.

⁵⁹ Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук, Саратов, 2001. С. 15.

⁶⁰ Рамазанова Э.Т., Гасанов Г.А.. Конституционное ограничение прав и свобод человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. №. 2. С. 67.

ма изъятий из юридического положения лица)⁶¹, А. А. Переверзев (система конституционно-правовых средств, определяющих носителя, сферу нормативного содержания)⁶², А. А. Кондрашев (ограничение условий и пределов реализации прав)⁶³ и Е. Ш. Рассолова (вмешательство в сферу конституционной свободы индивида, изменяющее (уменьшающее) эту свободу)⁶⁴. Такой подход вполне обоснован, так как права человека не существуют отдельно от личности, а государство, ограничивая права, ставит перед собой цель не повлиять на субъективное право как на абстрактную категорию, но изменить правовое положение индивида во благо общества и для достижения определенных целей. Однако в рамках данного подхода остаются нерассмотренными изменения в содержании самого субъективного права.

Подход, при котором ограничение понимается как воздействие на содержание права, а не на статус индивида, также представлен в науке. Например, В. И. Крусс толковал ограничение прав человека как их модификацию, не предполагающую изменения их существа⁶⁵. В. И. Гойман называет ограничением права сужение его объема⁶⁶.

В целом можно сказать, что второй подход не противоречит первому, так как вводимые ограничения прав и свобод влияют как на право, так и на статус индивида. Приведенные подходы рассматривают механизм введения ограничений с разных сторон. Первый подход, акцентируя внимание на статусе личности, описывает результат введенных ограничений, то есть изменившийся правовой статус индивида. Второй подход описывает процесс (механизм) ограничения прав и сво-

⁶¹ Зайцев А.А. Ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2014. С. 9.

⁶² Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 25.

⁶³ Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 42.

⁶⁴ Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 12.

⁶⁵ Крусс В.И. Теория конституционного правопользования : монография. М.: Норма, 2007. С. 244.

⁶⁶ Гойман В. И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 26.

бод, влияющий, прежде всего, на нормативное содержание прав и свобод, изменяющееся под воздействием введенных ограничений.

Так, Конституционный Суд признал правомерным ограничение права собственности, предусмотренное частью 4 статьи 104 Закона о банкротстве, при котором имущество должника, необходимое для жизнеобеспечения населения, в процедуре банкротства может быть передано муниципальному образованию, то есть исключено из конкурсной массы⁶⁷. В данном случае в первую очередь ограничивается право частной собственности, так как имущество субъекта принудительно передается иному лицу (муниципальному образованию), то есть изменяется нормативное содержание права. Однако такое изменение характеристик права частной собственности осуществляется только в отношении должника в процедуре банкротства, то есть ограничение воздействует только на конкретных субъектов права. В результате введенного ограничения их право собственности претерпевает изменения в связи с обязанностью передать объекты муниципальному образованию.

Иным примером служит Федеральный закон «О защите прав потребителей», в соответствии с положениями которого на изготовителя, продавца налагаются ограничения в виде обязанностей (возвратить денежные средства за товар, обменять товар при наличии желания потребителя, заменить товар ненадлежащего качества), которые необходимо исполнить (иначе может последовать имущественная ответственность). В данном случае введенными ограничениями в первую очередь осуществляется модификация права: ограничивающий механизм смещает баланс интересов в пользу потребителя, который является слабой стороной. Введенные ограничения касаются не всех участников гражданского оборота (в данном случае не всех продавцов и изготовителей). Правовой статус последних будет изменен, когда они вступят в правоотношения с потребителем по смыслу Федерального закона «О защите прав потребителей», то есть с гражданином, при-

⁶⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // Российская газета. 2000. № 98.

обретающим товары для собственных нужд, а не в предпринимательских целях. В иных случаях продавцы и изготовители (в правоотношениях с юридическими лицами) вышеназванные ограничения испытывать не будут.

Именно в этом состоит взаимосвязь двух подходов к пониманию ограничения прав человека. При первом подходе, акцентирующим внимание на изменяющемся статусе субъекта, рассматривается результат введенных ограничений и его применение на практике, а второй подход разъясняет процесс введения ограничений, заключающийся в изменении нормативного содержания права. При введении ограничения первичным является именно изменение содержания права, так как ограничение не распространяется на всех субъектов: даже ограничения в период пандемии COVID-19, затронувшие широкие массы, не относились одинаково ко всем, так как часть граждан (работники объектов инфраструктуры) не была ограничена в той же степени в свободе передвижения. Вводимые изменения являются стабильными ограничителями содержания права, которое сохраняется до отмены ограничения, и лицо должно попасть под действие модифицированной нормы права, чтобы его правовой статус изменился. Как было показано, для ограничения права собственности в виде обязанности передать имущество муниципальному образованию необходимо быть не просто юридическим лицом, но и находиться в состоянии прохождения процедуры банкротства в качестве должника (к иным юридическим лицам это ограничение не применимо). Продавец и изготовитель одновременно могут продавать один и тот же тип товаров гражданину для семейных нужд и юридическому лицу, но только в первом случае ограничения, предусмотренные законом «О защите прав потребителей», будут воздействовать на продавца и изменят его правовой статус.

В связи с изложенным под ограничением прав и свобод предлагается понимать процесс по изменению нормативного содержания (объема) права путем наложения обязанностей и (или) введения запретов. В свою очередь, трансформация правового статуса личности — это результат вводимых ограничений, которые не являются универсальными и абсолютными, так как не действуют в отношении

всех субъектов права. Также в определенных случаях субъект может освободиться от ограничений, прекратив участие в соответствующих правоотношениях.

Содержание статьи 55 Конституции РФ требует взаимосвязанного осмысления трех конституционных понятий: ограничение, умаление и отмена. В науке нет единого мнения ни о каждом из них в отдельности, ни об их соотношении в контексте проблематики прав и свобод человека. Думается, что важность для конституционно-правового исследования представляет не столько теоретическое толкование понятий, сколько выявление их практического выражения при непосредственном применении права. В случае со значимыми конституционными феноменами на первый план выходит не выявление сущности самой нормы или понятия, а изучение и анализ интерпретаций данных понятий Конституционным Судом РФ.

Как отмечал В. А. Лебедев, «В целом же существует очень тонкая грань между правомерным ограничением прав и свобод и фактическим отрицанием, т.е. своеобразным ценностным нигилизмом»⁶⁸. Конституция РФ не раскрывает значение понятий «умаление» и «отмена» в контексте прав и свобод человека и гражданина. Начать необходимо с отмены права, так как она противоположна ограничению прав и свобод. Научных работ, посвященных понятию «отмена права», в отечественной науке не много. Так, М. С. Яшина под отменой права понимает прекращение действия права путем его аннулирования либо придания обратной силы закона⁶⁹, И. В. Логвинова — формальное и сущностное прекращение действия и невозможность реализации, отказ государства признать саму возможность существования такого права⁷⁰. Позиции ученых сводятся к пониманию отмены права как его исключения, прекращения действия субъективного права во времени и пространстве.

⁶⁸ Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // *Lex Russica*. 2017. № 1. С. 132.

⁶⁹ Яшина М. С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина в конституционной доктрине современной России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право*. 2020. № 20. С. 103.

⁷⁰ Логвинова И. В. Толкование Конституционного суда Российской Федерации умаления и отмены прав и свобод // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2015. № 5. С. 43.

Конституционный Суд высказывал позицию в отношении такой отмены следующим образом: «Нормы, отменяющие или изменяющие определенные преимущества, компенсации и льготы, вносятся в текст того федерального закона, которым они были установлены»⁷¹. В данном случае речь шла о праве на получение недвижимости за военную службу. Прямо это право не было отменено. Формально оно сохранялось, однако в связи с введенными законодателем изменениями его реализация стала менее доступной для гражданина, так как при невозможности предоставления жилого помещения орган местного самоуправления должен был выплачивать военнослужащему ежемесячную компенсацию. В результате приостановления действия данной нормы право военнослужащего на получение жилья, формально предусмотренное в законе, оказалось заблокированным, что привело к невозможности его реализации. Конституционный Суд прямо не констатировал, что это является отменой, но сослался на часть 2 статьи 55, которая содержит запрет на отмену и умаление права.

В другом решении Конституционный Суд указал, что замена трехлетнего моратория на запрет по существу означает полную отмену права⁷². Конституционный Суд фактически решил, что временное ограничение прав и свобод допустимо, но если временная мера трансформируется в постоянную, то правомерное ограничение превращается в необоснованную отмену права. Об этом, в частности, писал судья Конституционного Суда А. Л. Кононов: «Всякое ограничение права может допускаться лишь как временная мера. В противном случае оно является не чем иным, как отменой права, которая недопустима в силу части 2 статьи 55 Кон-

⁷¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // СЗ РФ. 2004. № 19 Ст. 1923.

⁷² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2000 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона Российской Федерации «Об образовании», статьи 1 Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» и пункта 7 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с запросом Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е.Е. Насоновой и Н.П. Ярушиной» // СЗ РФ. 2000. № 44. Ст. 4399.

ституции Российской Федерации»⁷³. Т. Г. Морщакова также указала, что отмена права является ограничением, которое посягает на само существо права, фактически лишая гражданина данного права⁷⁴.

Таким образом, отмена права считается неправомерным действием, так как посягает на содержание права путем его полной блокировки, что приводит к невозможности реализовать такое право. Причем само право вводимыми изменениями может не прекращаться и продолжать формально декларироваться, однако фактически его реализация может оказаться под запретом (примером этому может служить введение моратория, который сужает объем потенциально возможных действий на постоянной основе).

Но вышесказанное не отражает всех граней понятия отмены права. Конституционный Суд отмечал, что закон, налагающий дополнительные требования на лиц, у которых ранее возникло право на определенное благо, является отменой этого права и нарушает часть 2 статьи 55 Конституции РФ. По существу, это придает закону обратную силу, которая отменяет право⁷⁵. В качестве примера отмены права, которым до введения закона обладали граждане, В. А. Черепанов приводит повышение пенсионного возраста: «До законодательных новаций указанные граждане обладали правом на получение пенсии, которое было отменено Федеральным законом от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ»⁷⁶.

Другим примером отмены в виде придания закону обратной силы служит постановление, в котором Конституционный Суд признал несоответствующей Конституции РФ норму об уточнении круга лиц из числа инвалидов с детства, имеющих право на получение жилищной субсидии, что исключало часть лиц из

⁷³ Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // 2006. № 3. Ст. 336.

⁷⁴ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Т.Г. Морщакковой по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // 2006. № 3. Ст. 336.

⁷⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2002 № 320-О «По жалобе гражданина Спесивцева Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «а» части первой статьи 12 и статьи 133.1 Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 2.

⁷⁶ Черепанов В.А. О правовой возможности повышения пенсионного возраста: анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 54.

списка на субсидии: «Придание закону обратной силы должно иметь место преимущественно в интересах индивида в отношениях, возникающих между ним и государством в публичной сфере»⁷⁷. Однако не любое придание закону обратной силы является отменой права. Конституционный Суд, в частности, утверждал, что придание обратной силы не будет отменой права, когда законодатель дает гражданам период для адаптации к изменениям или не ухудшает положения лиц по сравнению с положением, существовавшим до введения ограничений⁷⁸.

Из позиций Конституционного Суда РФ можно вывести две основные формы отмены прав и свобод:

- перманентное ограничение прав и свобод, независимо от конституционно-значимых целей, служащих причиной для введения ограничения;
- придание обратной силы закону путем возникновения новых обязанностей у лица и блокирование права, возникшего у гражданина ранее, ухудшающее его положение.

Отмена прав и свобод всегда происходит путем принятия нормативного акта в отношении определенного круга лиц и распространяется на всю территорию государства, в некоторых случаях — на территорию субъекта Федерации. Отмену и ограничение можно рассматривать в качестве регулятивного процесса по воздействию на нормативное содержание субъективного права и его объем. Противоположность данных понятий заключается в том, что при воздействии на право ограничение является правомерным изменением объема, а отмена нет.

Отменой права может признаваться не перманентное ограничение права, а перманентное посягательство на право, производное от основного. Например, производным от права на квалифицированную юридическую помощь является

⁷⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2022 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 года № 228-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобой гражданина А.В. Окулова» // Российская газета. № 58. 18.03.2022.

⁷⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2004. № 6. Ст. 450.

право на выбор адвоката. Конституционный Суд отмечал, что зависимость выбора обвиняемым адвоката от наличия у последнего допуска к государственной тайне противоречит также принципу состязательности и равноправия сторон в судопроизводстве⁷⁹. норма, так как фактически посягала не на само существо права, а на его практическую реализацию в контексте выбора конкретного адвоката для защиты по уголовному делу и в связи с этим была признана неконституционной.

Отмена не всегда полностью аннулирует право таким образом, что граждане больше не имеют формальной возможности на получение блага. Отмена может происходить и при сохранении права в составе правового статуса, но при этом на практике его невозможно будет реализовать. То есть право при отмене не всегда является «отмененным» буквально. В связи с этим возникает вопрос о корректном использовании терминологии в тексте Конституции РФ.

А. В. Должиков прямо указывает, что понятие «отмена» может означать полное исключение какого-либо права из текста Конституции, однако отмечает, что такое исключение маловероятно в связи с особой стабильностью норм Конституции РФ⁸⁰. А. В. Должиков говорит о нереальности отмены права, которая сводится не к практической невозможности использовать право, а к формальному исключению того или иного права из текста Конституции (в таком случае отмена должна быть отдельным действием законодателя по исключению права, что недопустимо в соответствии с нормами Конституции).

Согласно справочной литературе, слово «отмена» означает осуществление действия, предполагаемого значением глаголов «отменить» или «отменять», которые означают следующее: «уничтожать, объявлять недействительным что-либо

⁷⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

⁸⁰ Личность - общество - государство: конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России [Текст] : материалы межрегионального научно-практического семинара (Барнаул, 9 декабря 2010 г.) / под ред. В.В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 99.

существовавшее, принятое, установленное ранее»⁸¹. Отменить можно только то, что действовало ранее, то есть отмена связана с прекращением действия определенного права, объявлением его недействительным. Однако приведенные ранее примеры из постановлений Конституционного Суда демонстрируют, что при отмене право не объявляется недействительным, не исключается из текста Конституции, а остается в нем. В случае отмены в ее прямом значении норма прекращала бы свое действие, однако исходя из сложившейся практики отмена права находит свое отражение только при реализации лицом такого права.

Кроме того, на уровне государства признать отмену права может только Конституционный Суд после обращения лица с жалобой. Следовательно, неправомерное ограничение права становится (признается) отменой только после проверки законодательного акта Конституционным Судом. Термин «отмена» больше подходил бы для объяснения действий государства, которое прямо исключает то или иное право из текста Конституции или федерального закона. Но Конституционный Суд, констатируя факт отмены и нарушения прав и свобод введенным ограничением, своим решением не возвращает отмененное право в текст Конституции РФ или федерального закона, так как оно формально не исключалось отсюда, а указывает на необходимость доработки законодательного акта или изменения правоприменительной практики.

Отмена по своей сути является регулятивным прямым действием по отношению к объекту (право), однако в сложившейся практике Конституционного Суда отмена признается латентным неправомерным ограничением, которое сначала должно быть обнаружено, а потом уже исправлено. Без решения Конституционного Суда любое неправомерное ограничение не может быть признано на государственном уровне отменой права. Кроме того, отмена в виде придания закону обратной силы путем наложения дополнительных требований не изымает право, однако для его реализации становится необходимо выполнить дополнительные действия, что недопустимо с точки зрения Конституции РФ.

⁸¹ Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. М.: Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние: «Наука», 1959. С. 1470.

Таким образом, «отмена права» не является удачным термином для описываемого явления, так как даже при фактическом аннулировании права оно все равно формально остается закрепленным в нормативном акте и продолжает действовать. А при исправлении ошибки законодателя Конституционный Суд исключает часть нормативного содержания, отменяющего право, и право вновь начинает действовать без каких-либо препятствий. Кроме того, «отмена» в некоторых ситуациях аннулирует (объявляет недействительным) право только для части лиц, которым оно ранее было доступно (например, исключение из списка получателей субсидии), то есть это частичное регулятивное действие, которое не отменяет право полностью для всех субъектов, что уже не позволяет именовать явление отменой. Отмена, наравне с ограничением, является регулированием объема права, направленного на конкретных субъектов, поэтому отмена, вопреки своему лексическому значению, не объявляет право недействительным в целом, а делает это частично в отношении определенного круга лиц (например, пенсионеры, военнослужащие и т. п.), сохраняя право у иных лиц. К примеру, при отмене права на пенсионное обеспечение по возрасту путем наложения дополнительных требований относительно трудового стажа, право на социальное обеспечение, закрепленное в статье 39 Конституции РФ, на самом деле полностью не отменяется (аннулируется), так как это право на обеспечение существует у иных групп: инвалиды, лица, потерявшие кормильца.

Для описания механизма воздействия на право, который Конституция РФ и Конституционный Суд именуют «отменой», более корректным словом представляется «лишение». Согласно справочной литературе, слово «лишить» равнозначно по смыслу следующему: «оставить без чего-либо, отнять что-либо⁸²». Слово «лишить» также является регулятивным действием в отношении объекта, однако не подразумевает объявление права недействительным и (или) исключение его из закона (формальное закрепление). Лишение права, наоборот, указывает на практическую невозможность его реализовать при формальном сохранении права в

⁸² Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. С. 724.

составе правового статуса лица. При придании обратной силы закону, ухудшающему положение гражданина, его право не отменяется (исключается), а гражданин его лишается, то есть у него отнимают право в контексте практической реализации.

Так, Н. М. Колосова отмечает: «Определяющим критерием разграничения терминов «лишение» и «отмена» следует признать наличие или отсутствие неправомерных деяний. Отмена, как и умаление, права происходит по объективным основаниям, а лишение права возможно лишь в случае наличия неправомерных действий или бездействия»⁸³. Н. М. Колосова рассматривает лишение в качестве одной из форм ограничения, однако критерии дифференциации между ограничением и отменой (лишением) права действительно лежат в объеме, так как оба эти понятия описывают процесс по вторжению в нормативное содержание права, при котором ограничение является допустимым, а отмена (лишение) – нет. Между тем, разграничение отмены и лишения права для целей статьи 55 Конституции РФ затруднительно, так как если понимать лишение как запрет (форму ограничения), то разделять данные понятия не требуется. При интерпретации «лишения» как слова, описывающего механизм по отмене права, данные термины обозначают одно и то же, с той лишь разницей, что отмена не подходит для описываемого явления.

Таким образом, более верно с лексической точки зрения именовать процесс отмены права лишением права, которое является практическим аннулированием последнего (или производного права), посягающим на существо права, приводящим к полной невозможности или возникновению препятствий для достижения благ, гарантированных законодательством.

Умаление прав и свобод также является спорным понятием: его значение могут понимать как неправомерное, недопустимое уменьшение объема правомо-

⁸³ Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 44.

чий субъекта⁸⁴, вторжение в существо прав и свобод⁸⁵, полную или частичную отмену прав и свобод⁸⁶, принижение значения прав и свобод⁸⁷, уменьшение критериальной и регулятивной роли для текущего законодательства, девальвацию их ценности для правовой системы⁸⁸ или игнорирование провозглашенных прав (уменьшение значения их неприменением)⁸⁹.

Например, статья 50 Конституции РФ закрепляет принцип запрета двойной ответственности за одно и то же преступление. Принципы права составляют политико-правовой фундамент государства и выступают определенными гарантиями для общества и личности. Также принципы формируют содержательную основу прав и свобод человека и вводимых ограничений, то есть являются основными началами по отношению к ним. Например, общеправовой принцип защиты прав и свобод человека предопределяет создание новых механизмов реализации процессуальных прав граждан, включая право на дистанционное участие в судебном разбирательстве, позволяет осуществлять восстановление нарушенных прав и свобод и предоставляет эффективные средства защиты при неблагоприятных социально-экономических обстоятельствах⁹⁰.

Е. Е. Мачульская отмечает, что содержанием принципа обеспечения достойных условий труда, в частности, выступает право работника на защиту от чрезмерно низкой оплаты труда⁹¹. Также это касается принципа запрета двойной ответственности, содержанием которого выступает право не быть привлеченным

84 Черепанов В.А. К вопросу об умалении избирательных прав граждан // Российский юридический журнал. 2012. № 1 (82). С. 69.

85 Яшина М.С. «Ограничение» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина: современные подходы к толкованию // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 7 (15). С. 552.

86 Попов В.С. Об умалении и иного рода ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 4. С. 133.

87 Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 64.

88 Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации : научно-практическое пособие. М.: НОРМА : ИНФРА-М, 2011. С. 76.

89 Лазарев В. В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9 (153). С. 45.

90 Бурдина Е.В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Российский судья. 2022. № 10. С. 51.

91 Мачульская Е.Е. Модификация принципов трудового права в свете изменений Конституции Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 4.

дважды за одно деяние, трансформирующееся в обязанность государства не привлекать лицо к ответственности повторно. Этот же принцип предусмотрен Протоколом № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а статья 4 Протокола, посвященная данному принципу, именуется «Право не быть судимым или наказанным дважды»⁹².

Конституционный Суд в постановлении от 15 июля 1999 года № 11-П указал, что отступление от принципа запрета двойной ответственности за одно и то же действие является умалением конституционных прав и свобод. В этом же постановлении Конституционный Суд признал привлечение к двойной ответственности чрезмерным ограничением права частной собственности, повлекшее его умаление⁹³. Умаление в контексте нарушения общеправовых принципов вторгается в политико-правовой фундамент государства и нарушает общие начала взаимодействия человека и государства, что недопустимо.

В ином решении Конституционный Суд указал, что нарушение принципа баланса частных и публичных интересов повлекло бы умаление права на судебную защиту⁹⁴. Также Конституционный Суд называл умалением отступление от принципов равенства и справедливости⁹⁵. Таким образом, принципы права в силу своей универсальной природы являются неприступными для неправомерных ограничений, потому что такое недопустимое изменение содержания права ставит

⁹² Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3835.

⁹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 5.

⁹⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2021 № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова» // Российская газета. 26.11.2021. № 269.

⁹⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» // СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

под вопрос аксиологические характеристики текста Конституции РФ и международных принципов права.

В вышеприведенном решении Конституционный Суд говорил об умалении как о чрезмерном ограничении права (нарушение права частной собственности при привлечении к ответственности за одно деяние). В другом решении Конституционный Суд отмечал: «Задержание на неопределенный срок не может рассматриваться как допустимое ограничение права каждого на свободу и личную неприкосновенность и, по сути, является умалением данного права»⁹⁶. Таким образом, Конституционный Суд выделил еще один вид умаления — недопустимое, или чрезмерное ограничение права. Разграничивать понятия «недопустимости» и «чрезмерности» проблематично, так как Конституционный Суд использует их параллельно в сходных ситуациях.

Кроме того, Конституционный Суд в ином ключе высказывался относительно умаления права: существенное нарушение права, а также отказ в его защите выступает умалением права как такового⁹⁷. В данном деле гражданин А. М. Траспов успешно оспорил в суде отказ избирательной комиссии зарегистрировать его в качестве кандидата, однако окружная избирательная комиссия, обязанная вновь рассмотреть вопрос о регистрации А. М. Траспова, отказала во второй раз. Последний отказ А. М. Траспов также успешно оспорил, и суд признал решение избирательной комиссии недействительным, однако на тот момент выборы уже состоялись. Конституционный Суд указал, что, несмотря на удовлетворение двух жалоб, А. М. Траспов не получил эффективную судебную защиту от государства, так как суды не признавали итоги выборов недействительными, а лишь подтверждали недействительность отказа комиссии в регистрации кандидата. В таком

⁹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 3.

⁹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 3.

случае произошло умаление избирательного права и права на судебную защиту, так как при формальном удовлетворении требований гражданина его права все равно не были восстановлены. Данное решение Конституционного Суда демонстрирует, что под умалением понимается не прямой отказ в защите нарушенного права (лишение права), а формальное соблюдение законности без достижения подлинной цели — восстановления нарушенного права. Конституционный Суд не раз отмечал, что ни при каких обстоятельствах не может быть ограничено право на судебную защиту⁹⁸ и право на законный суд⁹⁹. Однако оспаривавшиеся А. М. Трасповым положения вступили в столкновение с «абсолютными» правами, перечень которых последовательно определялся Конституционным Судом на протяжении всей его деятельности.

Конституционный Суд не ограничивается приведенными выше позициями и раскрывает умаление права через отсутствие веских оснований для ограничения¹⁰⁰, отсутствие корреспондирующей праву гражданина обязанности государственных органов¹⁰¹, искажение основного содержания права и неоправданную, необоснованную дифференциацию (дискриминацию)¹⁰², введение дополнитель-

⁹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статей 220-1 и 220-2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

⁹⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

¹⁰⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2014 № 14-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 5.

¹⁰¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

¹⁰² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

ной обязанности для определенной группы лиц¹⁰³ (нарушение равенства и дискриминация). Таким образом, Конституционный Суд связывает умаление не с уменьшением количественных характеристик права, а с воздействием на его качественные характеристики.

Например, А. В. Стремоухов по поводу последних отмечал: «Являясь юридическим качеством всякого основного права и свободы, возможность человека обладать благом лежит в основе понимания и содержания этого права человека»¹⁰⁴. Качественные характеристики права отражают ценность для человека и общества, поэтому умаление Конституционный Суд связывает с нарушением принципов права или неэффективностью правовой нормы, так как принципы фиксируют ценностные начала общества и системы прав и свобод (равенство, запрет дискриминации, справедливость), а неэффективность при применении права сводит на нет определяемые Конституцией РФ основы.

Ограничение и отмена (лишение) прав — это действия по регулированию нормативного содержания (количественные характеристики), а умаление — это оценка, индикатор вторжения в аксиологические характеристики права (качество). Умаление не противоречит лишению, так как они воздействуют на различные объекты. При введении одного недопустимого ограничения право может терять как свои количественные характеристики, так и качественные. Например, Конституционный Суд в одном из постановлений указал, что лишение права на меры социальной поддержки в виде получения компенсаций является отменой права, так как ранее граждане уже получили права на компенсации в соответствии с удостоверениями, а также умалением, так как нарушены принципы равенства,

¹⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.

¹⁰⁴ Стремоухов А. В. Философско-правовые характеристики основных прав человека // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 16.

потому что объем социальной защиты у других лиц на территории данного субъекта РФ был иным (с правом получать компенсацию)¹⁰⁵.

Аксиология прав и свобод человека выводит на первый план их ценность для каждого, их фундаментальную роль в построении общества, а запрет на умаление прав защищает эту ценность. При умалении права происходит его выхолащивание, то есть лишение его содержания, качественных характеристик. По сравнению с отменой (лишением) права при умалении оно продолжает действовать, однако теряет не свою нормативность, а ценностный, социокультурный смысл.

Таким образом, соотношение ограничения, отмены и умаления основывается на функциональном назначении и характеристиках данных явлений, выявленных Конституционным Судом при проверке законодательных актов. По функциональному назначению ограничения и отмена являются инструментами по регулированию нормативного содержания права. Ограничения допустимы, так как с точки зрения Конституции РФ они призваны защитить конкретные цели и общественные интересы (позитивистская концепция), с позиции естественной концепции ограничения правомерны, потому что абсолютной свободы ни в одном обществе не существует, а ограничения позволяют предоставить человеку максимально возможную подлинную свободу на текущий момент. Исходя из основ постмодернистской концепции, права и свободы как культурный феномен являются относительными и контекстуальными, претерпевают изменения под воздействием вводимых ограничений как иного культурного феномена, и под таким воздействием права и свободы приобретают новый социокультурный смысл и прочтение.

Отмена же предоставленного Конституцией права недопустима, так как она блокирует его и аннулирует его содержание (полностью или частично), оказывая влияние на количественные характеристики права. Сам термин «отмена» не кажется подходящим для описываемого явления: во-первых, основное конституци-

¹⁰⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2012 № 23-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 2 и 4 части второй статьи 19 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки Т.С. Чаплыгиной» // Российская газета. 2012. № 254.

онное право или производное от него не исключается из текста законодательного акта; во-вторых, отмена права может быть связана с наложением на лицо дополнительных требований, поэтому оно не отменяется, к праву лишь затрудняется доступ. Слово «лишение» более точным образом описывает данное явление, так как по лексическому значению оно равнозначно оставлению без чего-либо, отниманию (например, при наложении дополнительных обязанностей лицо лишается права, то есть его отнимают, препятствуют в получении его).

Умаление выступает противоположностью ограничению и отмене, так как не является регулятивным действием, а выступает этической, социокультурной оценкой вводимых ограничений. Запрет на умаление прав призван защитить права и свободы от выхолащивания их ценностного содержания. Между тем умаление в сущностном выражении не противопоставлено отмене, так как одно неправомерное ограничение может одновременно быть отменой (уменьшение количественных характеристик) и умалением (уменьшение качественных характеристик в виде нарушения общих принципов права, потери эффективности правовой нормы)¹⁰⁶.

1.2. Цели и принципы ограничения прав и свобод человека и гражданина

Цели ограничения прав и свобод сформулированы в статье 55 Конституции РФ и включают в себя защиту основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Государство не вправе обосновывать введение ограничения целью, не изложенной в основном законе. Это говорит об императивности данной нормы в контексте перечня целей для ограничения, так как соответствие данным целям является обязательным, а их перечень закрыт.

¹⁰⁶ При подготовке параграфа использованы материалы статей: Болдырев Н. А. Ограничение прав и свобод: сущность и подходы к пониманию // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 22-24.

Болдырев Н. А. Соотношение конституционных понятий «ограничение», «умаление» и «отмена» прав и свобод человека // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 453-455.

Под целью понимается то, к чему стремятся, чего хотят достигнуть¹⁰⁷. Ограничения в соответствии с изложенными целями служат не способом достижения, например, обороны или безопасности государства, а способом поддержания достаточного уровня безопасности, при котором территориальной целостности государства ничего не угрожает. В условиях стабильного функционирования государства, его различных систем, данные цели-ценности уже существуют, а ограничение направлено на защиту, например, нравственности, а не на её достижение. Это также подтверждает позиция В. Н. Агеева об интерпретации смысла целей: «Это то, ради чего совершаются определенные действия»¹⁰⁸.

Представляется возможным выделить несколько целей ограничения прав. Первая из таких целей – это защита основ конституционного строя¹⁰⁹. Такой вывод можно сделать из особого мнения судьи Конституционного Суда Б. С. Эбзеева в отношении Указов Президента 1993-1994 годов о действиях по восстановлению конституционной законности в Чеченской Республике, в котором указано, что основы конституционного строя, в частности, это демократическая федеративная правовая государственность с республиканской формой правления, права и свободы человека и гражданина, народный суверенитет, федерализм¹¹⁰. В соответствии с данной позицией права и свободы граждан являются составляющей

¹⁰⁷ Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.: Наука, 1965. С. 612.

¹⁰⁸ Агеев В. Н. К вопросу об основаниях, целях и пределах конституционного ограничения основных прав и свобод человека и гражданина // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3 (7). С. 91.

¹⁰⁹ Василенко О. Ю. Понятие и цели ограничения прав и свобод граждан в Российской Федерации // Научные проблемы водного транспорта. 2002. № 2. С. 89.

¹¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

основ конституционного строя, тогда как в статье 55 Конституции РФ защита прав и законных интересов изложена как отдельная цель.

Между тем, спорным является вопрос об однородности целей или их иерархичности. Судья Конституционного Суда РФ Н. В. Витрук в особом мнении к вышеназванному постановлению отмечал: «Представитель Президента и Правительства выдвинул тезис о равном значении всех конституционных принципов и ценностей, об их однопорядковости. Этот тезис имеет рациональное зерно, но он не нашел отражения в Конституции Российской Федерации»¹¹¹. По мнению Н. В. Витрука, составляющие элементы основ конституционного строя не равнозначимы, так как первичной ценностью являются права и свободы человека, определяющие смысл, содержание и применение законов¹¹².

Хотя основы конституционного строя и выступают собирательным понятием для нескольких иных целей из статьи 55 Конституции РФ, защита прав и законных интересов других лиц путем введения ограничений становится основной, первоочередной задачей для государства. Между тем, не во всех государствах права и свободы имеют превалирующее значение по отношению к иным ценностям. Н. А. Кострицына приводит в пример Англию в 50-60 годы XVII в., в которой интересы общественной безопасности стояли выше, чем права и свободы, следовательно, органы государственной власти во имя безопасности наделялись исключительными полномочиями, фактически нарушающими права и свободы человека¹¹³.

Таким образом, не все цели, перечисленные в статье 55 Конституции РФ, обладают одинаковой значимостью: права и законные интересы человека выделяются на фоне остальных. Введение ограничений ради одной цели может не со-

¹¹¹ Там же.

¹¹² Судья Конституционного Суда А. Л. Кононов в особом мнении по данному делу также отмечал: «Содержащиеся в актах решения обосновываются преимущественно необходимостью защиты суверенитета, территориальной целостности, конституционного порядка, государственной безопасности и прочих государственных интересов. Права человека стоят в этом перечне на последнем месте. Однако их нельзя признать однопорядковыми».

¹¹³ Кострицына Н.А. Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве (Habeas corpus Act 1679 года и чрезвычайное законодательство в Англии). М.: Госюриздат, 1957. С. 121.

ответствовать другой, что вынуждает законодателя каждый раз внимательно подходить к вопросу соразмерности ограничений. Основы конституционного строя включают в себя безопасность и оборону государства, как практическое выражение иной ценности – суверенитета Российской Федерации. Примером защиты основ конституционного строя может служить глава 29 Уголовного кодекса Российской Федерации¹¹⁴, которая объединяет составы преступлений против непосредственно конституционного строя и безопасности государства, что также указывает на их однопорядковость.

При рассмотрении целей ограничения прав и свобод особую сложность вызывает категория нравственности, которую проблематично четко определить, так как сама по себе нравственность изначально является моральной, а не правовой категорией. Спорная категория нравственности используется не только в Конституции РФ. Например, во Всеобщей декларации прав человека в статье 29 указано: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»¹¹⁵. Международный пакт о гражданских и политических правах закрепляет, что права могут быть ограничены только для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения»¹¹⁶.

В научной литературе указывалось, что нравственность должна быть исключена из целевых критериев, так как нравственная норма не может быть раскрыта в праве¹¹⁷. Стоит согласиться с данным взглядом, так как при плюрализме мнений, разнообразии культурных и религиозных особенностей нравственность

¹¹⁴ СЗ РФ.1996. № 25. Ст. 2954.

¹¹⁵ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

¹¹⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

¹¹⁷ Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 72.

не может быть однозначно интерпретирована. Конституционный Суд указывал, что ограничения в виде запрета заниматься педагогической деятельностью для лиц, имевших судимость, наложены в целях защиты нравственности несовершеннолетних¹¹⁸. Нравственность¹¹⁹ и справедливые требования морали выступают «живыми» категориями, которые не могут быть охарактеризованы как постоянные или конкретные. На это указывает также Европейский суд по правам человека: «В правовых и социальных порядках Договаривающихся Государств невозможно найти единой европейской концепции морали. Взгляды на требования морали меняются со временем и от места к месту особенно в нашу эпоху, характеризующуюся далеко идущей эволюцией мнений по этому вопросу»¹²⁰.

Примером разных взглядов на мораль и нравственность служит введение в 2013 году статьи 6.21 КоАП РФ¹²¹, предусматривающей административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Сразу после принятия в 2013 году Федерального закона № 135-ФЗ Венецианской комиссией на пленарном заседании было рассмотрено заключение, запрошенное председателем Комитета по вопросам равенства и недискриминации Парламентской ассамблеи Совета Европы, по поводу соответствия предписаний данного нормативного акта общепризнанным нормам международного права. В заключении комиссия пришла к выводам о несовместимости данных законодательных положений, запрещающих «пропаганду гомосексуализма»,

¹¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

¹¹⁹ Комарова В. В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «Конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-8. С. 1386.

¹²⁰ Постановление ЕСПЧ от 10.09.2019 «Прянишников (Pryanishnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 25047/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 1.

¹²¹ Федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. 2013. № 141.

с международными стандартами в области прав человека¹²². Конституционный Суд, выявляя конституционно-правовой смысл нормы, признавая, что право на распространение информации ограничено, указал на правомерность такого ограничения: «Правовое регулирование должно обеспечить безопасность каждого ребенка как непосредственно от преступных посягательств, так и от неблагоприятного воздействия на его нравственность и психику»¹²³.

Обосновывая ограничение необходимостью защиты нравственности, законодатель использует моральную категорию, которая трансформируется в правовую категорию, подлежащую защите. Следовательно, при последующей проверке введенных положений, судьи Конституционного Суда РФ интерпретируют данную категорию через призму своих личных, политических, социальных и иных взглядов. Например, Конституционный Суд в 2018 году признал не соответствующим Конституции РФ положение, согласно которому усыновить (удочерить) ребенка не может лицо, инфицированное вирусом иммунодефицита человека и (или) вирусом гепатита С, который в силу уже сложившихся семейных отношений проживает с этим лицом¹²⁴. Непосредственно ограничение на усыновление (удочерение) детей Конституционный Суд признал соответствующим целям нравственности и здоровья, однако вышеобозначенное ограничение было чрезмерным, так как нужно учитывать особую роль семьи в развитии личности. Будучи моральной категорией, нравственность все же может определяться через позитивное содержание законов,

¹²² Коновалов Н.Н. Международно-правовые стандарты охраны прав и свобод личности и запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних: проблемы соотношения российского и международного права // Международное публичное и частное право. 2020. № 4. С. 27.

¹²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

¹²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П по делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С. // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.

так как защита семьи, забота о детях предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Д. Г. Трифонова отмечает, что «Конституционный Суд для раскрытия категории защиты нравственности использовал следующие формулировки, которых нет в законодательстве: «Традиционные представления о нравственности и правопорядке», «общепринятые в нашем обществе нравственные ценности в их конституционно-правовом выражении», «общественная нравственность в ее понимании, сложившемся в российском обществе», «с точки зрения принятых в российском обществе норм морали приверженность подобным установкам посягает на общественную нравственность»¹²⁵. Таким образом, нравственность может раскрываться либо через содержание нормативных положений, либо – при отсутствии таковых – через общепринятые нормы морали и представления, которые как законодатель, так и судьи Конституционного Суда толкуют самостоятельно, исходя их собственных воззрений.

Как уже было отмечено, ограничения должны быть соразмерны угрозам и посягательствам, направленным на общественно-значимые ценности, обладать социальной адекватностью. Соразмерность и социальная адекватность есть не что иное, как принципы ограничения прав и свобод. Принципы ограничения прав и свобод можно разделить на две группы. К первой группе относятся общеправовые принципы: верховенство закона, равенство, справедливость, запрет дискриминации.

Общий принцип верховенства права (закона), касающийся ограничений прав и свобод, означает, что ограничение должно вводиться только законом, не противоречащим Конституции, при существовании возможности гражданина обратиться в эффективные судебные органы за защитой. Европейский суд по правам человека следующим образом формулировал данный принцип: «Принцип господства права подразумевает *inter alia*, что вмешательство органов исполнительной власти в права

¹²⁵ Трифонова, Д.Г. Категория нравственности при построении правовой аргументации органами конституционной юстиции (на примере решений Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 13.

отдельных лиц должно находиться под эффективным контролем, который обычно должен обеспечиваться судебной системой»¹²⁶.

Общими вышеназванные принципы являются потому, что они формируют основы взаимоотношений личности, общества и государства на всех уровнях. А.М. Шаганян к общим принципам относил принципы уважения прав и свобод, равенства, справедливости, соразмерности, целесообразности и принцип введения ограничений только федеральным законом следующие¹²⁷. А.А. Подмарев выделял следующие принципы, хотя и не называл их общими или специальными: «а) признание человека, его прав и свобод высшей ценностью и уважение достоинства личности (ст. 2 и ч. 1 ст. 21); б) соответствие ограничений конституционно закрепленным целям (ч.3 ст. 55 и ч. ст.56); в) соразмерность ограничений конституционным целям (ч. 3 ст. 55); г) равенство ограничений прав и свобод (ч. 2 ст. 19); д) запрет на ограничение прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19)»¹²⁸.

Ко второй группе относятся специальные принципы, которые касаются исключительно ограничений прав и свобод и выработаны либо наукой, либо Конституционным Судом. К главенствующему специальному принципу Конституционный Суд относит соразмерность или пропорциональность ограничений (Конституционный Суд не так давно осуществил их слияние в один принцип «обоснованности и соразмерности (пропорциональности)»¹²⁹). Данный принцип заключается в использовании государством только необходимых и строго обусловленных

¹²⁶ Постановление ЕСПЧ от 06.09.1978 Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии (жалоба № 5029/71) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 168 - 186.

¹²⁷ Шаганян А. М. К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2011. № 3. С. 79.

¹²⁸ Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов права, 2001. С. 16.

¹²⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2021 № 10-П по делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова // Российская газета. 2021. № 84.

мер (то есть ограничения должны быть социально оправданными¹³⁰), в отсутствии парализованности возможностей граждан по реализации права¹³¹, в принятии нормы, характеризующейся четкостью, ясностью, не допускающей произвольного толкования и применения¹³².

Кроме того, соразмерное и пропорциональное ограничение не искажает существо права¹³³ и не создает препятствий при реализации права¹³⁴, а также отвечает принципу правовой определенности¹³⁵. Конституционный Суд за свою практику сформулировал множество позиций в отношении соразмерности ограничений прав человека, в которых не раз указывал на обязательное наличие адекватности, социальной оправданности и ясности вводимых мер.

Принцип соразмерности (пропорциональности) очень широк по своему содержанию. Ограничивающие меры должны быть действительно необходимыми,

¹³⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 4.

¹³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П по делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

¹³² Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаяна и К.С. Рожкова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

¹³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П по делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева // Вестник Конституционного Суда РФ 2002. № 1.

¹³⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1.

¹³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валуевой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

чтобы ограничение стало соразмерным. И эту необходимость в некоторых своих позициях Конституционный Суд ставит в качестве равнозначного принципа с соразмерностью и пропорциональностью¹³⁶. Принцип соразмерности, исходя из достаточно разнообразных позиций Конституционного Суда, является основным специальным принципом ограничения, который включает в себя как необходимость, так как и пропорциональность. Необходимость в контексте ограничений прав и свобод означает исключительность, крайнюю меру, то есть ограничения прав и свобод человека вводятся тогда, когда уже нет иных средств для защиты определенных ценностей.

Например, А. В. Должиков на основе анализа позиции Европейского суда по правам человека в качестве элементов принципа соразмерности выделяет обоснованность, пригодность, минимальность и сбалансированность¹³⁷. В целом, данные категории сходны с выделенными ранее, так как пригодность, по сути, означает оправданность (служение целям ограничения), а минимальность характеризуется использованием меры, которая приведет к наименьшему ограничению прав и свобод человека (отсутствие парализованности возможностей, препятствий для реализации права).

Европейский суд по правам человека не остался в стороне от толкования принципа соразмерности и отметил, что необходимость в каких-либо ограничениях должна быть установлена убедительным образом¹³⁸. В данном утверждении говорится о необходимости как одной из частей соразмерности в виде социальной оправданности и соответствии мер целям ограничений. Европейский суд по правам человека прямо на соразмерность или пропорциональность ограничений не

¹³⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П по делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой // Российская газета. № 119. 02.06.2021.

¹³⁷ Должиков А.В. Применение принципа соразмерности ограничения основных прав Европейским судом по правам человека при рассмотрении «российских дел» // Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система / под. ред. Д. В. Красикова. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006. С. 53.

¹³⁸ Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 «Ибрагим Ибрагимов и другие (Ibragim Ibragimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 1413/08 и 28621/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 11.

указывает, однако вводит понятие необходимости, которое фактически обладает тем же смыслом: «При определении того, было ли вмешательство «необходимо в демократическом обществе», Европейский Суд принимает во внимание свободу усмотрения, предоставленную государствам-участникам»¹³⁹. Похожая позиция содержится и в Сиракузских принципах толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах: «Законы, предусматривающие ограничение на пользование правами человека, не должны быть произвольными или необоснованными»¹⁴⁰.

Соразмерность не рассматривается в качестве отдельного принципа. Конституционный Суд связывает соразмерность с общими принципами справедливости и равенства, так как любое несоразмерное ограничение в отношении гражданина уменьшает объем его права по сравнению с иным гражданами, что нарушает общие начала равенства и запрета на дискриминацию¹⁴¹. Специальные принципы фактически выведены из общих, а при использовании специальных принципов их анализ и толкование все равно приводит судей к принципам равенства, справедливости и законности, так как именно они содержатся в Основном законе государства. Любое решение должно иметь нормативное подкрепление, которым выступает первая и вторая главы Конституции РФ.

Но такое положение ничуть не отнимает у специальных принципов их самостоятельности в отношении проверки ограничений прав человека. Они лишь органично дополняют общие принципы, добавляя к решению Конституционного Суда конкретное содержание и маркер (индикатор), которому не соответствуют вводимые меры. Например, В.Б. Рушайло говорит о необходимости применения

¹³⁹ Постановление ЕСПЧ от 24.03.1988 «Ольссоны (Olsson) против Швеции (№ 1)» (жалоба № 10465/83) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11.

¹⁴⁰ Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах Документ ООН E/CN.4/1985/4. Приложение (1985). // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1992. № 4. С. 64.

¹⁴¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

принципа пропорциональности одновременно с принципами недискриминации, равенства и законности¹⁴².

Ограничения прав выступают в качестве границ допустимого, а принципы такого ограничения определяют меру и степень дозволенного поведения для государства в отношении общества и личности. На это также указывает А. А. Подмарев: «Принцип соразмерности ограничений является одним из критериев оценки конституционности ограничения любого права или свободы, а также одной из гарантий от произвольных (необоснованных, чрезмерных, неконституционных) ограничений»¹⁴³.

Вышеперечисленные понятия некоторые ученые называют не принципами, а критериями ограничения прав и свобод человека¹⁴⁴. Данные категории не стоит отождествлять, хотя и принципы ограничения одновременно могут быть и критериями ограничения. Принцип права – это первооснова, фундамент правовой системы, в контексте ограничений принципы определяют основные начала и правила использования механизма ограничения. Критерий, в свою очередь, выступает инструментом проверки объекта на соответствие, например, принципам. Поэтому, если общие принципы права, выделенные ранее, являются именно принципами, то соразмерность выступает одновременно принципом (основа любого правомерного ограничения) и критерием (проверка ограничения на соответствие принципам). Не случайно Конституционный Суд при нарушении соразмерности указывает на принципы справедливости и равенства, так как, используя критерий соразмерности, можно выявить недопустимые ограничения в связи с нарушением общих конституционных принципов. Такое внутреннее содержание соразмерности, как пропорциональность, необходимость и правовая определенность, по сути, также являются критериями-принципами, от которых должен отталкиваться зако-

¹⁴² Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. С. 114.

¹⁴³ Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2021. № 21. С. 90.

¹⁴⁴ Федоренко Т.А. Критерии ограничения прав человека и гражданина // Юрист – Правоведь. 2008. № 1. С. 40.

нодатель при введении ограничений и которыми пользуется Конституционный Суд для анализа уже введенных ограничений.

Таким образом, цели и принципы ограничения прав и свобод не являются однородными феноменами. Хотя и все цели ограничения обладают значимостью, основной целью в демократическом, правовом государстве должна являться защита прав и законных интересов личности. Цели не являются однопорядковыми, а производны от иерархии общественно-значимых ценностей.

Как было показано, принципы ограничения прав и свобод можно разделить на общие и специальные. К первым можно отнести конституционные правовые принципы, выступающие фундаментом взаимоотношений между личностью, обществом и государством, закрепленные в первой и второй главах Конституции РФ. К специальным принципам, являющимся одновременно критериями ограничений, можно отнести соразмерность, включающую в себя множество конституционных категорий, начиная от пропорциональности и заканчивая правовой определенностью.

Любое правомерное ограничение несет в себе цель защиты общественно-значимых ценностей с введением мер, которые отвечали бы принципам и критериями ограничений. При проверке ограничения прав человека на пропорциональность и соразмерность используются различные категории (социальная оправданность, четкость, ясность), которые по своей природе являются спорными и не имеют единой интерпретации.

1.3. Пределы ограничения прав и свобод человека и гражданина

Права и свободы не могут быть ограничены без предела, который не позволял бы стать ограничению абсолютным или чрезмерным, полностью перечеркивающим сущность того или иного права. Как абсолютная свобода негативно воздействует на общество, так и абсолютное ограничение, стирающее ценность прав и свобод, разрушительным образом влияет на общественно-политическую жизнь.

Для обозначения условного рубежа, до которого может быть ограничено право, используют понятие «предел», что в соответствии со справочной литерату-

рой означает «последнюю, крайнюю степень, грань чего-то»¹⁴⁵ или «границы, рамки дозволенного, установленного»¹⁴⁶.

О пределах ограничения прав и свобод ничего не говорится в Конституции РФ или в законах. Можно выделить два подхода к пониманию пределов ограничения прав и свобод, существующих в научных трудах. Первый из них состоит в постановке пределов в зависимость от внешних факторов (культурных и правовых), напрямую не связанных с количественными или качественными характеристиками ограничиваемого права. Например, О. И. Андреева отмечала, в основе пределов ограничения прав лежит принцип уважения достоинства личности, который является неотъемлемым свойством каждого человека¹⁴⁷. По этому поводу Е. А. Ильина высказалась следующим образом: «В конституционном судопроизводстве достоинство стало использоваться как своеобразная лакмусовая бумажка, помогающая определить пределы ограничений прав человека»¹⁴⁸. С. Растегари отмечал, что пределом ограничения прав на информацию служит запрет дискриминации по любому признаку¹⁴⁹. Г. Г. Камалова в качестве предела для ограничений в информационном праве указала на обязательное соблюдение баланса между интересами лиц и запрет на злоупотребления правами¹⁵⁰. Сходным образом А. А. Сапфинова и А. В. Петрушкина указывают на соразмерность частных и публичных интересов в качестве предела ограничений трудовых прав¹⁵¹.

В свою очередь, О. А. Снежко писал: «Эти пределы коренятся в самой «природе вещей», поскольку закон призван выступать лишь формой воплощения

¹⁴⁵ Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Аделант, 2013. С. 516.

¹⁴⁶ Большой академический словарь русского языка. Т. 19. М., СПб., 2011. С. 532.

¹⁴⁷ Андреева О.И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 47.

¹⁴⁸ Ильина Е.А. Метафизика человеческого достоинства: междисциплинарный взгляд на универсальную правовую категорию // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 15.

¹⁴⁹ Растегари С. Пределы ограничения права человека на информацию в международном праве // Евразийская адвокатура. 2020. № 5. С. 70.

¹⁵⁰ Камалова Г.Г. Пределы и ограничения в информационном праве России // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 2. С. 19.

¹⁵¹ Сапфинова А.А., Петрушкина А.В. Пределы ограничений трудовых прав и пределы защиты трудовых прав: вопросы теории // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11. С. 73.

всего разумного, целесообразного и необходимого»¹⁵². Культурные особенности общества приводят к различному ограничению тех или иных прав и свобод. Поэтому, как отмечал П. С. Якушев, традиционные ценности являются не только критерием отнесения права к абсолютным правам, но и выступают пределом при ограничении прав и свобод¹⁵³.

Вышеназванные мнения определяют пределы ограничения прав в качестве внешних факторов, состоящих из культурных, правовых особенностей правопорядка, которые сами по себе являются не только ценностями общества, но и пределами ограничений. Однако при таком подходе выявление конкретного предела становится фактически невозможным, так как достоинство личности, баланс интересов или традиционные ценности настолько спорны, что определить их единственно верным и удовлетворяющим способом очень сложно. В таких условиях вышеназванные ценности формируют абстрактные пределы ограничений, изначально имеющие неоднозначное содержание.

Несмотря на возможность различной интерпретации в рамках этого подхода, все же в нем есть конкретика, так как любая государственная деятельность, в том числе по ограничению прав и свобод человека, исходит из общих правовых принципов разумности и справедливости, которые при введении ограничения требуют учитывать обстановку и текущие условия в государстве, а также принятую мораль. Р. Алекси, например, писал: «Необходимая связь между правом и правильной моралью возникает постольку, поскольку притязание на правильность включает в себя притязание на моральную правильность, которое охватывает лежащие в основе решения моральные принципы»¹⁵⁴.

Иной подход к пониманию пределов лежит в существовании конституционного права и его характеристиках. Например, Н. С. Малютин, признавая неизбежной

¹⁵² Снежко О.А. Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 36.

¹⁵³ Якушев П.А. Традиционные ценности как пределы ограничения прав // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 374.

¹⁵⁴ Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. Begriff und Geltung des Rechts / пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера; науч. ред. Т.Ф. Яковлева. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 99.

трансформацию прав, отметил: «Безусловным остается требование, касающееся сохранения сущностной характеристики прав и свобод, их ядра»¹⁵⁵. Похожим образом мысль сформулировала Н. С. Паршенко: «Ограничения, которые будут непосредственно вторгаться в ядро права, сокращать его, тем самым отнимая у субъективного конституционного права часть его смысла или достоинства, в том числе не позволять праву исполниться и оправдать себя в собственном существе, реализовать заложенную в него цель, и будут являться ограничениями недопустимыми»¹⁵⁶.

Такой подход акцентирует внимание на ядре конституционного права, под которым понимается неприкосновенная часть субъективного конституционного права или признак, всегда присущий праву¹⁵⁷, неприкосновенный элемент права, который никогда не может быть изменен или аннулирован законодателем¹⁵⁸, основная часть права, являющаяся защищенной от государственного вмешательства¹⁵⁹. Ядром конституционного права выступает основная часть, сущность права, которая не может быть затронута государством при ограничении прав и свобод. В случае вторжения в ядро конституционного права ограничение становится отменой и умалением права.

Например, Конституционный Суд не только использовал в своем постановлении концепцию ядра права, но и прямо указал, что именно к этому ядру относится: «Данное право [право на суд присяжных] - в отличие от права на независимый и беспристрастный суд или презумпции невиновности - не входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту»¹⁶⁰. Ядро можно

¹⁵⁵ Малютин Н.С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 25.

¹⁵⁶ Паршенко В.Н. Пределы ограничений субъективного конституционного права как основная гарантия сохранения его ядра // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 42.

¹⁵⁷ Там же. С. 41.

¹⁵⁸ Lavranos N. Revisiting Article 307 EC: The Untouchable Core of Fundamental European Constitutional Law Values and Principles // Shaping the rule of law through dialogue. Carrozza. Europa Law Publishing. 2009. P. 127.

¹⁵⁹ Thielbörger P. The “Essence” of International Human Rights // German Law Journal. 2019. № 20. P. 926.

¹⁶⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-

охарактеризовать как минимальную составляющую права, при сохранении которой оно вообще может существовать и оставаться «живым». Как отмечал в особом мнении судья Конституционного Суда РФ Н. С. Бондарь, допускается «только соразмерное ограничение законом прав и свобод человека и гражданина и только до той степени, при которой не будет утрачено их ядро, то самое основное содержание»¹⁶¹.

Спорным выступает не столько существование ядра права, сколько определение его границ, потому что каждое конституционное право в современном мире имеет количественные характеристики, которые сложно измерить и подсчитать. Например, классическая «триада» права собственности, изложенная в Гражданском кодексе РФ в статье 209 (владение, пользование, распоряжение), на первый взгляд, является тем самым ядром права собственности, которое не может быть затронуто. Однако в данном случае существуют две проблемы, первая из которых касается определения ядра. К примеру, З. А. Ахметьянова писала: «Ряд авторов из Италии и Германии стремятся сформулировать краткое определение, подчеркнув в нем «существенное ядро» права собственности. С. Пульятти и Ф. Бартоломеи полагают, что право собственности охватывает только два правомочия: пользование и распоряжение. Западногерманский исследователь Т. Хесс ограничивается тем, что к римской «триаде» правомочий собственника добавляет еще одно – управление»¹⁶². Таким образом, ядро права собственности неоднозначно и подвергается различным интерпретациям, что приводит к сложности в определении той части, в которую ограничение вторгаться не должно.

Вторая проблема связана с тем, что даже при единообразном определении ядра права собственности вышеобозначенные правомочия по владению, распоряжению и пользованию все равно могут быть затронуты ограничениями на практи-

процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудяева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

¹⁶¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П по делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

¹⁶² Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник. М.: Статут, 2011. С. 30.

ке. Конституционный Суд неоднократно отмечал, что право собственности может быть ограничено: «Вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью»¹⁶³. Конституционный Суд признавал законным и обоснованным возможность изъятия и удержания органами следствия имущества у собственника, не являющегося обвиняемым, подозреваемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия¹⁶⁴. Таким образом, ядро права может быть определено в теоретической плоскости как существо права, без которого оно не может действовать, однако на практике именно Конституционный Суд при проверке введенных ограничений разрешает вопрос о характеристике ядра права и его составляющих.

Данный подход, несмотря на многообразные трактовки, делает акцент на внутреннем содержании права, то есть не на внешних аспектах (мораль, традиции, правовые принципы), а на элементах ограничиваемых объектов (прав и свобод). Оба изложенных подхода не противоречат друг другу, а, скорее, выступают последовательными этапами и одновременно критериями ограничения, так как при введении ограничений осуществляется проверка на «правильность» (внешние факторы) и на обязательное сохранение существенных характеристик права (внутренние факторы). А. В. Должиков, фактически объединяя данные подходы, отметил: «К пределам возможного ограничения конституционных прав можно отнести принципы законности (правило отсылки к закону), правовой определенности, юридической безопасности (стабильности норм), соразмерности, справед-

¹⁶³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2189.

¹⁶⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 № 1-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» // СЗ РФ. 2018. № 4. Ст. 685.

ливости и требование сохранения сущностного содержания конституционных прав»¹⁶⁵.

Предпринимая попытку по выяснению логики Конституционного Суда РФ при определении ядра права, следует обратиться к постановлениям, касающимся права на судебную защиту. Ранее приведенная позиция Конституционного Суда относительно ядра права на судебную защиту (независимый и беспристрастный суд и презумпция невиновности) была подтверждена в ином постановлении: «Право на объективный, независимый и непредвзятый суд входит в основное содержание (ядро) конституционного права на судебную защиту»¹⁶⁶.

Конституционный Суд устранял ошибки законодателя, вторгавшиеся в ядро права на судебную защиту, и признавал неконституционным отсутствие возможности отвода арбитражного заседателя, если он прямо или косвенно заинтересован в исходе дела¹⁶⁷ (ограничение права на независимый и беспристрастный суд). С другой стороны, право на рассмотрение дела с участием присяжных, по мнению судей Конституционного Суда, не входит в ядро права на судебную защиту. При сопоставлении функций независимости и беспристрастности суда с правом на суд присяжных последнее выглядит не настолько значимым, потому что без первых гарантий (независимость и беспристрастность) право на судебную защиту фактически исчезает, тогда как право на рассмотрение дела с участием присяжных – это процессуальное право по избранию «альтернативы» судье, рассматривающему уголовное дело, без удовлетворения которого лицо не потеряет право на судебную защиту.

¹⁶⁵ Должиков А.В. Ограничение конституционных прав и родственные юридические категории / А.В. Должиков // Личность - общество - государство: конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России: Сб. материалов межрегионального научно-практического семинара (Барнаул, 9 декабря 2010 г.) / Ред. кол. И.Л. Акимова, А.В. Должиков, В.В. Невинский (отв. ред.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2011. С. 98.

¹⁶⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 № 33-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4734.

¹⁶⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2008 № 6-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1352.

Следовательно, ядром права можно назвать те правомочия и возможности, которые по своему существу незаменимы, и с утратой которых право перестает действовать. Ядру права невозможно найти правовую замену, которая с той же эффективностью удовлетворяла бы потребности человека и общества. К примеру, Конституционный Суд признал конституционной норму, предусматривающую обращение имущества в доход Российской Федерации, если лицами, занимающими государственные (муниципальные) должности, не представлены сведения, подтверждающие приобретение имущества на законные доходы¹⁶⁸. В данном случае законодатель ввел презумпцию, согласно которой предполагается, что имущество должностного лица и его родственников получено незаконным способом. Однако эта презумпция является опровержимой: законодательная норма служит ограничением права собственности в виде полного изъятия имущества у собственника, на первый взгляд, вторгаясь в ядро права собственности, но у должностного лица и его родственников есть право на представление любых предусмотренных законодательством документов, которые могли бы подтвердить законность приобретения имущества. В настоящем случае у лиц, чьи права ограничиваются, есть альтернатива в виде активных действий по опровержению презумпции. Следовательно, право собственности ограничивается не перманентно и по умолчанию, а лишь в случае непредставления такими лицами доказательств. Поэтому норма не вторглась в существо права, так как ограничению права предшествуют процессуальные возможности лица доказать, что основания для изъятия имущества в доход государства отсутствуют.

С другой стороны, Конституционный Суд признал запрет на обжалование контролирующими должника лицами судебных актов о включении в реестр требований кредиторов, привлекаемыми к субсидиарной ответственности, в делах о банкротстве неконституционным, так как это ограничение снижает гарантии су-

¹⁶⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.

дебной защиты прав и является несправедливым и несоразмерным¹⁶⁹. В данном случае у контролирующих должника лиц не было возможности оспаривать судебные акты по включению кредиторов в реестр, напрямую формирующих размер субсидиарной ответственности. Следовательно, право на судебную защиту было ограничено в безальтернативном порядке, потому что у лиц не было процессуальной возможности обжаловать судебные акты, так как они не признавались участниками дела о банкротстве. Это повлекло вторжение в ядро права на судебную защиту. Например, Т. В. Волкова отмечала в связи с этим, что «главным элементом, «ядром» указанного права [право на судебную защиту] называют правомочие (возможность) любого лица на беспрепятственное обращение в суд за защитой своих прав и свобод»¹⁷⁰.

Таким образом, при вторжении в ядро права исключается возможность использования права в полной мере, в какой это предусмотрено Конституцией РФ или федеральным законодательством. Однако ограничение основополагающего правомочия, составляющего существо права, возможно при предоставлении альтернативных способов защиты от введенного ограничения.

Помимо этого, существенное ограничение права и потенциальное вторжение в его ядро также может сглаживаться не только альтернативными способами защиты, но и конкретной компенсацией. К примеру, в российском правовом пространстве есть определенные группы лиц, которые вправе рассчитывать на компенсации при ограничении их прав. Одной из таких групп выступают коренные малочисленные народы. При изъятии земель в пределах границ территории традиционного природопользования лицам, относящимся к малочисленным народам,

¹⁶⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П по делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова // СЗ РФ. 2021. № 48. Ст. 8141.

¹⁷⁰ Волкова Т.В. Судебная защита прав участников земельных отношений в системе управления земельными ресурсами // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 78.

и общинам малочисленных народов предоставляется возмещение за изъятое у них имущество¹⁷¹.

Данная компенсация предусмотрена для любых субъектов, чье имущество изымается в пользу государства, однако статус коренных малочисленных народов наделяет территории традиционного природопользования особым статусом (не просто имущество, но история и традиции). При изъятии земель традиционного природопользования одновременно затрагиваются ядра права собственности, права на определение места жительства, а также специальное право на землю, принадлежащее коренным малочисленным народам. К примеру, В. А. Кряжков отмечал: «Право коренных народов на землю в значительной степени выступает как системообразующее начало их государственно-правового статуса. С этим правом связывается реализация прав на самоопределение, самоуправление, традиционный образ жизни, развитие, на участие в пользовании недрами»¹⁷². Таким образом, компенсация в качестве формы возмещения имущественных и неимущественных (традиции, история) потерь предусмотрена законодательством при ограничениях, вторгающихся в ядро права, и позволяет сгладить утрату определенных прав за счет денежных средств.

Однако не во всех случаях лица получают возмещение или способны избежать вторжения в ядро права посредством судебной защиты. Права граждан на местное самоуправление регулируются Конституцией РФ и федеральным законодательством, которое, по мнению Н. С. Тимофеева, все больше изменяется таким образом, что жители лишаются права участвовать в решении вопросов местного значения¹⁷³. Кондрашев А. А. следующим образом комментирует данную проблему: «Многие вопросы изымаются из компетенции сельских и городских поселений и передаются на уровень государственной власти, а сами органы местного

¹⁷¹ Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

¹⁷² Коренные малочисленные народы Севера в российском праве / В. А. Кряжков. – М.: Норма, 2010. С. 210.

¹⁷³ Тимофеев Н.С. Тенденции и направления концептуального развития местного самоуправления в России (статья первая) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 60.

самоуправления начинают формироваться без прямого участия жителей»¹⁷⁴. Похожую характеристику дает и Н. Л. Пешин: «Баланс общественных и государственных интересов на уровне местного самоуправления полностью разрушен. Осталось лишь тотальное доминирование государства»¹⁷⁵.

В некоторых случаях необходимость разрешения местного вопроса переходит не к государственной власти вместо органов местного самоуправления, а непосредственно местные органы получают компетенцию вместо граждан. Например, до 2009 года Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» предусматривал, что изменение границ муниципального образования (объединение двух и более поселений) осуществляется с согласия населения, выраженного голосованием либо на сходах граждан¹⁷⁶. Однако данное положение было изменено и теперь вышеобозначенный вопрос рассматривается с согласия населения, выраженного представительным органом муниципального образования. Таким образом, часть права на участие в местном самоуправлении путем прямого разрешения вопроса на голосовании была передана представительному органу, который формируется гражданами. Следовательно, граждане могут косвенно повлиять на разрешение вопроса об объединении двух или более поселений путем избрания представительного органа, когда как ранее у них было право напрямую разрешать данный вопрос.

Такое ограничение является вторжением в существо права, потому что участие в местном самоуправлении путем голосования или на сходе граждан было утрачено, а избрание представительного органа не выступает прямой заменой утраты, а лишь косвенно позволяет влиять на вопросы местного значения. В данном случае гражданам не было предоставлено возможности отстоять ядро права или получить «правовое» возмещение в виде иной гарантии, которая заменила бы утраченное право. К примеру, судья Конституционного Суда А. Н. Кокотов в осо-

¹⁷⁴ Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 19.

¹⁷⁵ Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 26.

¹⁷⁶ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

бом мнения к определению Конституционного Суда от 24.10.2019 N 2955-О отметил, что утрата границ поселения вследствие его ликвидации может происходить без обращения к голосованию, когда как частичное изменение границ поселения требует предварительного согласия населения, что вызывает сомнение в непротиворечивости такого подхода¹⁷⁷.

При введении правовых ограничений учитываются пределы прав в соответствии с обоими подходами, изложенными ранее. Первый (начальный) подход (этап) формирует пределы ограничения, исходя из внешних факторов (мораль, культурные представления). Сложность поиска социально-приемлемого предела ограничений лежит в мультикультурности общества и социальном и моральном релятивизме, однако это не означает, что пределы ограничения прав и свобод не могут быть найдены в нравственных предпосылках или традиционных ценностях.

С другой стороны, внешние по отношению к ограничению факторы состоят не только из морали, но и права, а именно: правовых принципов, которые имеют законодательное закрепление. К примеру, А. А. Троицкая отмечает, что поиск пределов в позитивных формулировках законодательства оказывается непростой задачей, так как всех возможностей использования права такие формулировки не описывают, тогда как негативные формулировки возможно использовать для выявления пределов, потому что они предусматривают прямые запреты¹⁷⁸. К негативным формулировкам можно причислить запрет на дискриминацию, умаление человеческого достоинства или нарушение баланса частных и публичных интересов, которые выступают внешними пределами при ограничении прав и свобод.

¹⁷⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2955-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Павловой Татьяны Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 13 и частью 4 статьи 28, а также частью 3 статьи 43 во взаимосвязи с частями 1, 4 и 5 статьи 44 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=606437&cacheid=2A9A3FC173B3F23968ED0332C2C97054&mode=splus&rnd=33wFjQ#XRIGf2UH8cNBL9H8> (дата обращения: 30.09.2023).

¹⁷⁸ Троицкая А. А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 49.

Данный этап следует называть первичным, потому что при несоблюдении правовых принципов или наличия моральных противоречий, ограничение прав и свобод уже выходит за рамки соразмерных и пропорциональных изъятий. Однако при соблюдении внешних критериев требуется дальнейшая проверка ограничения на вторжение в существо права (второй этап), которая предполагает выявление основы (ядра) права и специфику вторжения (вторгается ли ограничение в ядро права; если да, то предоставляет ли ограничение альтернативу вместо утерянной возможности по использованию ограниченного права или его части).

Таким образом, пределы ограничений прав и свобод лежат в плоскости общих правовых и моральных границ, а также специальных существенных характеристик права, которые не могут быть безвозвратно утеряны при ограничении права. Несоблюдение критериев и выход за пределы ограничений прав и свобод могут быть выявлены на начальном этапе принятия законодательных актов, однако уже после введения ограничения обнаружить вторжение в существо права или нарушение общих правовых принципов может только Конституционный Суд¹⁷⁹.

¹⁷⁹ При подготовке параграфа использованы материалы статьи: Болдырев Н. А. Пределы ограничения права собственности и иных конституционных прав // Аграрное и земельное право. 2023. № 5. С. 28-30.

ГЛАВА 2. КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Формальные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина

Словом «основания» принято обозначать взаимосвязанные, но различные причины для введения ограничений прав и свобод человека. Соответственно, разделяют формальные и материальные основания, первые из которых состоят из нормативной базы, предусматривающей возможность ограничить права и свободы, а вторые выступают конкретными причинами и мотивами для введения ограничений.

Формальным основанием для ограничений прав и свобод человека и гражданина является легитимный способ введения ограничительных мер в отношении них. Например, в Постановлении ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» было указано, что ограничение права на объединение граждан может быть установлено только решением суда на основании закона¹⁸⁰. Следовательно, у ограничения права на объединение было два формальных основания – закон и решение суда. Похожее положение содержится в статье 23 Конституции РФ, в соответствии с которой право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений может быть ограничено только на основании судебного решения. Между тем, в статье 55 Конституции РФ судебное решение не указано в качестве формального основания ограничения, а говорится лишь о федеральном законе.

Также только закон упоминается в статье 29 Всеобщей декларации прав человека: «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен под-

¹⁸⁰ Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

вергаться только таким ограничениям, какие установлены законом»¹⁸¹. Сходное положение содержится в Международном пакте о гражданских и политических правах: «Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом»¹⁸². Таким образом, буквальное толкование статьи 55 Конституции РФ и международных правовых актов приводит к единственности формального основания ограничений (в этом качестве выступает закон).

В специальном случае (чрезвычайное положение) в соответствии со статьей 56 Конституции РФ федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения с указанием пределов и срока их действия. С учетом положений статьи 88 Конституции РФ и статьи 5 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», в соответствии с которыми чрезвычайное положение вводится указом Президента РФ, содержащим перечень временных ограничений прав и свобод граждан, права и свободы могут ограничиваться непосредственно указом Президента РФ, то есть подзаконным нормативным актом.

Законодательство в Российской Федерации не содержит единообразного описания формальных оснований ограничения прав и свобод. Как было указано ранее, тайна переписки в соответствии с Конституцией РФ может быть ограничена только судебным решением. Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» в статье 9 подтверждает это формальное основание, однако именуется несколько иначе: «Проведение контрразведывательных мероприятий, ограничивающих права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, допускается только на основании постановления судьи»¹⁸³. По-

¹⁸¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

¹⁸² Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

¹⁸³ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Российская газета. 1995. № 72.

ложения статьи 9 вышеназванного закона расширяют перечень формальных оснований ограничения прав: «На основании мотивированного постановления руководителя органа контрразведки или его заместителя допускается ограничение указанных в настоящей статье конституционных прав граждан без предварительного судебного постановления с обязательным уведомлением судьи в течение 24 часов».

В научных работах содержание Конституции РФ и законодательства толкуется по-разному. А. А. Переверзев называет общим формальным основанием федеральный закон и выделяет указ Президента РФ в качестве частного случая¹⁸⁴. Е. Ш. Рассолова указывает: «Формальным основанием относительных ограничений является Конституция РФ, ФКЗ, ФЗ. Формальным основанием абсолютных ограничений является Конституция РФ и ФКЗ»¹⁸⁵. А. А. Подмарев приводит более широкий перечень, который включает Конституцию РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, международный договор РФ, федеральный закон о поправке к Конституции РФ, федеральные законы, как принимаемыми по предметам исключительного ведения РФ, так и по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, законы субъектов РФ, принимаемые на основании федеральных законов (субъекты РФ могут устанавливать ограничения прав и свобод строго в пределах, предусмотренных федеральными законами), нормативные указы Президента РФ¹⁸⁶. Из данных формальных оснований А. А. Подмарев выделяет приоритетное – федеральный закон¹⁸⁷.

Буквальное толкование положений статьи 55 Конституции РФ действительно приводит к представлению, что закон выступает в качестве приоритетного формального основания ограничений, которое при широком понимании охваты-

¹⁸⁴ Переверзев А. А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 60.

¹⁸⁵ Рассолова Е. Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 80.

¹⁸⁶ Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 11.

¹⁸⁷ Подмарев А. А. Федеральный закон как приоритетная форма закрепления ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. №4. С. 446.

вает в своем значении также федеральный конституционный закон и закон о поправке к Конституции. Однако это приоритетное основание не исключает иных. Позиции названных ученых в отношении формального основания ограничения прав сводятся к тому, что Конституция РФ не только допускает возможность такого ограничения, но и первично ограничивает существующие права и свободы.

Например, в статье 13 Конституции РФ прямо запрещено создание общественных объединений, направленных на насильственное изменение конституционного строя (этот запрет можно считать ограничением права на объединение), в статье 32 Конституции РФ ограничиваются избирательные права граждан, признанных судом недееспособными, а также содержащихся в местах лишения свободы. Конституционный Суд в отношении ограничения избирательных прав указывал: «Приговор суда - это не только формальное основание для лишения лица свободы, но и главный непосредственный источник его специального правового статуса как осужденного, что влечет для него и ограничение избирательных прав»¹⁸⁸. Таким образом, Конституционный Суд в качестве источника специального статуса лица, при котором его избирательные права ограничиваются, выделял приговор суда (судебное решение), однако основанием для ограничения избирательных прав все же оставалось законодательство.

Статус Конституции РФ как формального основания ограничений ставится под вопрос, так как ограничения прав и свобод, перечисленные в Конституции РФ, дублируются в федеральном законодательстве. Ограничение избирательных прав для недееспособных и осужденных продублировано в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹⁸⁹. Статья 22 Конституции РФ, допускающая ограничение свободы в виде ареста, заключение под стражу и содержания под стражей, более подробным образом уточняется в Уголовно-

¹⁸⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5.

¹⁸⁹ СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

процессуальном кодексе Российской Федерации¹⁹⁰. Аналогичным образом в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации декларируется право на тайну переписки, телефонных переговоров, содержащееся в статье 23 Конституции РФ, и неприкосновенность жилища (статья 25 Конституции РФ). Также основания для ограничения неприкосновенности жилища содержатся в Жилищном кодексе РФ (статья 3¹⁹¹) и Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (статья 15¹⁹²).

Ограничение права на частную жизнь (тайна частной жизни), которое допускается с согласия гражданина (статья 24 Конституции РФ), дублируется и разъясняется более подробно в статье 152² Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁹³. В сходном положении находятся ограничения свободы слова (запрет агитации социального, расового, национального, религиозного превосходства, вражды), содержащиеся в статье 29 Конституции РФ и Законе Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»¹⁹⁴, Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁹⁵ и Федеральном конституционном законе от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»¹⁹⁶. Ограничения экономической деятельности в виде монополизации и недобросовестной конкуренции (статья 34 Конституции РФ) уточняются в Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»¹⁹⁷ и в составе, предусмотренном статьей 178 Уголовного кодекса Российской Федерации¹⁹⁸. Принудительное отчуждение имущества (ограничение права частной собственности – статья 35 Конституции РФ) определяется Гражданским кодексом Российской Федерации и Федеральным конституционным законом

¹⁹⁰ Российская газета. 2001. № 249.

¹⁹¹ Российская газета. 2005. № 1.

¹⁹² Российская газета. 2011. № 28.

¹⁹³ Российская газета. 1994. № 238-239.

¹⁹⁴ Российская газета. 1992. № 32.

¹⁹⁵ Российская газета. 2006. № 165.

¹⁹⁶ Российская газета. 2004. № 137-д.

¹⁹⁷ Российская газета. 2006. № 162.

¹⁹⁸ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»¹⁹⁹. Пользование природными ресурсами и землей ограничивается запретами наносить ущерб другим лицам и природе, что уточняется в соответствующих составах уголовных преступлений и административных правонарушений и в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»²⁰⁰.

Таким образом, Конституция РФ предусматривает общую возможность ограничения прав и свобод человека, которая конкретизируется в законодательстве в виде федеральных и федеральных конституционных законов. Именованная Конституция РФ формальным основанием ограничений проблематично, так как права ограничиваются именно федеральным законодательством, а не непосредственно Конституцией РФ, которая допускает лишь общую возможность ограничения. Помимо этого, положения Конституции РФ не могут быть проверены Конституционным Судом, поэтому считать Конституцию РФ формальным основанием, при этом ограничивающим самого себя (самоограничение), проблематично.

Кроме того, в некоторых случаях нормы федерального законодательства противоречат положениям Конституции РФ или уточняют их, добавляя исключение к императивному содержанию основного закона. Например, относительно тайны переписки и телефонных разговоров Конституция РФ прямо указывает: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается **только** на основании судебного решения». Между тем, в соответствии со статьей 8 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих право на тайну переписки и разговоров, возможно на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа²⁰¹. Хотя и в течение 48 часов орган обязан получить судебное решение, конституционные права граждан на тайну частной жизни начинают ограничиваться при отсутствии такого судебного решения. В отношении вышеприведенного законодательного положения Конституционный

¹⁹⁹ Российская газета. 2002. № 21.

²⁰⁰ Российская газета. 2002. № 6.

²⁰¹ Российская газета. 1995. № 160.

Суд несколько раз отмечал, что такое ограничение не может нарушить права и свободы, так как вопрос о законности и обоснованности оперативно-розыскных мероприятий может быть разрешен судом и в рамках производства по уголовному делу²⁰².

Таким образом, положения федерального законодательства могут уточнять общие начала ограничений, изложенных в Конституции РФ, либо даже предусматривать исключительные случаи, когда государство может действовать вопреки положениям основного закона, и это не будет признаваться чрезмерным ограничением конституционных прав. Также при наличии чрезмерных ограничений прав и свобод субъекты права оспаривают конституционность именно федерального законодательства, а не положений Конституции РФ. В случае удовлетворения жалобы Конституционный Суд обязует исправить федеральное законодательство, но не текст основного закона. По вышеназванным причинам позиционировать Конституцию РФ как формальное основание ограничений прав и свобод ошибочно: Конституция РФ в некоторых случаях даже предусматривает особенности ограничений (на основании судебного решения, ограничение избирательных прав при недееспособности), однако они во всех случаях воплощаются в жизнь федеральным законодательством.

Однако из изложенного есть исключение. В 2020 г. некоторые положения федеральных законов, устанавливающие ограничения прав и свобод, были продублированы в тексте Конституции РФ (требования к кандидатам на должность Президента РФ, сенаторам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы,

²⁰² Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Побединской Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=496835#jqMHLrT0QzXBUU> Мх (дата обращения: 30.09.2023).

Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1421-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шаловой Надежды Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506494#hdBHLrTy6pJ353eg1> (дата обращения: 30.09.2023).

судьям). Если руководствоваться тем, что Конституция не является формальным основанием ограничения прав и свобод, которое может быть проверено и оценено Конституционным Судом, то придется признать, что упомянутые требования по смыслу Конституции перестали выступать в качестве ограничений прав и свобод. Это относится и к содержанию федеральных законов, до 2020 г. выступавших основаниями указанных ограничений: их положения после воспроизведения в Конституции РФ сохранили лишь информационное значение, но утратили регулятивное воздействие, поскольку не осуществляют ни дополнение, ни конкретизацию конституционных положений. Если же считать, что и после вступления в силу поправки 2020 г. к Конституции РФ упомянутые положения по смыслу последней являются ограничениями прав и свобод, то неизбежен вывод, что сама Конституция РФ также является формальным основанием таких ограничений.

Данный парадокс может быть преодолен за счет включения в схему закона о поправке к Конституции РФ, если отказаться от распространенного представления о нем как о части самой Конституции. Такой отказ видится оправданным в свете новой практики проверки конституционности положений закона данного вида Конституционным Судом РФ 2020 г. Сама по себе постановка вопроса о соответствии Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к ней позволяет считать его нормативное содержание обособленным по отношению к содержанию Конституции РФ. В таком случае оказывается, что закон РФ о поправке к Конституции РФ может выступить в качестве формального основания ограничения прав и свобод, в то время как сама Конституция РФ останется за пределами круга документов, которым придается такая функция.

Как было отмечено, приоритетной и основной формой введения ограничения прав и свобод выступает федеральный закон в его широком толковании, включающим в себя федеральный конституционный закон и закон о поправке к Конституции, однако возникает вопрос о возможности ограничения прав и свобод законами субъекта РФ. Согласно положениям статей 71, 72 Конституции РФ защита прав и свобод человека находится одновременно в ведении Российской Федерации и совместном введении Российской Федерации и субъектов, тогда как ре-

гулирование прав и свобод выступает прерогативой только Российской Федерации. В 1998 году Конституционный Суд отметил, что, если законодатель субъекта Российской Федерации выходит за рамки делегированных ему полномочий, четко определенных федеральным законом, тем самым он нарушает статью 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации²⁰³. Следовательно, субъект РФ вправе ограничивать права и свободы только путем конкретизации (отсутствие противоречий с федеральным законодательством) в рамках делегированных ему полномочий.

К примеру, Конституционный Суд признал не соответствующим Конституции закон Самарской области, запрещающий проведение митингов и шествий рядом с военными объектами, образовательными учреждениями и больницами, так как законодательный орган Самарской области вышел за пределы своих полномочий: федеральное законодательство не предусматривает прямые запреты на митинги рядом с военными объектами, а вопросы обороны находятся исключительно в ведении федерации. Относительно больниц и образовательных учреждений федеральное законодательство также не содержит подобных запретов, поэтому все ограничения прав были признаны необоснованными²⁰⁴.

В ином решении Конституционный Суд признал правомерными ограничения, введенные законом Челябинской области, по сокращению круга лиц, имеющих право на налоговую льготу в связи с владением автомобилем. Ограничения были введены с целью повышения адресности налоговой льготы, поэтому они не носили дискриминационный характер и не снижали социальную защищенность

²⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.1998 № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» // Российская газета. 1998. № 86.

²⁰⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2020 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных мероприятий в Самарской области» в связи с жалобой граждан Н.П. Барановой, А.Г. Круглова и Д.И. Сталина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 4.

граждан. Кроме того, по мнению Конституционного Суда, законодательный орган Челябинской области действовал в пределах своей компетенции²⁰⁵.

Таким образом, законы субъектов РФ могут ограничивать права и свободы человека только при одновременном наличии следующих условий: 1) делегирование федеральным законодателем на региональный уровень полномочий по регулированию конкретных правоотношений; 2) выделение критериев и оснований для регулирования общественных отношений в целях недопущения произвольного вмешательства в систему прав и свобод; 3) соблюдение общих требований к ограничениям (соразмерность и пропорциональность, соответствие целям).

Как было указано ранее, указ Президента РФ может служить формальным основанием ограничений при введении чрезвычайного положения. Кроме того, Президент РФ может издать указ, регулирующий права и свободы граждан. Так, Конституционный Суд подтвердил обоснованность и соразмерность установления указом Президента РФ определенного коэффициента при расчете пенсии, что повлияло на права пенсионеров, и отметил: «В отсутствие надлежащего законодательного регулирования Президент Российской Федерации, реализуя предоставленные ему полномочия, вправе был издать Указ по данному вопросу, с тем, чтобы установленное им регулирование действовало впредь до принятия соответствующего федерального закона»²⁰⁶.

Общую позицию по поводу указов Президента РФ Конституционный Суд выразил ранее: «Не противоречит Конституции Российской Федерации издание... указов при условии, что такие указы не противоречат Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается пе-

²⁰⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

²⁰⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 1971-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андрианова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации «Об отношении среднемесячного заработка пенсионера к среднемесячной заработной плате в стране, применяемом при определении индивидуального коэффициента пенсионера» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=686468#uc6ILrTh2GJzpUv4> (дата обращения: 30.09.2023).

риодом до принятия соответствующих законодательных актов»²⁰⁷. Президент РФ вправе в исключительных случаях издавать указы, временно регулирующие систему прав и свобод человека.

В настоящий момент Конституционным Судом не признаны неконституционными какие-либо положения указов Президента РФ, прямо содержащие ограничения прав и свобод. Однако в литературе приводились примеры непроверенных указов: «Указом от 14 июня 1994 г. №1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности», срок задержания был увеличен до 30 суток, что, безусловно, противоречило положениям Конституции РФ и УПК РСФСР»²⁰⁸.

Следующим формальным основанием ограничений выступают постановления Правительства РФ, имеющие нормативный характер. В 2005 году Конституционный Суд указал, что делегирование полномочий Правительству РФ возможно, если соблюдается принцип разделения властей и не нарушается принцип недопустимости ограничения прав и свобод актами ниже уровня федерального закона²⁰⁹. В данном постановлении Конституционный Суд отметил существование принципа недопустимости введения ограничений актами ниже уровня федерального закона. Однако эта позиция нуждается в уточнении, так как Конституционный Суд не воспринимает её буквально. Ограничение прав и свобод могут вводиться актами ниже федерального закона, если у органа власти есть полномочия по регулированию, уточнению конкретных правоотношений.

²⁰⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Российская газета. 1996. № 90.

²⁰⁸ Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук, Саратов, 2001. С. 107.

²⁰⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

Например, Конституционный Суд признал неконституционность положений Кодекса торгового мореплавания и постановления Правительства РФ, которое было издано во исполнение полномочий, возложенных на него названным Кодексом, только лишь потому, что федеральный законодатель не определил критерии и ориентиры, тем самым не исключил возможность произвольного толкования объема и содержания, а значит, – ограничения прав и свобод актом Правительства Российской Федерации²¹⁰. Следовательно, Правительству РФ не только должны быть делегированы полномочия по уточнению правоотношений, но и определены критерии и ориентиры для установления ограничений прав в целях недопущения произвольного толкования их объема и содержания.

К нормативным актам по уровню ниже федеральных законов также относятся указы и постановления высших должностных лиц субъектов. Примером проверки таких актов служит постановление Конституционного Суда по проверке постановления губернатора Московской области в период пандемии Covid-19²¹¹. Во-первых, защита прав и свобод человека, борьба с эпидемиями относятся к предметам совместного ведения федерации и субъектов. Во-вторых, Федеральным законом «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» к полномочиям органов государственной власти субъекта было отнесено решение вопроса предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий. В-третьих,

²¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // Российская газета. 2004. № 77.

²¹¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. 2021. № 6.

положения Закона Московской области «О защите населения и территории Московской области от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» наделяют Губернатора Московской области полномочием по введению режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации для соответствующих органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, у губернатора Московской области была правовая основа, ему было делегировано достаточно полномочий для принятия такого решения. Кроме того, Конституционный Суд подтвердил, что ограничение прав и свобод обусловлено объективной необходимостью оперативного реагирования на беспрецедентную угрозу, имеет исключительный характер и преследует цели защиты жизни и здоровья всех лиц. Требования к актам высшего должностного лица, ограничивающих права и свободы, аналогичны с требованиями к законам субъектов РФ (наличие делегированных полномочий, непротиворечие федеральному законодательству, соответствие общим принципам ограничений).

Формальным основанием ограничения прав и свобод может служить и международный договор. Это прямо следует из постановления Конституционного Суда: «Ограничения права собственности иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц могут устанавливаться международным договором или федеральным законом»²¹². Речь идет именно об иностранных субъектах и лицах без гражданства, однако в случае с гражданами Российской Федерации Конституционный Суд выражает позицию, согласно которой одним из основных аспектов при признании международного договора (соглашения) соответствующим Конституции РФ является отсутствие ограничений прав и свобод человека и гражданина ратифицируемым документом²¹³. Нормативной основой

²¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Российская газета. 1999. № 155.

²¹³ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации - Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

для данной позиции является содержание статьи 79 Конституции РФ: «Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человек»²¹⁴. Международный договор может вносить дополнительное регулирование для субъектов на территории Российской Федерации, однако ограничения прав и свобод российских граждан таким договором фактически будут вмешательством в суверенитет и независимость государства, что недопустимо.

Спорным формальным основанием ограничения выступает судебное решение. Вышеприведенные позиции ученых не содержали указание на судебное решение в качестве формального основания, так как: 1) судебное решение – индивидуально-определенный акт, а ограничение прав и свобод воздействует на целый перечень субъектов; 2) судебное решение, если и ограничивает права и свободы, то только ссылаясь на позитивную норму, закрепляющую возможность ограничения.

Однако Конституция РФ в статье 23 закрепляет, что право на частную жизнь может быть ограничено только на основании судебного решения, то есть решения суда подразумевается в качестве формального основания ограничения. В. В. Лазарев считает, что судебные решения могут ограничивать права и свободы граждан и приводит в качестве примера творчество судей Конституционного Суда, которые конкретизируют положения законов в своих постановлениях, тем самым придавая им новый смысл и содержание. В качестве примера В. В. Лазарев приводит постановление Конституционного Суда от 23 февраля 1999 г. № 4-П, которым фактически установлена новая норма: «Гражданин является экономически слабой стороной в кредитном договоре и нуждается в особой защите своих прав, что влечет необходимость ограничения свободы договора для другой стороны, т. е. для банков». Впоследствии суды данное ограничение в банковской дея-

²¹⁴ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изм. от 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. сайт URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения 30.09.2023).

тельности многократно подтверждали²¹⁵. Особенностью данного постановления выступает отсутствие в резолютивной части указания законодателю каким-либо образом изменить часть 2 статьи 29 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», на которую ссылались суды в качестве основания для снижения ставки банковского вклада. Напротив, Конституционный Суд в резолютивной части указал: «В отсутствие закрепленных в федеральном законе оснований для снижения процентных ставок по срочным вкладам граждан банк не вправе предусматривать в заключаемых с гражданами договорах условие, позволяющее ему снижать в одностороннем порядке процентные ставки по этим вкладам»²¹⁶.

Конституционный Суд фактически создал новую норму, признав граждан слабой стороной: право на свободу экономической деятельности и свобода договора для банков были ограничены. Такое ограничение представляется правомерным, так как преследует цели защиты прав и свобод граждан в их отношениях с банками. Однако законодатель, конструируя норму, все же разрешал изменять условия банковского вклада и снижать ставку. Именно поэтому Конституционный Суд изменил правовое регулирование в этой части. Таким образом, постановления Конституционного Суда в некоторых случаях в процессе конкретизации законодательства, создают правовые нормы, которые ограничивают права и свободы лиц.

Решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов, на первый взгляд, не являются формальными основаниями ограничения прав и свобод, так как в полной мере не обладают самостоятельностью в правотворчестве и обязаны использовать в своих решениях нормативную базу, уже содержащую ограничения. Принадлежность Российской Федерации к континентальной системе права не дает возможность стать судебному решению источником права, а, следовательно, источником ограничения права, так как судья не должен подменять законодателя.

²¹⁵ Лазарев В.В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 11.

²¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Российская газета. № 40. 03.03.1999.

Р. Давид по этому поводу отмечает: «Начиная с периода средних веков считалось, что правовая норма должна иметь доктринальное или законодательное происхождение. Только такая тщательно продуманная правовая норма в состоянии охватить целый ряд типичных случаев, которые уложились бы в фактический состав конкретного судебного дела. Предоставляется принципиально важным, чтобы судья не превращался в законодателя. Этому стараются добиться в странах романо-германской правовой семьи»²¹⁷.

Англосаксонское право, напротив, позволяет судам ограничивать права и свободы, если судебное решение становится прецедентом. Например Н. А. Перова отмечала: «[Суд] постановил, что будет считаться неконституционной ответственность ответчика за сообщения, опубликованные в связи с дискуссией в обществе, касающейся публичного человека, даже если таким образом ответчик хотел отомстить истцу»²¹⁸. В данном деле право на взыскание убытков было ограничено актом Верховного Суда США, который стал прецедентом – то есть обязательным источником для разрешения аналогичных споров в будущем.

Верховный Суд Российской Федерации, чьи решения формально не играют роли судебных прецедентов, все-таки может ограничивать права и свободы в той сфере общественных отношений, которая нуждается в правовом регулировании, однако законодателем не предусмотрена. Например, законодательство о банкротстве не содержит оснований для понижения очередности требований кредитора (положений о субординации требований), который взаимосвязан с должником (аффилирован) и выдал должнику заем для компенсационного финансирования в период финансового кризиса. Институт субординации требований контролирующего должника лиц известен зарубежным правовым порядкам, однако законодатель не предусмотрел каких-либо прямых оснований для субординации требований. Например, Р.Т. Мифтахутдинов и А.И. Шайдуллин отмечали: «Прямого и полноценного регулирования вопроса о субординации в новейшей истории банкротного

²¹⁷ Давид Р. Основные правовые системы современности /Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. С. 134.

²¹⁸ Перова Н.А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО. 2011. № 4. С. 264.

права в каждом из трех российских законов о банкротстве почти невозможно было ожидать, но все же в них изначально содержались нормы, благодаря телеологическому толкованию которых можно было сформировать практику субординации требований контролирующих должника лиц. Имелись для этого и догматические предпосылки»²¹⁹. В настоящий момент законодательство о банкротстве не содержит конкретных оснований для понижения очередности требований контролирующего лица, однако такие основания упомянуты в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц²²⁰. Арбитражные суды в делах о банкротстве в качестве нормативного обоснования понижения очередности ссылаются именно на этот обзор, так как конкретной позитивной нормы в законодательстве нет²²¹.

Помимо этого, Верховный Суд Российской Федерации своими постановлениями и определениями определяет специфику института субординации требований, объем его действия и иные характеристики. Например, правила о субординации не применимы в делах о банкротстве физических лиц²²², а текущие по смыслу закона о банкротстве требования (статья 5) не могут быть субординированы²²³.

²¹⁹ Мифтахутдинов Р.Т. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве : Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 / Р.Т. Мифтахутдинов, А.И. Шайдуллин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. С. 5.

²²⁰ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

²²¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.01.2022 № Ф09-8327/21 по делу № А60-15753/2021, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2021 № Ф09-3288/20 по делу № А76-6269/2018 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

²²² См., например: Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2022 № 309-ЭС22-23006 по делу № А50-9453/2021, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 305-ЭС20-14492(2) по делу № А40-192270/2018, Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.07.2021 № 305-ЭС21-4424 по делу № А40-301015/2019// СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

²²³ См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.03.2022 № Ф07-20393/2021 по делу № А56-432/2019, Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2022 № 307-ЭС21-6975(9) по делу № А56-432/2019, Определение Судебной коллегии по экономиче-

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации с помощью обзора судебной практики и вынесения идентичных вердиктов в сходных обстоятельствах допустил в России применение института субординации требований, который не имеет под собой прямого нормативного обоснования. Данный институт является ограничением прав и свобод юридических лиц, так как: 1) ограничивается равенство между аффилированными кредиторами и независимыми кредиторами, потому что требования первых могут быть понижены в очередности и будут удовлетворены после всех остальных участников дела о банкротстве; 2) ограничивается свобода экономической деятельности и права участника в деле о банкротстве, так как аффилированный кредитор с пониженным в очередности требованием не вправе голосовать на собрании кредиторов и осуществлять иные значимые действия, доступные только для конкурсных кредиторов, включенных в реестр.

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды также могут формировать своими решениями судебную практику, которая ограничивает права и свободы. Конституционный Суд нередко проверяет сложившуюся правоприменительную практику и признает её соответствующей Конституции РФ. К примеру, в статье 35 УПК РФ изложена возможность передачи уголовного дела по подсудности в связи с отводом судей, сомнением в беспристрастности судей, а также в случае проживания участников не на подсудной территории при условии, что все остальные участники должны быть согласны на изменение подсудности (часть 1). В части 4 данной статьи Генеральному прокурору (или его заместителям) дается право подать ходатайство об изменении подсудности в связи с угрозой личной безопасности участников процесса только при рассмотрении уголовных дел по конкретным, перечисленным составам (бандитизм, вооруженный мятеж и т. п.).

Между тем, Конституционный Суд признал конституционной правоприменительную практику, согласно которой дела передаются по подсудности в связи с потенциальными угрозами жизням участников процесса, независимо от уголовных составов (в деле лицо обвинялось в коммерческих подкупах и взятках): «Та-

кое истолкование положений статьи 35 УПК Российской Федерации - как допускающих передачу уголовного дела по подсудности в суд другой территориальной юрисдикции (в том числе действующий на территории другого субъекта Российской Федерации), обусловленную не субъективным настроем конкретных судей, а объективными обстоятельствами, связанными с личностью обвиняемых, их авторитетом, служебным положением, властными полномочиями, которыми они обладали до начала производства по уголовному делу, а также с иными инструментами влияния, которые они могут сохранять на территории, подпадающей под юрисдикцию суда»²²⁴. Таким образом, императивная норма уголовного законодательства, предусматривающая закрытый перечень оснований для передачи дела по подсудности, была интерпретирована судами (судьями) таким образом, что по итогу права обвиняемых на рассмотрение дела по подсудности (ст. 47 Конституции РФ) были ограничены соразмерно и пропорционально. Признание правоприменительной практики в качестве соответствующей Конституции РФ ставит такую практику в один ряд с иными формальными основаниями ограничений.

Способность судебных решений ограничивать права и свободы не универсальна, так как проявляется только при такой интерпретации нормы закона, которая выходит за рамки нормативного содержания, при этом ограничивая права и свободы соразмерно и пропорционально. В отличие от Конституционного Суда и Верховного Суда, чьи отдельные позиции (сформулированные в обзорах, постановлениях) могут ограничивать права и свободы, решения арбитражных судов и судов общей юрисдикции по отдельности не выступают формальным основанием ограничений, так как действуют адресно в отношении конкретного лица. Но после вынесения массы аналогичных решений с идентичной интерпретацией (прочтением), выходящей за рамки нормативных положений, сложившаяся правоприменительная практика становится основанием для ограничения прав и свобод неопределенного круга лиц.

²²⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушников, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

Таким образом, можно выделить следующие формальные основания ограничения прав и свобод на территории Российской Федерации: 1) федеральный закон в широком понимании (федеральный закон, федеральный конституционный закон, закон о поправке к Конституции); 2) указ Президента РФ (временное ограничение) в специальных случаях (чрезвычайное положение или объективная, неотложная необходимость регулирования отношений для заполнения пробелов законодательства); 3) закон субъекта РФ и акты высшего должностного лица субъекта РФ при наличии полномочий на регулирование конкретных правоотношений, непротиворечивости федеральному законодательству и соблюдении общих принципов ограничений права; 4) акты делегированного законодательства (постановления Правительства) при соблюдении принципа непротиворечивости федеральному законодательству; 5) международный договор (только в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц); 6) Постановления Конституционного Суда РФ и постановления (обзоры) Верховного Суда РФ при наличии в них интерпретации и конкретизации норм, выходящих за содержание законодательства; 7) решения (определения, постановления) арбитражных судов и судов общей юрисдикции в совокупности, которая составляет сложившуюся судебную практику, расширяющую буквальное толкование законодательства.

Отдельно выделяется Конституция РФ только в части поправок, принятых в 2020 году, которые по итогу содержат не указание на возможность ограничения прав и свобод, а конкретные ограничительные меры, обычно содержащиеся в федеральном законодательстве. Каждое из вышеназванных формальных оснований может в той или иной мере ограничивать права и свободы субъектов на территории Российской Федерации, однако это происходит по-разному в зависимости от специфики каждого из оснований. Общим и первоначальным основанием выступает федеральный закон в его общем смысле, что в полной мере соответствует положениям Конституции РФ и формально не позволяет иным органам власти (должностным лицам) подменить законодателя. Однако на практике подмена за-

конодателя исполнительной властью случается, о чем будет указано в третьей главе диссертационного исследования²²⁵.

2.2. Материальные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина

Материальными основаниями ограничений прав и свобод выступают фактические обстоятельства, из-за которых вводятся правовые ограничения. Эти фактические обстоятельства напрямую проистекают из конституционно-значимых целей, содержащих ценности, нуждающиеся в защите. Если формальные основания – это инструмент для введения ограничений (закон, указ Президента РФ), то материальные основания – это события, обстоятельства, угрожающие перечисленным в законе охраняемым ценностям, которые служат причиной для введения ограничений.

Конституция РФ в части 3 статьи 55 описывает данные ценности следующим образом: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Похожие положения содержатся в Европейской конвенции по правам человека, которая в статье 18 определяет, что права и свободы, изложенные в конвенции, могут быть ограничены только в тех целях, которые прямо предусмотрены для конкретных прав и свобод. Например, право на свободу выражения мнения (статья 10) может быть ограничено в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности²²⁶.

Положения Европейской конвенции по правам человека похожи на российское законодательство, но не сходны с Конституцией РФ, потому что последняя

²²⁵ При подготовке параграфа использованы материалы статьи: Болдырев Н. А. Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 38-46.

²²⁶ Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

определяет, что каждое право может быть ограничено в соответствии с любой целью (здоровье, оборона или нравственность), тогда как Европейская конвенция определяет для каждого права свои материальные основания. И если для права на судебное разбирательство (статья 6), на уважение частной и семейной жизни (статья 8), свободу мысли, совести и религии (статья 9), свободу выражения мнений (статья 10), свободу собраний и объединений (статья 11) материальные основания схожи с Конституцией РФ, то для ограничения права на свободу и личную неприкосновенность (статья 5) Конвенция приводит свои материальные основания: предотвращение инфекционных заболеваний, предотвращение преступления, воспитательный надзор. Иным способом материальные основания определяет Всеобщая декларация прав человека в статье 29: «Человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»²²⁷.

А. А. Переверзев, сопоставив положения Конституции РФ, Конвенции и Всеобщей декларации прав человека, писал: «Анализ международных актов позволяет сделать вывод, что Конституция РФ соответствует международным стандартам в области ограничений прав и свобод личности, содержит более четкие формулировки, что препятствует возможному расхождению в их толковании и сужает возможности злоупотреблениями ими»²²⁸. Относительно Всеобщей декларации прав человека можно согласиться с данным мнением, так как соответствие требованиям морали и соблюдение общественного порядка, упомянутые во Всеобщей декларации прав человека, выступают слишком размытыми целями и основаниями для ограничений.

Однако в случае сравнения Конституции РФ и Конвенции результат будет совершенно иным, потому что подход к дифференциации материальных основа-

²²⁷ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

²²⁸ Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 69.

ний по отношению к каждому праву, изложенному в Конвенции, выглядит более эффективным для сужения возможностей злоупотребления со стороны государства при введении ограничений. Как было сказано в первой главе, цели-основания являются культурными феноменами, по умолчанию содержащими в себе спорные, многообразные элементы – это относится и к Европейской конвенции. Однако российский подход в данном случае несколько уступает европейскому, потому что не все права и свободы могут угрожать какой-либо защищаемой ценности, следовательно, такое право невозможно ограничить по конкретному материальному основанию.

К примеру, в некоторых случаях право на семью может угрожать нравственности или правам и законным интересам иных лиц, поэтому такое право может быть ограничено. Но все же сложно представить, когда право на вступление в брак будет угрожать конституционному строю, обороне и безопасности Российской Федерации. Поэтому подход, изложенный в Конвенции, предусматривает, что для ограничения конкретного права есть конкретные материальные основания, и для права на вступления в брак Конвенция не предусматривает материальных оснований ограничений.

О взаимосвязи защищаемых ценностей и материальных оснований М. В. Кузнецова писала следующее: «Материальные основания ограничения субъективного права определяются конституционными целями такого ограничения»²²⁹. Аналогичную позицию высказывает и А. А. Переверзев²³⁰. Материальные основания фактически отождествляют с конституционными целями ограничения, исходя из того факта, что причиной введения ограничений выступает угроза определяемым целям-ценностям.

Однако конституционные цели являются одним из элементов материальных оснований для ограничений, потому что перечисленные в Конституции цели не находятся в состоянии перманентной опасности со стороны общества или отдель-

²²⁹ Кузнецова М.В. Ограничения конституционного права граждан на жилище // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 1. С. 192.

²³⁰ Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных нрав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. С. 68.

ной личности. Непосредственной защите основ конституционного строя или здоровья населения предшествует событие (факт), создающее угрозу для конкретного государственного или общественного интереса. Ю. А. Кондрашов писал: «События — это самостоятельный тип юридических фактов. Они становятся таковыми, если устанавливаются законом и имеют социально-правовую значимость для субъекта правоотношения»²³¹. Например, для введения ограничений прав на передвижение и трудовую деятельность в период пандемии COVID-19 непредвиденным событием, послужившим основанием для ограничений, стала непосредственно эпидемия. До её официального признания на международном и государственном уровне угрозы здоровью населения такого масштаба не было, поэтому ценность, изложенная в Конституции, не нуждалась в защите именно таким способом.

Конституционный Суд в отношении ограничений прав и свобод в период пандемии отмечал, что при введении ограничений требуется обеспечение конституционно приемлемого баланса между защитой жизни и здоровья граждан и правами и свободами конкретного гражданина²³². Вышеназванные ограничения в период пандемии Covid-19 были введены после наступления события, то есть постфактум в качестве реакции на политико-социальную проблему, которая затронула государственные и общественные интересы в Российской Федерации и угрожала перечисленным в Конституции РФ ценностям. Однако не всегда ограничения прав и свобод вводятся постфактум: некоторые ограничения превентивно защищают охраняемые законом ценности. В таких случаях основанием служит не факт наступившей угрозы охраняемым интересам, а факты, повышающие вероятность угрозы в будущем.

²³¹ Кондрашов Ю.А. Юридическая природа событий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2. С. 31.

²³² Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области // Российская газета. 2021. № 6.

Например, А. Н. Бумагин, комментируя предусмотренное статьей 241 УПК РФ ограничение конституционной гарантии публичности судебного разбирательства в отношении несовершеннолетних (их могут не допустить к судебному разбирательству), пишет: «Оно имеет целью законно ограничить публичность разбирательства по моральному основанию вследствие требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ»²³³. В данном случае нарушения охраняемых ценностей еще не произошли, так как психика несовершеннолетнего лишь в теории может пострадать от уголовного процесса из-за оглашаемых деталей преступления или иных обстоятельств, однако возможность превентивного ограничения, направленного на защиту, все же существует.

Аналогичными превентивными ограничениями служат ограничения на свободу передвижения в форме запрета выезда за границу лицам, имеющим допуск к государственной тайне (поскольку существует угроза обороноспособности страны в случае разглашения сведений) или имеющим статус обвиняемого²³⁴. В данных примерах значимым было правовое положение конкретных лиц (допуск к тайне, статус обвиняемого в уголовном процессе).

Следовательно, основанием для введения ограничения может быть событие, которое уже случилось и угрожает ценностям, либо событие, влекущее потенциальные угрозы для защищаемых ценностей. Юридический факт выступает первым элементом в системе материальных оснований для ограничения. Последующими и не менее значимыми элементами в составе материальных оснований являются защищаемые Конституцией РФ ценности, на основании угрозы которым осуществляется ограничение прав и свобод.

Кроме того, факта, например, допуска к тайне, не в каждом случае достаточно для ограничения прав и свобод человека, так как ограничение права на свободу передвижения ограничивается на срок, указанный в договоре (контракте). Как отмечал Конституционный Суд, «отказ гражданину в разрешении на выезд из

²³³ Бумагин А.Н. Конституционно-правовые основания ограничения публичности судопроизводства по моральным основаниям // Среднерусский вестник общественных наук. № 2. 2015. С. 123.

²³⁴ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

Российской Федерации не является окончательным, он может быть обжалован им в соответствующую межведомственную комиссию»²³⁵. Следовательно, ограничение на свободу передвижения вводится не только исходя из факта допуска лица к тайне, но и в связи с вынесением акта органа публичной власти, который разрешает вопрос об обоснованности или необоснованности запрета.

Также юридический факт может проистекать не из поведения конкретных лиц или природных процессов (болезни, эпидемии), но и из судебного решения. Как уже было указано ранее, решения Верховного Суда РФ или Конституционного Суда РФ могут выступать формальными основаниями ограничения, если содержат интерпретацию правовой нормы, выходящую за рамки буквального толкования. Однако основная масса судебных решений первых инстанций в системе арбитражных судов и судов общей юрисдикции в рамках сложившейся судебной практики выступает материальным основанием для ограничения прав и свобод.

Относительно судебного акта В. Г. Голубцов отмечал, что это особый юридический факт, поскольку его происхождение основано на одностороннем волеизъявлении суда как органа публичной власти²³⁶. А. И. Кобыленкова аналогичным образом придавала судебному решению статус юридического факта, действующего в отношении определенного круга лиц²³⁷.

Судебное решение является материальным основанием сразу в нескольких формах. Во-первых, резолютивная часть решения суда сама по себе выступает материальным основанием, например, отстранение руководителей юридического лица от исполнения обязанностей при признании общества несостоятельным

²³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко» // СЗ РФ. 2012. № 28. Ст. 3977.

²³⁶ Голубцов В.Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52. С. 255.

²³⁷ Кобыленкова А.И. Решение суда как основание возникновения, изменения и прекращения жилищных прав и обязанностей // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 112.

(банкротом)²³⁸ выступает ограничением конституционного права на предпринимательскую деятельность. Во-вторых, решение может повлечь меры, ограничивающие права и свободы, в целях его исполнения. К примеру, при лишении отцовства сохраняется обязанность по уплате алиментов на ребенка: резолютивная часть решения ограничивает семейные права лица (лишение отцовства), а после при исполнении решения суда в случае нарушения порядка уплаты алиментов конституционные права на свободу передвижения (запрет выезда) и частную собственность (арест на имущество) ограничиваются судебным приставом-исполнителем²³⁹.

Таким образом, материальными основаниями служат юридические факты (события), причинами возникновения которых выступают действия (бездействие) лиц, а также не контролируемые природные (биологические) процессы. К юридическим фактам также следует относить принятие судебных решений или актов органов публичной власти, влекущих изменение прав и обязанностей лиц, что приводит к ограничению конституционных прав.

Взаимосвязь формальных и материальных оснований можно охарактеризовать следующим образом. Чтобы существовала возможность введения ограничений, должна быть в наличии нормативная база, состоящая из формальных оснований (от федерального закона до практики Верховного Суда РФ), которые формируют правовые основы для ограничения прав и свобод. При возникновении потенциальных угроз или по факту уже возникшей угрозы охраняемым законом ценностям могут быть введены правовые ограничения, имеющие в качестве материальной основы факты (события) или решения органов публичной власти (судебное решение, заключение комиссии и т. д.). Материальные основания должны быть согласованы и взаимосвязаны с требованиями закона, поэтому при исчезновении материальных оснований ограничение должно быть снято.

²³⁸ О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²³⁹ Об исполнительном производстве : Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

Например, Конституционный Суд признал неконституционными положения статьи 107 УПК РФ, которые не предусматривали оснований для продления меры пресечения в виде домашнего ареста, потому что это порождало противоречия и позволяло налагать ограничения, сопоставимые по характеру с уголовным наказанием²⁴⁰. Избрание и изменение мер пресечения закреплено в УПК РФ, однако разрешение данных вопросов судом всегда имеет под собой анализ материальной основы, то есть фактов (состав преступления, общественная опасность, поведение обвиняемого), поэтому без формальной основы, предусматривающей возможность анализа, напрямую нарушаются конституционные права граждан, так как суд, будучи органом публичной власти, без конкретной нормативной базы находится в состоянии неопределенности.

Именно поэтому формальные основания в механизме ограничения прав и свобод предшествуют материальным основаниям, так как последние не играют какой-либо роли в ограничении прав, если закон или иной источник не позволяет анализировать факты и события для принятия решения об ограничении прав. В случае наличия формальной основы (возможность ограничения прав) и материальной (юридические факты) государство должно принять решение об ограничении прав и свобод, мотивируя это ограничение защитой, в том числе превентивной, какой-либо ценности, изложенной в Конституции РФ.

Без прямого указания на защищаемую ценность ограничения прав и свобод являются недопустимыми и несоразмерными. Как было указано ранее, определяемые Конституцией РФ ценности служат обязательным элементом для введения ограничения, однако не являются единственной частью в механизме.

Таким образом, взаимосвязанные формальные и материальные основания служат основой для введения ограничений прав и свобод. При отсутствии какого-либо из ранее обозначенных элементов ограничение прав и свобод не может быть принято, так как без законодательной (судебной) основы, без фактов (событий),

²⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П по делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7552.

угрожающих перечисленным ценностям, ограничение будет неконституционным, несоразмерным и недопустимым.

2.3. Реализация ограничения прав и свобод человека и гражданина

Финальной стадией механизма введения ограничения прав и свобод человека выступает реализация ограничений, то есть сужение или расширение (в случае упомянутого появления дополнительной обязанности) объема потенциальных действий лица или группы лиц. Для этой стадии характерен контроль за деятельностью лиц, чьи права и свободы законодательно ограничиваются.

Реализация ограничения прав и свобод является правоприменительной деятельностью. С. С. Алексеев под правоприменительной деятельностью понимал властно-организующую деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающую в конкретных жизненных случаях реализацию юридических норм²⁴¹. Реализация ограничения прав и свобод по общему правилу осуществляется органами исполнительной власти всех уровней, а также муниципальной властью. В зависимости от формальных и материальных оснований реализация и контроль за введенными ограничениями относится к различным властным органам.

Например, в случае введения ограничения прав и свобод судебным решением в большинстве случаев реализовывать такое ограничение будут Федеральная служба судебных приставов (по гражданским и экономическим спорам) и Федеральная служба исполнения наказаний (в уголовно-правовой сфере). Обе вышеназванные службы будут не только исполнять решение суда, которое само по себе уже может ограничивать права и свободы, но и при наличии оснований применять принудительные меры в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения решения суда.

Ограничение прав и свобод человека активно применяется пенитенциарной системой по отношению ко всем субъектам, на которых наложено ограничение. В

²⁴¹ Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 115.

таком случае орган исполнительной власти принудительно ограничивает права и свободы в отношении конкретных субъектов.

Однако не все ограничения прав и свобод реализуются по инициативе государства в лице исполнительных органов. К примеру, предусмотренные законодательством льготы, пособия и пенсии имеют определенные границы при реализации и не могут быть назначены каждому гражданину государства, то есть законодательное ограничение существует и действует в отношении определенной законом группы лиц. Определенные пособия предоставляются только по заявлению субъекта (например, материнский капитал), а исполнительный орган лишь разрешает вопрос о реализации данного права (выдача денежных средств) или об ограничении права в связи с отсутствием всех оснований для выдачи денежных средств. В таком случае исполнительный орган не инициирует ограничение прав и свобод, как это делается в уголовно-исполнительной системе, потому что не предпринимает активных действий по поиску субъектов, чьи права должны быть ограничены. Наоборот, субъекты сами обращаются за получением определенного блага, а исполнительный орган обязан отказать в этом в случае отсутствия оснований для реализации права.

Таким образом, реализация ограничений прав и свобод может быть активным действием исполнительного органа, который обязан предпринять определенные меры для ограничения прав и свобод человека (доставить его в исправительное учреждение для отбывания наказания, заблокировать банковские счета и т. д.). Д. Н. Рачев приводит следующий пример активных действий исполнительных органов: «Характерная особенность административно-правовых мер, реализуемых в ходе спецоперации по освобождению заложников, заключается в том, что права и свободы граждан в районе проведения спецоперации частично ограничиваются»²⁴². Активные действия по реализации ограничения права осуществляются исполнительной властью, когда для этого существуют материальные основания. Следовательно, государство должно на них каким-либо образом отреагировать.

²⁴² Рачев Д.Н. К вопросу ограничения прав и свобод граждан в процессе реализации сотрудниками органов внутренних дел административно-правовых мер при проведении специальной операции по освобождению заложников // Современное право. 2019. № 7-8. С. 51.

Такими материальными основаниями могут быть судебные акты, признающие субъектов виновными в совершении преступления, или общественные события, в отношении которых органам исполнительной власти необходимо реагировать путем реализации предусмотренных ограничений. Например, при пандемии Covid-19 (материальное основание) органы исполнительной власти самостоятельно ограничивали права и свободы граждан на предпринимательскую деятельность (пресекали работу бизнеса) и на труд.

Однако в некоторых случаях исполнительные органы власти не предпринимают попыток по ограничению прав и свобод самостоятельно, а лишь реагируют на активные действия людей, желающих реализовать свое право (отказ в назначении пенсии, выдаче материнского капитала, пособия по безработице). В таких ситуациях исполнительная власть, хотя и реализует ограничение права, но все же не выступает активной стороной, так как лишь реагирует на действия граждан. Некоторые ограничения прав и свобод вводятся в отношении большой группы лиц (право на материнский капитал, пенсию, пособие по безработице) и предоставление права напрямую зависит от действий субъектов, а исполнительная власть отчасти выступает не органом, реализующим ограничение, а инстанцией, проверяющей обоснованность реализации права тем или иным лицом.

Несмотря на разнообразие вариантов реализации ограничения прав и свобод, лица вправе рассчитывать на судебную защиту. Действия органа власти, ограничивающего права, могут быть, в частности, обжалованы по правилам статьи 218 Кодекса административного судопроизводства РФ²⁴³ или в соответствии со статьей 197 Арбитражного процессуального кодекса РФ²⁴⁴. Основания для обжалования действий государственного органа или иных структур, наделенных властными полномочиями, примерно одинаковы: нарушение прав, свобод и законных интересов.

Судебная защита может быть осуществлена и при реализации ограничений, в которых государство лишь реагирует на действия субъектов. К примеру, Феде-

²⁴³ СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

²⁴⁴ СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

ральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» запрещает проводить предварительную агитацию без согласования с органом исполнительной власти²⁴⁵. Обязательное предварительное уведомление служит правомерным ограничением прав и свобод, так как используется для предотвращения беспорядков, совершения правонарушений, а также приводит к согласованию шествия или демонстрации с правами и интересами других лиц²⁴⁶. Орган исполнительной власти вправе отказать в согласовании, тем самым ограничив права и свободы, и такая реализация ограничения может быть обжалована в суде²⁴⁷.

Органы исполнительной власти при реализации ограничений прав и свобод должны учитывать общие правовые принципы (справедливости, запрета дискриминации). Формальные основания являются основой для реализации ограничения прав и свобод, поэтому органы исполнительной власти не могут произвольно использовать ограничительные меры. К примеру, Уголовно-исполнительным кодексом РФ (далее – УИК РФ) установлены определенные последствия за нарушение осужденными установленного порядка: водворение в штрафной изолятор или перевод в единые помещения камерного типа²⁴⁸. Органы пенитенциарной системы, реализуя ограничения прав и свобод, могут использовать только те меры, которые прямо изложены в нормативном акте. Собственная свобода усмотрения имеется у

²⁴⁵ СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

²⁴⁶ Конституционный Суд по этому поводу отмечал: «При недостижении согласия с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления относительно места и (или) времени проведения публичного мероприятия организаторы публичного мероприятия вправе защитить свои права в судебном порядке. При этом судебное рассмотрение должно быть осуществлено на основании действующего процессуального законодательства в максимально короткий срок, как это предусмотрено для рассмотрения споров в сфере избирательных прав» (Постановление ЕСПЧ от 10.07.2012 «Дело «Берладир и другие (Berladir and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 34202/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 6.

²⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

²⁴⁸ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

органов исполнительной власти лишь в части выбора между уже предусмотренными законом ограничительными мерами.

Однако на практике исполнительная власть внутренними регламентами и инструкциями может уточнять ограничение прав и свобод, дополняя его определенными особенностями. К примеру, статья 94 УИК РФ разрешает осужденным просмотр телепередач в свободные от работы часы, кроме времени, отведенного распорядком дня для ночного отдыха. Следовательно, просмотр телепередач ограничен с учетом распорядка дня в исправительном учреждении. В 2021 году Конституционный Суд разрешал вопрос о принятии жалобы С. А. Рэскоалэ, который отмечал, что исправительное учреждение не просто ограничивало время просмотра телепередач, но и запрещало выбор каналов, что фактически вводило цензуру в исправительном учреждении. Конституционный Суд отказал в принятии жалобы, отметив: «Проверка же условий отбывания наказания в конкретном исправительном учреждении, в том числе вопросов определения продолжительности просмотра телепередач и их содержания, не относится к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации»²⁴⁹.

Тем самым Конституционный Суд признал, что исправительные учреждения (исполнительная власть) вправе в рамках правового регулирования уточнять конкретные ограничительные меры и применять их в отношении осужденных. УИК РФ не содержал каких-либо запретов относительно выбора каналов телепередач. Следовательно, реализация такого ограничения осуществляется решением органа исполнительной власти дополнить основное ограничение (время просмотра) дополнительным (выбор канала).

В некоторых случаях законодательный орган, конструируя норму, предоставляет исполнительной власти возможность регулирования определенных от-

²⁴⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рэскоалэ Сергея Андреевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 82, частью второй статьи 94, частью первой статьи 109, частями первой и второй статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 и подпунктом 4 пункта 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692727#8ueTLrTqjZCeDaF> (дата обращения: 30.09.2023).

ношений, как это было сделано в статье 94 УИК РФ: «Переписка между содержащимися в исправительных учреждениях осужденными осуществляется в порядке, определяемом Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений». Данные Правила утверждены Министерством юстиции РФ, то есть органом исполнительной власти, и регулируют весь процесс осуществления переписки (форма и способ отправки писем, порядок получения разрешения на переписку)²⁵⁰.

Похожим образом регулируется охрана окружающей среды. Законодатель определяет, что у юридических лиц есть обязанность бережно относиться к окружающей природе и контролировать выбросы и сбросы вредных, загрязняющих веществ. Однако этот контроль реализуется исполнительной властью, которая определяет размеры и нормативы допустимых выбросов и сбросов²⁵¹, тем самым ограничивая право на экономическую деятельность, так как, достигнув предельного размера выбросов, юридическое лицо фактически не может дальше осуществлять деятельность до момента обновления отчетного периода.

Таким образом, органы исполнительной власти обязаны осуществлять реализацию ограничений прав и свобод такими способами и используя те меры, которые прямо изложены в нормативной основе (формальные основания ограничения). Однако в определенных случаях исполнительная власть вправе дополнять и расширять законодательные нормы путем издания инструкций, положений и приказов, которые влияют на реализацию ограничительных мер.

Формальные основания выступают для исполнительной власти фактически инструкцией к действиям, а материальные основания – причиной их осуществления. У исполнительной власти не так много свободы усмотрения в части уточнения формальных оснований для ограничения, так как запрещено ограничивать

²⁵⁰ Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // Официальный интернет-портал правовой информации. сайт URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁵¹ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

права с помощью не предусмотренных законом мер. Однако существует почти не ограничиваемая законодателем свобода усмотрения при выявлении материальных оснований, которые детерминируют введение ограничений.

Например, меры взыскания применяются за нарушения установленного порядка, то есть администрация исправительного учреждения вправе разрешать вопрос о необходимости ограничения прав и свобод осужденного самостоятельно. Кроме того, в статье 115 УИК РФ прямо указано, что меры взыскания могут применяться, то есть у администрации исправительного учреждения есть определенные обязанности по поддержанию порядка, однако за посягательство на этот порядок администрация не обязана применять меры взыскания, а лишь может это сделать. Первоначальная проверка на наличие материальных оснований осуществляется должностными лицами исправительного учреждения, а после судом в случае жалобы осужденного на нарушение его прав и законных интересов. В отличие от формальных материальные основания проверяются судами общей юрисдикции по жалобам осужденных. Формальное основание является вопросом права, то есть может быть проверено Конституционным Судом, тогда как материальное основание выступает вопросом факта, что исключает его проверку в конституционном судопроизводстве.

В связи с разделением исполнительных органов по сферам общественных отношений в некоторых случаях анализ материальных оснований не требуется и ограничения могут быть введены на основании акта (распоряжения) другого исполнительного органа, который в силу своей специфики уже проанализировал материальные основания. Так было в пандемию Covid-19, когда в адрес территориальных органов ФСИН России было направлено Постановление № 413 главного санитарного врача ФСИН России от 2 мая 2020 года, приостанавливающее прием посылок и передач, а также предоставление длительных и краткосрочных свиде-

ний осужденным, отбывающим наказание в исправительных учреждениях, подведомственных данному территориальному органу²⁵².

Таким образом, реализация ограничений прав и свобод выступает в качестве заключительной стадии ограничительного механизма и тесно связана с предшествующими стадиями по конкретизации формальных оснований ограничений и анализу материальных оснований. Исполнительная власть, реализуя ограничения прав и свобод, должна действовать в пределах, ограниченных в нормативной основе (способ и меры ограничения), и использовать ограничительные механизмы только при наличии материальных оснований (причин). Баланс обозначенному процессу придает возможность субъектов, на которых воздействуют ограничения, обжаловать действия в судебном порядке.

²⁵² Чеченова Л.З. Принцип законности при реализации специальных административно-правовых режимов, обеспечивающих безопасность в пенитенциарной системе России // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 72.

ГЛАВА 3. АКТУАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Распределение компетенции по установлению ограничений прав и свобод человека и гражданина

В соответствии с Конституцией РФ ограничение прав и свобод может быть установлено федеральным законом (статья 55), т.е. компетенцией по введению ограничений прав и свобод обладает государство в лице законодательной власти. Последующая реализация введенных прав и свобод осуществляется исполнительными органами власти.

На возможность установления ограничения прав и свобод только на федеральном уровне также указывает разделение предметов ведения между федерацией и субъектами РФ, изложенное в статьях 71, 72 Конституции РФ. Так, например, в ведении Российской Федерации находятся вопросы регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, а к совместному ведению относится лишь защита прав и свобод человека и гражданина. Так как действия по ограничению прав и свобод являются регулированием, ограничить права может только федеральная власть. Конституционный Суд подтвердил это, указав, что ограничения прав и свобод допустимы только федеральным законом²⁵³.

Однако практика подтверждает, что ограничения могут быть введены не только федеральным законом, но и иными актами, например, указом Президента РФ или Мэра Москвы. Последний из данных источников выступает актом региональной власти, которая в соответствии с Конституцией РФ обязана лишь защищать права и свободы граждан, но не регулировать.

²⁵³ Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5253.

Проблемы взаимодействия федерального и регионального уровня власти и ограничения прав и свобод возникли в период пандемии Covid-19. Например, реакцией на угрозы здоровью и жизни населения из-за пандемии стал Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ²⁵⁴, который запретил проведение на территории города Москвы спортивных, зрелищных, публичных и иных массовых мероприятий, то есть ограничил, как минимум право на свободу передвижения. По аналогичным мотивам 12.03.2020 года был издан Указ Губернатора Московской области, ограничивший право на свободу передвижения в связи с возникновением у граждан обязанности обеспечить самоизоляцию по месту проживания²⁵⁵.

В момент издания данных указов федеральная власть конкретным образом не отреагировала на возникшую проблему в виде пандемии, поэтому первичные ограничения прав и свобод на территории города Москвы и Московской области были введены именно на региональном уровне. Вводимые ограничительные меры проверялись на допустимость и пропорциональность на уровне субъектов РФ.

Только 02.04.2020 года был издан Указ Президента РФ²⁵⁶, в соответствии с которым высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных

²⁵⁴ Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (вместе с «Перечнем непродовольственных товаров первой необходимости», «Перечнем видов деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей», «Перечнем заболеваний, требующих соблюдения режима самоизоляции», «Требованиями к организации деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, при осуществлении которой не принято (отменено) решение о приостановлении посещения гражданами территорий, зданий, строений, сооружений (помещений в них), где осуществляется деятельность таких организаций и индивидуальных предпринимателей», «Стандартом обслуживания заявителей в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг на территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности», «Порядком проведения эксперимента по обеспечению возможности покидания гражданами мест проживания (пребывания) в целях прогулки и занятия физической культурой и спортом») // Вестник Мэра и Правительства Москвы. № 14. 10.03.2020.

²⁵⁵ Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. сайт URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2023).

²⁵⁶ Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2082.

органов государственной власти) субъектов Российской Федерации необходимо было обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий. Указ Президента РФ действительно может быть формальным основанием (источником) ограничения прав и свобод, однако в рассматриваемом Указе нет конкретных ограничительных мер в отношении граждан или хозяйствующих субъектов, а предусматривается лишь возможность введения ограничения органами власти субъектов РФ.

Следовательно, Указом Президента РФ была проигнорирована обязательность издания федерального закона для ограничения прав, а также позволено высшим должностным лицам субъектов РФ самостоятельно издавать указы, постановления, распоряжения, которые ограничивали бы права и свободы человека и гражданина в части свободы передвижения или распоряжения частной собственностью. В последующем акты региональной власти были признаны законными и обоснованными. Указ Мэра Москвы прошел проверку через административное исковое заявление, по итогам рассмотрения которого Московской городской суд указал, что Мэр Москвы ввел ограничения во исполнение Указа Президента РФ от 02.04.2020 года²⁵⁷.

Однако судом было проигнорировано, что Указ Мэра Москвы не мог быть издан во исполнение Указа Президента РФ, так как последний был издан позже, а не раньше. Сходным образом Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» было предусмотрено право устанавливать при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями. Однако это право было введено после того, как

²⁵⁷ Решение Московского городского суда от 07.09.2021 по делу № 3а-2077/2021 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пп. 23.1, 23.2, 23.3 указа Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ «Об этапах снятия ограничений, установленных в связи с введением режима повышенной готовности» (ред. 25.06.2021)» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=218485#DNrYLrTrmGzfcBVA> (дата обращения: 30.09.2023).

значительная часть таких правил была предусмотрена актами региональных властей²⁵⁸.

Указ Губернатора Московской области прошел более серьезную проверку – Конституционным Судом РФ, по итогам которой последний указал: «В сложившейся экстраординарной ситуации Губернатором Московской области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Российской Федерации (это относится к большинству регионов), по сути, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, впоследствии (спустя незначительный период) легитимированное правовыми актами федерального уровня, что само по себе, по смыслу правовой позиции, неоднократно высказанной Конституционным Судом Российской Федерации, не может расцениваться как противоречие положениям Конституции Российской Федерации»²⁵⁹. Следовательно, опережающее правовое регулирование возможно и в случае, когда региональные власти в целом не обладали полномочиями по ограничению прав и свобод.

Вовлечение региональной власти в разрешение вопросов, входящих в предмет ведения Федерации, выглядит больше политическим действием, нежели правовым способом решения проблемы. В случае города Москвы и Московской области решения об ограничении прав и свобод принимались на уровне исполнительной власти, а не законодательной. В связи с этим проверка принимаемых актов была менее тщательной, так как стандартные ограничения, вводимые органами законодательной власти Федерации, предусматривают несколько этапов проверки при голосовании в двух палатах парламента, а после право вето со стороны Президента РФ.

²⁵⁸ Варламова Н.В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 24.

²⁵⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 289.

Акты же органов исполнительной власти принимаются фактически единолично. Например, в соответствии с Законом города Москвы от 8 июля 2009 года № 25 «О правовых актах города Москвы» стадии нормотворчества (планирование, разработка, рассмотрение) относятся только к изданию актов Московской городской думой. В отношении указов Мэра Устав города Москвы содержит следующее положение: «По вопросам своей компетенции Мэр Москвы издает обязательные для исполнения на всей территории города Москвы указы и распоряжения и осуществляет контроль за их исполнением». Единственным требованием к указу Мэра Москвы, которое можно вычленивать из Устава города Москвы, является отсутствие противоречия Указа Конституции РФ, федеральному законодательству и иным актам, имеющим более высокий правовой статус по сравнению с указом Мэра Москвы. По этому поводу Е. Н. Дорошенко высказался следующим образом: «...Центром принятия решений стали органы исполнительной власти, от подготовки проектов принимаемых решений оказались отстранены региональные законодатели; вопреки принципу разделения властей важнейшие нормативные акты, затрагивающие интересы и права всех граждан, не обсуждались и не утверждались представительными органами субъектов РФ и муниципальных образований»²⁶⁰.

Таким образом, региональные власти, в том числе органы исполнительной власти и должностные лица, вправе вводить ограничения прав и свобод граждан в рамках опережающего регулирования при возникновении обстоятельств, требующих оперативного реагирования. Между тем, Вопрос об отнесении возникающих обстоятельств к серьезным и требующим такого реагирования является дискуссионным. Конституционный Суд признал, что пандемия Covid-19 была серьезным обстоятельством с учетом уникального (экстраординарного) характера ситуации по распространению нового опасного заболевания²⁶¹. Однако не во всех

²⁶⁰ Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 55.

²⁶¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил

случаях такое объяснение вводимых ограничений может устроить общество с учетом того, что ограничительные меры в период пандемии также подвергались критике даже со стороны официальных изданий. Возможность ограничения прав и свобод региональными властями в исключительно опасной для жизни и здоровья населения ситуации логична, так как именно региональный уровень обладает более полными и актуальными данными относительно ситуации в субъекте РФ.

Кроме того, управление в кризисной ситуации, основанное на взаимодействии нескольких органов власти субъекта РФ и различных учреждений (медицинские организации), выглядит более успешным и продуктивным для скорейшего разрешения ситуации или для минимизации рисков. Например, Жаде З. А., исследовав действия региональных властей двух субъектов (Республика Адыгея и Краснодарский край) в период пандемии, отметила: «В перспективе, интеграционные процессы на региональном уровне будут усложняться, приобретая новые формы»²⁶². Похожим образом Е. А. Грызунова описывает модель кризисной коммуникации: «Одним из возможных форматов является «гражданская наука», под которой в кризисном управлении, как правило, понимается участие в оценке рисков и уязвимостей представителей местного сообщества, которые не являются профессиональными учеными, однако обладают уникальным знанием локальной специфики и высокой степенью личной мотивации»²⁶³.

Таким образом, реакция государства в лице федеральных и региональных органов на пандемию Covid-19 имела как положительные, так и отрицательные аспекты. К последним относится принятие решений об ограничении прав и свобод граждан органами исполнительной власти, имеющими меньшие требования к изданию нормативного акта по сравнению с законодательными органами. Однако такое делегирование полномочий по ограничению прав и свобод органам власти

Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 289.

²⁶² Жаде З.А. Власть и общество перед вызовом пандемии COVID-19. //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 2021. № 2. С. 37.

²⁶³ Грызунова Е.А. Модели кризисных коммуникаций и управления информацией в работе органов государственной власти // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6. С. 227.

субъектов РФ позволило реагировать на угрозы пандемии более быстро и конкретно, так как обстановка с количеством инфицированных постоянно менялась от субъекта к субъекту.

Несмотря на отсутствие у субъектов РФ предмета ведения в виде регулирования прав и свобод, на практике ограничения все же устанавливаются и в стандартной обстановке при отсутствии каких-либо чрезвычайных обстоятельств, требующих скорейшего регулирования. Например, В. А. Черепанов отмечает: «Типичным примером может служить региональное законодательство об административных правонарушениях, которое содержит ограничения многих субъективных прав. Не вдаваясь в их детальный анализ, приведем лишь один пример, связанный с запретами в области земельных отношений. Так, в ст. 7.4 Закона Ставропольского края от 4 марта 2005 г. № 14-кз установлена административная ответственность за неиспользование в течение одного года земельного участка, предоставленного для сельскохозяйственных или иных целей. Очевидно, что тем самым ограничивается конституционное право человека свободно владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей ему землей»²⁶⁴.

Данное ограничение напрямую противоречит позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 04.04.1996 № 9-П: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом. В данном случае понятием «закон» охватываются исключительно федеральные законы, но не законы субъектов Российской Федерации, поскольку иначе названной норме придавался бы неконституционный смысл»²⁶⁵. С другой стороны, определением от 01.10.1998 № 145-О Конституционный Суд прямо разрешил субъектам РФ принимать собственные законы в области административных правонарушений, если они не противоречат федеральным законам, регуливающим те же пра-

²⁶⁴ Черепанов В.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина законами субъектов Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 49.

²⁶⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

воотношения. При отсутствии соответствующего федерального закона субъект Российской Федерации вправе осуществить собственное правовое регулирование, что следует из смысла статей 72, 76 (часть 2) и 77 (часть 1) Конституции Российской Федерации и вытекает из природы совместной компетенции²⁶⁶.

Возможность ограничения прав и свобод региональным законодателем, хотя и существует на практике, в научной литературе активно обсуждается, так как некоторые авторы прямо отрицают возможность субъектов РФ регулировать права и свободы в части их ограничения. Например, В. А. Черепанов отмечает, что часть 3 статьи 55 Конституции РФ относится только к федеральному законодателю, который вводит ограничение прав и свобод путем принятия федерального закона, однако данная норма не содержит общего запрета для органов власти субъекта РФ также ограничивать права и свободы. У субъектов РФ есть возможность принимать собственные законы, то есть регулировать общественные отношения, определять их границы и тем самым ограничивать права и свободы²⁶⁷. Похожим образом Э. С. Юсубов комментирует распределение предметов ведения в части отнесения к субъектам только защиты прав и свобод: «Для обеспечения комплексного и всестороннего регулирования необходимо участие субъектов Российской Федерации»²⁶⁸.

С аргументацией, полагающейся на отсутствие в Конституции РФ прямого запрета для субъектов РФ ограничивать права индивидов, не соглашается Е. Е. Никитина: «Негативное регулирование, т. е. прямое запрещение, является излишним, когда существуют позитивные нормы ст. 71—73 Конституции РФ, распределяющие конкретные предметы ведения, в том числе по регулированию прав чело-

²⁶⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.1998 № 145-О «По запросу Законодательного Собрания Нижегородской области о проверке конституционности части первой статьи 6 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 1998. № 49. Ст. 6102.

²⁶⁷ Черепанов В.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина законами субъектов Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 49.

²⁶⁸ Юсубов Э.С. Регулирование и защита прав человека в федеративном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 38.

века, между Российской Федерацией и ее субъектами»²⁶⁹. Однако негативное регулирование было бы излишним, если бы положения Конституции РФ конкретным образом распределяли предметы ведения между Федерацией и ее субъектами. Однако спорные формулировки, при которых регулирование прав и свобод относится к предмету ведения Федерации, а защита прав к совместному ведению, приводят к буквальному толкованию, при котором субъекты ограничивать (регулировать) права не могут. Между тем позиции Конституционного Суда и законодательная практика субъектов РФ демонстрируют, что региональные власти ограничивать права и свободы способны. И эта возможность предоставлена им не только в период существования чрезвычайных ситуаций, но и в стандартных обстоятельствах.

К примеру, размер налогов и сборов также является ограничением прав хозяйствующих субъектов, так как сужает границы дозволенного поведения путем введения обязательств по уплате части выручки бизнеса в бюджет. Конституционный Суд относительно регионального налогового законодательства высказался следующим образом: «...статья 2 Закона города Москвы от 14 сентября 1994 года соответствует Конституции Российской Федерации (статья 73) в части права субъекта Российской Федерации устанавливать собственные налоги и сборы»²⁷⁰. Таким образом, субъекты РФ вправе вводить ограничения прав и свобод в тех сферах, которые прямо не закреплены в качестве предметов ведения Федерации, однако такие ограничения должны соответствовать общим принципам соразмерности и пропорциональности.

А. В. Должиков, приходя к выводу о возможности ограничения прав законами субъектов РФ, отмечает: «Для гарантирования основных прав от недопустимых ограничений федеральный законодатель должен обеспечить их первичное

²⁶⁹ Никитина Е.Е. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 40.

²⁷⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

регулировать и закрепить общие принципы в этой области. Соблюдение таких федеральных стандартов создает предел в реализации компетенции региональных законодательных органов и предотвращает их возможные злоупотребления»²⁷¹. Таким образом, права и свободы граждан могут быть ограничены региональной властью в чрезвычайной ситуации, требующей быстрой реакции на возникшие общественные угрозы, а также в стандартной ситуации. Субъекты Федерации, вводя ограничение прав и свобод, должны следовать нескольким основным принципам: 1) ограничение не должно противоречить федеральному законодательству и Конституции РФ; 2) ограничение не должно нарушать общие принципы равенства, законности и справедливости; 3) ограничение не должно нарушать специальные принципы пропорциональности и соразмерности ограничения.

Возможность регионов ограничивать права и свободы проистекает из распределения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Во-первых, субъектам РФ для самостоятельного регулирования отданы те сферы, которые прямо не закреплены в предметах ведения Российской Федерации. Во-вторых, совместный предмет ведения Федерации и ее субъектов в части «защиты прав и свобод» может быть истолкован в качестве возможности ограничивать права и свободы, так как введением ограничения властные органы преследуют цели по защите общественных и частных интересов, то есть защищают права и свободы граждан, ограничивая конкретных лиц²⁷².

3.2. Порядок принятия решений об ограничении прав и свобод человека и гражданина

В соответствии с классическим формальным основанием для введения ограничений прав и свобод (федеральный закон), решение об ограничении принимает законодательный орган – Федеральное собрание РФ, состоящее из двух палат. Полномочия двух палат различаются, поэтому принятие решения об огра-

²⁷¹ Должиков А.В. Ограничение основных прав законами субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 2. С. 16.

²⁷² При подготовке параграфа были использованы материалы статьи: Болдырев Н. А. Распределение компетенции по установлению ограничения прав и свобод // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6. С. 133-134.

ничении всегда исходит от действующего субъекта на первом этапе принятия федерального закона – Государственной Думы РФ, что следует из статьи 105 Конституции РФ.

Область возможных правоотношений, которые могут регулироваться федеральными законами, обширна. Единственным пределом в этой сфере выступают федеральные конституционные законы, принимаемые по вопросам, прямо предусмотренным Конституцией РФ. Из этого вытекает фактически безграничная свобода усмотрения законодателя на необходимость регулирования общественных отношений.

Порядок принятия решений об ограничении прав и свобод в Государственной Думе состоит из нескольких этапов. На первом этапе субъекты законодательной инициативы, перечисленные в статье 104 Конституции РФ, вносят в Государственную Думу проект закона. В соответствии с Постановлением Федерального собрания «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²⁷³ законопроект регистрируется в Управлении документационного обеспечения. На втором этапе документ направляется в профильный комитет для проверки проекта на соответствие требованиям. Третьим этапом и фактически основным выступает рассмотрение законопроекта в первом, втором и третьем чтениях, на которых осуществляет обсуждение проекта, его актуальность и значимость. Вышеобозначенный порядок можно назвать классическим механизмом по введению ограничений, так как большая часть ограничений была принята именно таким образом.

Помимо федерального закона, ограничения могут быть введены федеральным конституционным законом, который отличается от федерального закона своей юридической силой, количеством необходимых голосов в двух палатах, а также отсутствием у Президента РФ возможности наложить вето. Например, Конституционный Суд, проверяя Федеральный конституционный закон «О внесении изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон "О референдуме

²⁷³ // Российская газета. 1998. № 37.

Российской Федерации»²⁷⁴, указал, что ограничение в виде запрета инициировать референдум в период проведения избирательной кампании, а также в последний год полномочий Президента РФ, Государственной Думы РФ, является конституционным, так как предусмотренный порядок, в том числе не позволяет заменять друг на друга два способа выражения воли граждан – выборы и референдум.

Закон о поправке к Конституции РФ имеет более сложный порядок принятия, так как требует одобрения законодательных (представительных) органов субъектов РФ. В соответствии с частью 2 статьи 2 Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» под поправкой к Конституции РФ понимается исключение, дополнение, новая редакция какого-либо из положений глав 3-8 Конституции РФ²⁷⁵. Возможность ограничения прав и свобод Законом о поправке прямо связана с возможностью ограничения Конституцией РФ, так как изменения вносятся именно в основной закон.

Как уже было отмечено ранее, Конституцию РФ сложно именовать формальным основанием ограничения, так как она содержит лишь общие положения о возможности сузить пределы потенциальной свободы, однако все эти пределы более подробно раскрываются в федеральном законодательстве. С одной стороны, закон о поправке, не содержащий собственных положений в отличие от федерального и федерального конституционного закона, не может ограничить права и свободы, поскольку выступает инструментом по внесению изменений в Конституцию РФ, которая, в свою очередь, также не является формальным основанием. Отсутствие у закона о поправке некоторой самостоятельности в части регулирования отношений подтверждается также Конституционным Судом РФ, который определением от 16.07.2009 № 922-О-О отказал в принятии жалобы на Закон о поправке к Конституции РФ от 2008 года, потому что такая проверка была бы проверкой положений Конституции РФ. У Конституционного Суда РФ нет такой компетенции (только в рамках предварительного конституционного контроля в

²⁷⁴ // СЗ РФ. № 39. 2002. Ст. 3641

²⁷⁵ // СЗ РФ. № 10. 1998. Ст. 1146.

форме заключения), а закон о поправке фактически является составной частью Конституции, инструментом по внесению изменений. Это еще раз подтвердило, что Закон о поправке не может быть формальным основанием ограничения прав.

С другой стороны, Закон о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ²⁷⁶ расширил ограничения для кандидата на должность Президента РФ – постоянное проживание на территории Российской Федерации не менее 25 лет (ранее не менее 10 лет). Следовательно, Закон о поправке ввел ограничение прав и свобод граждан в части сужения их потенциальной возможности стать кандидатом на должность Президента РФ. Данное ограничение также было продублировано в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации»²⁷⁷, однако первичным формальным основанием ограничений был Закон о поправке.

В наличии парадоксальная ситуация, при которой Конституционный Суд ранее указал, что не вправе проверять положения Закона о поправках, но такой закон может быть источником ограничений прав и свобод. Следовательно, одно из формальных оснований для ограничения прав и свобод не способно быть проверено на соразмерность и пропорциональность Конституционным Судом – единственным органом, осуществляющим анализ положений законодательства на предмет незаконных ограничений прав и свобод.

Данный парадокс может быть преодолен, если отказаться от распространенного представления о Законе о поправке как о части самой Конституции. Такой отказ видится оправданным в свете новой практики проверки конституционности положений закона данного вида Конституционным Судом РФ 2020 г. Сама по себе постановка вопроса о соответствии Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к ней позволяет считать его нормативное содержание обособленным по отношению к содержанию Конституции РФ. В таком случае оказывается, что закон РФ о поправке к Конституции РФ может выступить в качестве формального основания ограничения прав и свобод, в то время как сама Конституция РФ останется за пределами круга документов, которым придается такая функция.

²⁷⁶ // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

²⁷⁷ // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

Следовательно, порядок принятия решений об ограничении прав и свобод напрямую связан с правилами одобрения и официального обсуждения федеральных, федеральных конституционных законов и законов о поправке к Конституции РФ. В последнем случае к процессу принятия решения об ограничении прав и свобод присоединяются законодательные (представительные) органы субъектов РФ.

Законодательные органы субъектов РФ также могут ограничивать права и свободы в случае делегирования им конкретных полномочий в чрезвычайных ситуациях или в стандартных обстоятельствах. Порядок принятия законов в субъектах РФ регулируется регламентами законодательных (представительных) органов и, следовательно, может различаться в некоторых аспектах, однако общая сформированная база аналогична федеральному уровню: внесение инициативы, профильные комитеты, обсуждение и голосование.

Иные формальные основания ограничений (указ Президента РФ, постановление Правительства РФ, акты высшего должностного лица субъекта РФ, судебная практика в виде постановлений Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ) связаны с исполнительной и судебной властью, поэтому имеют иной порядок принятий решений. Например, А. В. Карпушкин, комментируя возможность ограничения прав исполнительной властью, отмечает: «Невозможность издания подобных актов органами исполнительной власти защищает граждан от произвола правоприменителя, ведь органы власти, реализующие ограничения прав, должны быть связаны определенными рамками, в установлении которых они не могут участвовать»²⁷⁸. Однако практические примеры подтверждают, что права и свободы ограничиваются актами органов исполнительной власти, поэтому порядок принятия таких решений также нуждается в изучении.

В соответствии с Распоряжением Президента РФ от 05.02.1993 № 85-рп²⁷⁹ проекты указов и распоряжений Президента Российской Федерации вносятся

²⁷⁸ Карпушкин А.В. Проблемы делегированного нормотворчества Государственной Думы ФС РФ по ограничению прав человека // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 45.

²⁷⁹ // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 598.

письмом с пояснительной запиской, содержащей краткое изложение существа проекта, необходимые обоснования, справочные и аналитические материалы. Кроме того, данным Распоряжением предусматривается ответственность руководителей органов исполнительной власти и структурных подразделений Администрации Президента РФ за качество проектов указов и распоряжений.

Каких-либо иных четких законодательных требований или порядка принятия указов Президента РФ не предусмотрено. Как следствие, Президент РФ имеет свободу усмотрения при ограничении прав и свобод. Однако, как отмечала Н. В. Лебедева, указы Президента РФ издаются для детализации и конкретизации законодательных актов²⁸⁰.

В итоге практическая деятельность продемонстрировала, что Президент РФ не обязательно уточняет и конкретизирует законодательство своими указами, а может также дать конкретное поручение органам исполнительной власти ограничить права и свободы граждан, если этого требует обстановка в регионе. Из принципа разделения властей и регулирования института ограничения прав и свобод следует, что именно законодательный орган должен был принять решение об ограничении права на свободу передвижения или иных конституционных прав в период пандемии. Либо законодательный орган Федерации мог бы внести изменения, уполномочив исполнительные органы (высшее должностное лицо) ограничивать права и свободы путем издания указов или постановлений.

В случае с пандемией произошла подмена законодателя (законодательной власти) исполнителем (исполнительной властью) не только на федеральном, но и на региональном уровне. Помимо вышеназванного варианта, связанного с активными действиями законодательного органа на федеральном уровне, Президент РФ своим указом мог бы обязать законодательные (представительные) органы субъектов издать законы, регулирующие права и обязанности граждан и иных субъектов в период пандемии.

²⁸⁰ Лебедева Н.В. Акты Президента Российской Федерации в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 47.

С одной стороны, такое действие Президента РФ было бы нарушением принципа разделения властей, так как исполнительная власть дала бы поручение органу законодательной власти. С другой стороны, Президент РФ на практике уже издавал указы, которыми рекомендовал законодательным (представительным) органам субъектов РФ выполнить определенные действия, например, дополнительно устанавливая предприятиями льготы по налогообложению²⁸¹. Рекомендация поступить определенным образом не является возложением обязанности, однако такой указ позволил бы субъектам РФ принимать решение об ограничении прав и свобод через законодательную, а не исполнительную власть.

В итоге исполнительная власть на федеральном уровне (Президент РФ) представила исполнительной власти на региональном уровне (высшие должностным лицам субъектов РФ) право ограничивать права и свободы граждан, организаций и иных субъектов, минуя законодательные (представительные) органы. Таким образом, в системе разделения властей произошло смещение баланса в виде предоставления дополнительных полномочий в пользу исполнительной власти. Н. М. Шалберкина в связи с этим отмечала: «Вторжение органов исполнительной власти в сферу законодательного регулирования в обход воли народного представительства противоречит здравому смыслу»²⁸².

Опережающее правотворчество исполнительных органов в период нестабильности в государстве и обществе не может быть всеобъемлющим, игнорирующим компетенцию законодательных органов на федеральном и региональном уровне. Во-первых, опережающее правотворчество (законозамещающий порядок) должно обладать исключительным характером²⁸³. Во-вторых, предмет регулирования такого правотворчества связан с общественными процессами, в отношении которых отсутствует законодательное регулирование. В-третьих, опережающее

²⁸¹ Указ Президента РФ от 30 апреля 1996 г. № 614 «О дополнительных мерах по реализации Федерального закона «О ветеранах»» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2255.

²⁸² Шалберкина М.Н. Правовые проблемы разработки и внедрения механизмов защиты конституционных прав граждан в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 86.

²⁸³ Мамчун В.В., Баранова М.В. Опережающее правотворчество как форма правотворческого риска // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3 (128). С. 44.

правотворчество выходит за рамки стандартной правовой регламентации и связано, прежде всего, с социальным, экономическим и политическим развитием²⁸⁴. Например, М. В. Залоило писал о следующей проблеме опережающего правотворчества: «Имеются риски создания «агрессивного» правового регулирования, не отвечающего принципу достаточности и полноты ввиду своей чрезмерности, «тиражирования» законов, вторжения подзаконных актов в сферу законодательного регулирования»²⁸⁵.

Акты, которые относят к опережающему правотворчеству (Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 года и Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 года), были изданы менее чем за месяц до опубликования Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», в соответствии с которым законодатель причислил к чрезвычайной ситуации распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих²⁸⁶. Таким образом, сложно назвать это «замещающее» правотворчество действительно оправданным, так как регулирование могло быть осуществлено в соответствии с полномочиями, предоставленными Федеральному Собранию РФ в части издания нормативных актов в области защиты населения²⁸⁷.

Признание пандемии чрезвычайной ситуацией является вопросом интерпретации законодательных терминов. Пандемия на практике выступает природным явлением, то есть органы законодательной власти могли регулировать правоотношения еще до расширения термина «чрезвычайная ситуация» путем добавления формулировки «распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих».

²⁸⁴ Баранова М.В. Прогностическая функция опережающего правотворчества // *Философия права*. 2016. № 5 (78). С. 68.

²⁸⁵ Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // *Журнал российского права*. 2019. № 9. С. 27.

²⁸⁶ // *СЗ РФ*. 2020. № 14. Ст. 2028.

²⁸⁷ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // *СЗ РФ*. 1994. № 35. Ст. 3648.

Следовательно, акты органов исполнительной власти были опережающим регулированием, но их необходимость была под вопросом, так как исключительный характер ситуации был в наличии, но сам предмет регулирования был предусмотрен федеральным законодательством. Помимо этого, у органов законодательной власти уже были конкретные предусмотренные полномочия. Таким образом, данное опережающее регулирование не вышло за рамки стандартной правовой регламентации (хотя и должно выходить), не относилось к заполнению пробелов законодательства, а лишь сместило баланс при разделении властей в пользу исполнительной ветви.

В связи с этим К. Добженецкий и Б. Пшивара, сравнивая действия различных государств в период пандемии, отмечали следующую тенденцию: «Обоснованием делегирования парламентских полномочий правительству обычно служит убеждение, что правительство, осознавая динамичные изменения кризисной ситуации, может более эффективно реагировать на них»²⁸⁸. По мнению ряда авторов, нормативные акты исполнительной власти в период пандемии позволили оперативно реагировать и максимально индивидуализировать абстрактные правовые нормы в период кризисного состояния общества²⁸⁹. Французский опыт введения ограничительных мер в период пандемии также был связан с активными действиями исполнительной власти. Т. А. Васильева отмечала наличие в законодательстве Франции гибкого механизма усиления исполнительной власти по принятию с разрешения парламента временных подзаконных актов, имеющих силу закона: «Ситуация с пандемией запустила этот конституционный механизм «замещения» законов актами делегированного законодательства»²⁹⁰.

²⁸⁸ Dobrzeniecki K., Przywora B. Legal basis for introducing restrictions on human rights and freedoms during the first wave of the COVID-19 pandemic // Review of european and comparative law. 2021. № 46. pp. 47.

²⁸⁹ Курбанов Р.А., Налетов К.И., Беялова А.М. Ограничения прав и свобод в период новой коронавирусной инфекции (COVID-19): совершенствование правовых механизмов в период социально-экономических кризисов, новых вызовов и угроз // Экономика. Право. Общество. 2021. № 1. С. 8.

²⁹⁰ Конституция и права человека: современная доктрина и практика: Монография / Под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН, 2021. С. 302.

Представляется, что оправдание вводимых мер срочностью и необходимостью действовать незамедлительно не должно смещать баланс ветвей власти в пользу исполнительной, которая ограничивает права и свободы граждан, а после занимается реализацией данных ограничений. Законодательная власть может действовать так же быстро в случаях крайней необходимости, как и исполнительная власть, поэтому причин для подмены одной ветви власти другой нет.

Например, законопроект № 127141-8 по внесению изменений в федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» был принят и опубликован за восемь дней – с 20.05.2022 года до 28.05.2022 года. Государственная Дума приняла закон в первом чтении 24.05.2022 года, а уже 25.05.2022 года Совет Федерации издал постановление, которым данный законопроект был одобрен. Через три дня после этого принятый закон уже был подписан Президентом РФ и был опубликован.

Иной пример приводит И. А. Старостина, которая комментируя «скоростной режим» внесения поправок в 2008 и 2014 годах, отмечает: «Правда, пожелание быстрого рассмотрения законов о поправках исходило от федерального Центра, и все без исключения субъекты РФ ему последовали безоговорочно»²⁹¹. Таким образом, в случае наличия политической воли на определенные изменения в регулировании общественных отношений законодательные органы не уступают исполнительным по скорости реализации своих полномочий в части законотворческой деятельности.

В данной части интерес представляет позиция О. В. Брежнева относительно опережающего правотворчества: «Соответствующие меры в режиме «опережающего» регулирования действовали достаточно кратковременно (до вступления в силу Федерального закона от 01.04.2020 № 98-ФЗ) и в дальнейшем были полностью «легализованы» федеральным законодателем, что также свидетельствует об их конституционной правомерности и обусловленности возникшей экстраордина-

²⁹¹ Старостина И.А. Парламент России в контексте конституционных поправок // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 42.

нарной ситуацией»²⁹². Однако вряд ли можно утверждать, что такое опережающее правотворчество вообще было необходимо с учетом возможности законодательных органов действовать быстро и конкретно.

Кроме того, Президент РФ, издавший указ, позволяющий высшим должностным лицам субъектов РФ ограничивать права индивидов, также обладает законодательной инициативой. Роль президента в государстве уникальна, так как она напрямую связана с формированием векторов развития как внешней, так и внутренней политики. Законодательно границы инициатив Президента РФ прямо не определены, поэтому с его стороны возможно регулирование, касающееся широкого круга вопросов. Например, Г. В. Минх отмечал относительно указов Президента РФ: «Он вправе вносить свои инициативы по предметам ведения Российской Федерации и по предметам совместного ведения России и ее субъектов»²⁹³.

Представляется, что замещение законодательной власти исполнительной ветвью и Президентом РФ не должно происходить произвольно. Ситуация с пандемией демонстрирует, что регулирование, осуществленное исполнительной властью, могло бы исходить и от законодательной власти без каких-либо потерь во времени. Порядок принятия решений об ограничении прав и свобод со стороны исполнительной власти характеризуется отсутствием демократических инструментов (голосование, обсуждение и т. д.), что приводит к парадоксальной ситуации, полностью противоречащей идее разделения властей: регулирование осуществляет ветвь власти, которая впоследствии будет реализовывать введенные ограничения. Предоставление исполнительной властью полномочий «самой себе» не может быть оправдано срочностью или крайней необходимостью, так как угрожает законодательной власти превращением из инициатора законодательного регулирования в проводника политики в соответствии с правилами, изданными исполнительной властью.

²⁹² Брежнев О.В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 39.

²⁹³ Минх Г.В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. № 1 (229). 2016. С. 96.

3.3. Ответственность за нарушение пределов ограничения прав и свобод человека и гражданина

Нарушить пределы ограничения прав и свобод может государство в лице законодательных, исполнительных и судебных органов (в случае введения ограничений) и частные (физические, юридические) лица (если они своими деяниями вышли за границы допустимого поведения). Если субъекты права выходят за пределы законодательно предусмотренного поведения, могут применяться меры ответственности классических видов (уголовной, административной и гражданской),.

Уголовный кодекс РФ содержит формулировки составов преступлений, которые фактически являются пределами, за которые субъектам нельзя выходить. В рамках института ограничения выходом за пределы дозволенного является преступление в его понимании уголовным законодательством. Субъект права, совершающий преступление, то есть выходящий за границы, понесет уголовную ответственность.

Аналогичные выводы справедливы для административного законодательства, содержащего изложение признаков действий (бездействия), выходящих за пределы дозволенного. Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях могут предусматривать ответственность за одно и то же деяние. Например, при управлении транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения водитель будет подлежать ответственности в соответствии со статьей 12.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Но если водитель будет задержан повторно за это же деяние или откажется от медицинского освидетельствования, то это будет составом уголовно наказуемого деяния. Следовательно, выход за пределы ограничений прав может быть различным, а весомое нарушение допустимой границы будет основанием для привлечения к более серьезной ответственности. Кроме того, особенности того или иного преступления или административного правонарушения могут влиять на меру ответственности в рамках од-

ного кодекса (к примеру, уголовные наказания могут варьироваться от исправительных работ до лишения свободы).

Сходным образом регулируется гражданская ответственность, предусмотренная в значительном количестве федеральных законов. Такая ответственность может наступать в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств или с конкретными виновными действиями, к примеру, при причинении убытков, связанных с нарушением пределов ограничения прав и свобод.

Специальным видом гражданской ответственности в случае нарушения пределов предоставленного права выступает возврат того блага, которое было получено при реализации права. К примеру, семьи в Российской Федерации имеют право на получение материнского капитала, однако такое право ограничено, так как законодательно определены границы его использования: улучшение жилищных условий или получение образования ребенком²⁹⁴. Целевая направленность материнского капитала составляет пределы права, то есть ограничивает его в части использования. Как отмечает Д. М. Наземцев, «Так, суды приходят к выводу о том, что нецелевое использование материнского капитала образует неосновательное обогащение, возврат которого допустим в бюджет Пенсионного фонда РФ»²⁹⁵.

Похожим примером является обязанность гражданина возратить средства, полученные при реализации права на целевое обучение. Лицо, обучавшееся в рамках целевого обучения и не заключившее трудовой договор с соответствующей организацией, должно возратить денежные средства, потраченные на обучение (ст. 56 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»²⁹⁶).

Также существует процессуальная ответственность. Например, Е. В. Чуклова выделяла гражданско-процессуальную (включая, арбитражно-процессуальную), уголовно-процессуальную, конституционно-процессуальную и

²⁹⁴ Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

²⁹⁵ Наземцев Д.М. К вопросу о выявлении правовой природы обязательства об оформлении в общую собственность жилого помещения, приобретенного (построенного, реконструированного) за счет средств материнского (семейного) капитала // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 37.

²⁹⁶ // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

административно-процессуальную ответственность»²⁹⁷. Она же следующим образом характеризовала сущность процессуальной ответственности в случае процессуального нарушения: «Претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные санкцией нарушенной процессуальной нормы, которая выражается в осуждении и правоограничениях личного и (или) имущественного характера»²⁹⁸.

Процессуальная ответственность может быть связана с правилами поведения в суде. Так, статьей 154 Арбитражного процессуального кодекса предусмотрены определенные нормы поведения в арбитражном процессе (правила обращения к суду, заслушивание решения стоя и т. д.): это ограничения прав и свобод в форме наложения конкретных обязанностей на участников процесса. При нарушении этих правил, то есть в случае выхода за пределы допустимого на участника процесса может быть наложен судебный штраф в качестве меры ответственности.

Таким образом, субъекты права, начиная от граждан и заканчивая юридическими лицами, а также при наличии определенного статуса в судебном процессе, несут ответственность при выходе за пределы дозволенного. Уголовные и административные пределы связаны в большинстве своем с запретом определенных действий, а гражданские и процессуальные – с наложением определенных обязанностей на участников правоотношений.

Основным и значимым последствием для грамотного регулирования общественных отношений выступает ответственность государства в лице его органов, а также должностных лиц за введение несоразмерных и непропорциональных ограничений, выходящих за установленные пределы. Недопустимое пересечение границ дозволенного влечет конституционно-правовую ответственность. Как отмечал А. В. Крысанов, «Традиционно в литературе по общей теории права не подлежит выделению конституционно-правовая ответственность»²⁹⁹. Также А. А. Кондрашев писал: «В теории не выработано единого научного понимания опре-

²⁹⁷ Чуклова Е.В. Структура института процессуальной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 12. С. 32.

²⁹⁸ Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 44.

²⁹⁹ Крысанов А.В. Юридическая природа и значение конституционно-правовой ответственности в системе конституционно-правового регулирования // Проблемы права. 2012. № 6 (37). С. 44.

деления юридической ответственности, а кроме того, не существует и законодательной легализации понятия юридической ответственности в конституционном праве»³⁰⁰.

Несмотря на спорность понятия «конституционно-правовая ответственность» или «конституционная ответственность», на наличие дискуссии относительно её форм и иных аспектов, содержание данного феномена в научных работах примерно одно: ответственность власти в широком понимании (государственных органов, должностных лиц) за их действия (бездействие) в части как принятия законодательных и иных актов, так и в части их исполнения, ответственность за несоблюдение норм Конституции РФ³⁰¹. К примеру, В. А. Виноградов относит к субъектам конституционно-правовой ответственности физических лиц, однако в контексте института ограничений прав и свобод и нарушения пределов такая ответственность относится, прежде всего, к государственным органам и должностным лицам³⁰².

Конституционный Суд и отдельные его судьи упоминали о конституционно-правовой ответственности при рассмотрении следующих вопросов: досрочное прекращение полномочий депутата Государственной Думы в случае нарушения запрета (несоблюдения требований)³⁰³, досрочное прекращение полномочий законодательного (представительного) органа субъекта РФ³⁰⁴, а также освобождение и временное отстранение от должности³⁰⁵.

³⁰⁰ Кондрашев А.А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 188.

³⁰¹ См., например: Добрынин, Н.М. О сущности конституционно-правовой ответственности / Н. М. Добрынин // Государство и право. 2014. № 11. С. 5-17; Виноградов В.А. Конституционно-правовая ответственность : Системное исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 348 с.

³⁰² Виноградов В. А. Указ. соч. С. 20.

³⁰³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П по делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

³⁰⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн)

Выход за установленные пределы при введении ограничений является нарушением прав и свобод человека, а ответственность за такой выход, как отмечают специалисты, фактически не прописана: ответственность в форме роспуска Государственной Думы не имеет четкой связи с нарушением прав и свобод человека, а может быть лишь политическим действием³⁰⁶. Положения статьи 55 Конституции РФ, содержащие прямой запрет издания законов, умаляющих или отменяющих права, не содержат каких-либо примечаний относительно ответственности субъекта в случае издания такого закона.

Исходя из структуры властных органов в России, напрашивается вывод, что субъектом ответственности на федеральном уровне в случае издания закона, умаляющего права и свободы, будет законодательный орган (две палаты) и Президент РФ, так как он имеет право вето и уполномочен на подписание закона. Однако в случае издания федерального конституционного закона, в отношении которого у Президента РФ нет права вето, Президент РФ, видимо, не будет нести ответственность, так как у него нет возможности не подписывать закон, одобренный двумя палатами парламента. Следуя вышеобозначенной логике, субъектом ответственности при принятии Закона о поправке к Конституции РФ будут также законодательные органы субъектов РФ, депутаты которых голосуют за законопроект. В свою очередь, субъект законодательной инициативы (к примеру, группа депутатов) нести ответственность не будет, так как проект закона подлежал проверке в нижней палате парламента, которая должна была заблокировать принятие нормативного акта, нарушающего права и свободы человека.

Разрешение изложенных вопросов не дается ни в Конституции РФ, ни в федеральном законодательстве. Установить умаление и отмену прав и свобод (а,

Республики Саха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея // СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.

³⁰⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П по спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6364.

³⁰⁶ Мархгейм М.В., Полухин О.Н. Конституционная ответственность государства за нарушение прав и свобод человека // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8 (127). С. 182.

следовательно, выход за пределы допустимого) может только один орган – Конституционный Суд, но он, устанавливая такие нарушения со стороны законодательных органов, указывает на необходимость исправления ошибки, что с трудом можно называть мерой ответственности.

Однако в случае с законодательными органами субъектов РФ конституционно-правовая ответственность за нарушение пределов ограничения прав и свобод действительно предусмотрена. В соответствии с Федеральным законом «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»³⁰⁷ Президент РФ вправе вынести предупреждение, если законодательным органом субъекта принят закон, признанный противоречащим Конституции РФ, а законодательный орган субъекта не принял в пределах своих полномочий мер по исправлению ошибки. Если в течение трех месяцев после вынесения предупреждения, закон не будет изменен, то Президент РФ вправе своим указом распустить законодательный орган субъекта РФ.

Как уже было указано ранее, роспуск органа власти является мерой конституционно-правовой ответственности, а в данном примере ответственность наступает за неисправление ошибки по изданию закона, противоречащего Конституции РФ, то есть потенциально умаляющего и отменяющего права и свободы человека, либо связанного с выходом за пределы ограничений прав и свобод. Однако эта мера ответственности не является неминуемой, так как на Президента РФ не возлагается обязанность реагировать в форме вынесения предупреждения за бездействие законодательного органа субъекта.

К примеру, Конституционный Суд постановлением от 02.07.1997 № 10-П признал несоответствующим Закон Московской области «О сборе на компенсацию затрат бюджета Московской области по развитию инфраструктуры городов и других населенных пунктов области и обеспечению социально-бытовыми условиями граждан, прибывающих в Московскую область на постоянное жительство»³⁰⁸, так как его содержание ограничивало право на свободное передвижение: оспари-

³⁰⁷ // СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.

³⁰⁸ Вестник Московской областной Думы. 1996. № 9.

ваемыми положениями был введен разрешительный правовой режим регистрации граждан по месту жительства, хотя должен был быть предусмотрен уведомительный порядок³⁰⁹. В соответствии с постановлением Конституционного Суда оспариваемое положение утратило силу, следовательно, в его изменении не было необходимости. Однако сам закон еще продолжал действовать и утратил свою силу только с изданием Закона Московской области от 8 ноября 2000 года № 73/2000-ОЗ³¹⁰.

В ином случае Конституционный Суд постановлением от 25.10.2016 № 21-П³¹¹ признал положения Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края»³¹² не соответствующими Конституции РФ, так как они ограничивали право граждан на получение древесины, если только граждане не относились к принятым на учет в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Следовательно, иные группы граждан лишались своего права, что недопустимо. Через два месяца после вынесения постановления законодательный орган Алтайского края, следуя поручению Конституционного Суда о необходимости внесения изменений, издал закон (от 19 декабря 2016 года № 88-ЗС), в соответствии с которым оспариваемое положение утратило силу.

Однако в отличие от статьи о разрешительном порядке регистрации, в случае с получением древесины оспариваемое положение не могло быть просто удалено из текста, так как регулировало порядок подачи документов гражданину для заготовки (приобретения) древесины. Следовательно, в правовое регулирование должны были быть внесены изменения. И это произошло путем издания Закона Алтайского края от 6 июля 2018 года № 41-ЗС, то есть более чем через 8 месяцев после вынесения вердикта Конституционным Судом РФ.

Законодательному органу Алтайского края следовало лишь исключить упоминания групп лиц, которые имеют право на заготовку древесины, оставив лишь положения, регулирующие порядок подачи соответствующего заявления. Такое

³⁰⁹ СЗ РФ. 1997. № 27. Ст. 3304.

³¹⁰ Подмосковные известия. 2000. № 227.

³¹¹ СЗ РФ. 2016. № 45. Ст. 6324.

³¹² Сборник законодательства Алтайского края. 2007. № 137.

исключение заняло достаточно продолжительное время, а Конституционный Суд не установил срок, в который законодательному органу Алтайского края следовало устранить нарушение. Представляется, что в данном случае необходимо было пользоваться шестимесячным сроком, по истечении которого Президент РФ вправе вынести предупреждение законодательному органу. Формально изменения в действующее правовое регулирование были внесены через два месяца после решения Конституционного Суда РФ, однако фактически надлежащий режим правового регулирования был восстановлен только через восемь месяцев.

Таким образом, федеральное законодательство предусматривает конституционно-правовую ответственность законодательного органа субъекта РФ в случае принятия им закона, выходящего за пределы допустимых ограничений прав и свобод. Однако у применения данной ответственности существуют две основные проблемы: во-первых, Президент РФ лишь вправе выносить предупреждение законодательному органу, но не обязан это делать, что делает данную ответственность скорее политическим инструментом, чем конституционно-правовым. Во-вторых, законодательный орган субъекта РФ может проигнорировать шестимесячный срок на внесение изменений в действующее регулирование, если примет закон, влекущий утрату силы спорного положения, тем самым формально внося изменения в действующее регулирование, однако по существу не изменив его и не исправив ситуацию в соответствии с позицией Конституционного Суда.

Вышеобозначенная ответственность является коллективной, то есть применяется к законодательному органу субъекта РФ как к совокупности лиц, имеющих определенный статус. На муниципальном уровне также существует вид ответственности, связанный с отзывом депутата его избирателями: основаниями для отзыва депутата могут служить только его конкретные противоправные решения или действия (бездействие) в случае их подтверждения в судебном порядке³¹³. Данная ответственность является индивидуальной, так как отзыв осуществляется в отношении отдельного депутата.

³¹³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

В настоящий момент нет тенденции к применению такой ответственности. Например, уставы муниципальных образований Московской области имеют идентичные основания для отзыва депутатов: нарушение законодательства, конкретные противоправные действия (бездействие) и неоднократный пропуск заседаний без уважительных причин³¹⁴. Последнее основание сходно с дисциплинарной ответственностью, а первые два слишком размыты, чтобы инициировать отзыв отдельного депутата в связи с голосованием за акт, нарушающий права и свободы человека. Кроме того, принятие любого решения может осуществляться только коллегиально большинством голосов, поэтому справедливым в таком случае будет отзыв всех депутатов, которые голосовали за антиконституционное регулирование.

Следующим видом ответственности, которая может быть предусмотрена за нарушение пределов ограничения прав и свобод, выступает дисциплинарная ответственность, то есть карательная мера государственного принуждения за различные дисциплинарные правонарушения (нарушение трудовой, служебной, учебной и других видов дисциплины)³¹⁵. Дисциплинарная ответственность в отличие от уголовной, административной или гражданской является фактически внутриорганизационной ответственностью, так как применяется в порядке подчиненности, то есть вышестоящим лицом по отношению к нижестоящему. В свою очередь, меры ответственности иных видов по общему правилу применяются судами. Примерами дисциплинарной ответственности служат: неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим возложенных на него обязанностей³¹⁶ или аналогичное нарушение со стороны муниципального служащего

³¹⁴ См. например: Устав поселения Кленовское (утв. решением Совета депутатов сельского поселения Кленовское Подольского муниципального района МО от 19.04.2006 № 3/7) // Земля Подольская. 2009 № 31., Устав поселения «Мосрентген» в городе Москве (принят решением Совета депутатов сельского поселения «Мосрентген» Ленинского муниципального района МО от 04.02.2006 № 2/2), Устав поселения Первомайское в городе Москве (утв. решением Совета депутатов сельского поселения Первомайское Наро-Фоминского муниципального района МО от 15.03.2012 № 34/4) // Основа. 2012 (спецвыпуск).

³¹⁵ Николаев А.Г. Дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2. С. 88.

³¹⁶ Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

го³¹⁷, нарушение служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел³¹⁸, ненадлежащее исполнение обязанностей сотрудником Следственного комитета Российской Федерации³¹⁹ или органов прокуратуры Российской Федерации³²⁰.

Сущность дисциплинарной ответственности с трудом позволяет говорить о её применении за нарушение пределов ограничения прав и свобод, так как значительная часть виновных деяний по отношению, например, к депутатам связана с регламентами поведения и формальным соблюдением обязанностей. Р. С. Маркунин отметил: «В Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ нет главы, специально посвященной дисциплинарной ответственности депутата»³²¹. Как уже было сказано ранее, существование ответственности отдельного депутата за нарушение пределов ограничений является спорным: во-первых, если депутат выступает инициатором принятия закона, то проект в любом случае проходит проверку и голосование на нескольких стадиях, а, во-вторых, в случае, если депутат проголосовал за принятие закона, нарушающего права и свободы человека, то одного голоса отдельного депутата недостаточно для принятия закона, а, следовательно, ответственность должна быть коллективной, что противоречит сути дисциплинарных взысканий.

Однако дисциплинарная ответственность за нарушение прав и свобод человека возможна, если субъектом ответственности выступает сотрудник органов внутренних дел. Например, Уголовно-процессуальным кодексом РФ установлено, что срок предварительного следствия по общему правилу не может превышать два месяца. Превышение данного срока нарушит права и свободы как потерпевшего (восстановление справедливости путем привлечения виновного к ответ-

³¹⁷ Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

³¹⁸ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. № 49. 2011. Ст. 7020

³¹⁹ Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

³²⁰ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

³²¹ Маркунин Р.С. Дисциплинарная ответственность депутатов Государственной Думы: исторический и современный аспекты // Общество и право. 2017. № 2. С. 233.

ственности), так и подозреваемого (ограничения, связанные со статусом подозреваемого).

Нарушение срока предварительного следствия выступает основанием для привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности. Например, В. Н. Винокуров приводил ситуацию, в которой сотрудник следственного органа сфальсифицировала протокол ее допроса, чтобы избежать дисциплинарной ответственности за нарушение сроков предварительного следствия³²². А. П. Войтович, комментируя тенденции применения дисциплинарных мер, выделял закономерность, связанную с ростом числа должностных лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности³²³.

Ответственность государственных органов, депутатов, гражданских и муниципальных служащих чаще всего предусмотрена на региональном или муниципальном уровне. Депутаты Государственной Думы РФ или члены Совета Федерации РФ не подлежат конституционно-правовой ответственности за нарушение пределов ограничения прав и свобод. Как отмечал В. В. Гребенюк: «Даже в том случае, когда представитель народа - депутат Госдумы ФС РФ - не исполняет свои полномочия либо исполняет их ненадлежащим образом, граждане не имеют права инициировать вопрос об отзыве такого депутата»³²⁴.

Коллективная ответственность законодательного органа за нарушение пределов ограничения прав на федеральном уровне также не предусмотрена Конституцией РФ и законодательством. На региональном уровне такая ответственность возможна, однако она не является неминуемой, так как её суть состоит в вынесении Президентом РФ предупреждения в адрес законодательного органа субъекта РФ, но вынесение предупреждения является не обязанностью главы государства, а лишь правом. Кроме того, конкретные примеры подтверждают, что законода-

³²² Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 81.

³²³ Войтович А.П. Современные проблемы соблюдения органами следствия и дознания уголовно-процессуального законодательства, выявленные в ходе прокурорского надзора // Мировой судья. 2020. № 2. С. 10.

³²⁴ Гребенюк В. В. Отзыв депутата государственной Думы как элемент системы народного представительства: проблемы и перспективы конституционно-правового регулирования в России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 1. С. 47.

тельный орган субъекта РФ может не получить предупреждение, если формально изменит правовое регулирование – путем отмены закона или его отдельной нормы вместо внесения действительно требующихся изменений.

По итогу, общая характеристика ответственности должностных лиц, государственных органов за нарушение пределов ограничения прав и свобод состоит в следующем: на федеральном уровне никто не несет ответственность (ни коллективную, ни индивидуальную), начиная от отдельных депутатов Государственной Думы РФ и заканчивая Президентом РФ. Помимо отсутствия реальной конституционно-правовой ответственности, дисциплинарная ответственность (например, на депутатов Государственной Думы) не налагается за нарушение пределов ограничения прав и свобод, а предусмотрена за процедурные нарушения (поведение на заседаниях и т. п.).

На региональном уровне предусмотрена как коллективная (ропуск законодательного органа субъекта РФ), так и индивидуальная ответственность (отзыв депутата на муниципальном уровне). Ни один из данных вариантов ответственности не имеет тенденции к активному применению в настоящий момент.

Также законодательство предусматривает дисциплинарную ответственность, которая разнится от конкретных субъектов. Для депутатов на федеральном и региональном уровне дисциплинарная ответственность не имеет ничего общего с последствиями принятия неверных, неконституционных решений, так как регулирует, прежде всего, их поведение на заседаниях законодательного органа. На уровне исполнителей в правоохранительных органах (полиция, Следственный комитет РФ) дисциплинарная ответственность предусмотрена для более обширного количества незаконных действий (бездействия), поэтому активно применяется в случае выхода за пределы ограничения прав и свобод.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, разграничение понятий, изложенных в статье 55 Конституции РФ (ограничение, отмена и умаление), следует проводить по функциональному характеру. Феномены ограничения и отмены прав сходны, потому что оба выступают регулятивным действием по отношению к содержанию права (изменяют его объем, качественные и количественные характеристики), однако отмена неправомерна, потому что изменяет объем права непропорционально и несоразмерно. Умаление права также недопустимо, однако суть его состоит в выхолащивании ценностного содержания, то есть умаление является не регулятивным действием, а снижает аксиологическую характеристику права.

Более того, для феномена, описываемого в Конституции РФ словом «отмена», более подходящим является слово «лишение», так как право не отменяется и формально продолжает действовать, однако субъекты лишаются возможности использовать его на практике.

Во-вторых, пределы ограничения прав и свобод лежат в общих правовых и моральных ориентирах, а также существенных характеристиках права (ядро права), которые не могут быть безвозвратно утеряны, иначе право потеряет свою стабильность и содержательность. Проблемой выступает определение ядра прав и свобод, так как сущностные характеристики все равно могут быть ограничены в определенной степени, поэтому ядро права может претерпевать изменения. Разрешением проблемы определения ядра права и, следовательно, выявлением сущностных характеристик права, может быть издание Конституционным Судом РФ постановлений с выявлением ядра каждого субъективного права

В-третьих, формальным основанием ограничения выступает нормативный источник, предусматривающий возможность ограничить право. К перечню формальных оснований не относится Конституция РФ, так как права ограничиваются

именно федеральным законодательством, а не непосредственно Конституцией РФ, которая допускает лишь общую возможность ограничения.

С другой стороны, в 2020 г. некоторые положения федеральных законов, устанавливающие ограничения прав и свобод, были продублированы в тексте Конституции РФ (требования к кандидатам на должность Президента РФ, сенаторам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, судьям). Если считать, что после вступления в силу поправки 2020 г. к Конституции РФ упомянутые положения по смыслу последней являются ограничениями прав и свобод, то неизбежен вывод, что сама Конституция РФ также является формальным основанием таких ограничений.

Данный парадокс может быть преодолен за счет включения в схему закона о поправке к Конституции РФ, если отказаться от распространенного представления о нем как о части самой Конституции. Такой отказ видится оправданным в свете новой практики проверки конституционности положений закона данного вида Конституционным Судом РФ 2020 г. Сама по себе постановка вопроса о соответствии Конституции РФ положений Закона РФ о поправке к ней позволяет считать его нормативное содержание обособленным по отношению к содержанию Конституции РФ. В таком случае оказывается, что закон РФ о поправке к Конституции РФ может выступить в качестве формального основания ограничения прав и свобод, в то время как сама Конституция РФ останется за пределами круга документов, которым придается такая функция.

В-четвертых, несмотря на содержание статьи 55 Конституции РФ, указывающее на единственное формальное основание ограничения (федеральный закон), права и свободы могут быть ограничены и по иным основаниям. К формальным основаниям ограничения прав и свобод относятся: 1) федеральный закон в широком понимании (федеральный закон, федеральный конституционный закон, закон о поправке к Конституции); 2) указ Президента РФ (временное ограничение) в специальных случаях (чрезвычайное положение или объективная, неотложная необходимость регулирования отношений для заполнения пробелов законодательства); 3) закон субъекта РФ и акты высшего должностного лица субъекта РФ

при наличии полномочий на регулирование конкретных правоотношений, непротиворечивости федеральному законодательству и соблюдении общих принципов ограничений права; 4) акты делегированного законодательства (постановления Правительства) при соблюдении принципа непротиворечивости федеральному законодательству; 5) международный договор (только в отношении иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц); 6) Постановления Конституционного Суда РФ и постановления (обзоры) Верховного Суда РФ при наличии в них интерпретации и конкретизации норм, выходящих за содержание законодательства; 7) решения (определения, постановления) арбитражных судов и судов общей юрисдикции в совокупности, которая составляет сложившуюся судебную практику, расширяющую буквальное толкование законодательства.

Проблема наличия расширенного списка формальных оснований ограничений может быть разрешена путем принятия новой Конституции в порядке статьи 135 Конституции РФ или подготовки Конституционным Судом РФ заключения о толковании Конституции РФ для устранения неопределенности.

В-шестых, вопреки положениям статьи 55 Конституции РФ, ограничивать права и свободы также способны органы исполнительной власти на региональном уровне. Возможность региональной власти ограничивать права и свободы происходит из распределения предметов ведения между Федерацией и ее субъектами. Во-первых, субъектам РФ для самостоятельного регулирования отданы те сферы, которые прямо не закреплены в предметах ведения Российской Федерации. Во-вторых, совместный предмет ведения Федерации и ее субъектов в части «защиты прав и свобод» может быть истолкован в качестве возможности ограничивать права и свободы. Оправдание срочностью ограничительных мер в период пандемии Covid-19 со стороны органов исполнительной властью несостоятельно, потому что органы законодательной власти могут действовать также быстро, как и органы исполнительной власти. Единственной положительной чертой введения ограничения со стороны исполнительной власти выступает наличие актуальных данных, на основании которых региональная власть может применять ограничительные меры точно и индивидуально, что повысит их эффективность. Подмена

законодательной власти исполнительными органами не должна приводить к снижению качества вводимых ограничений, так как к ним также относятся стандартные требования о соразмерности и пропорциональности.

Рассмотренные проблемы института ограничения прав и свобод в настоящий момент остаются неразрешенными. Это касается как теоретических проблем по интерпретации понятий «ограничение», «отмена» и «умаление», так и практической реализации института в части подмены законодательной власти исполнительной и отсутствия реальной ответственности должностных лиц, депутатов, органов власти, принимающих решения об ограничении прав и свобод. Выводы, приведенные в исследовании, должны способствовать усовершенствованию проблемных вопросов, связанных с ограничением прав и свобод.

Библиография

Нормативные документы Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с изм. от 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. сайт URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210060013> (дата обращения 30.09.2023).
2. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Российская газета. 2004. № 137-д.
3. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» Российская газета. 2002. № 21.
4. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» Российская газета. 2002. № 6.
5. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» Российская газета. 1995. № 160.
6. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
7. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
8. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. № 49. 2011. Ст.7020
9. Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 15.
10. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.
11. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2028.

12. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

13. Федеральный закон от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» СЗ РФ. № 10. 1998. Ст. 1146.

14. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.

15. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СЗ РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 19.

16. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53. Ст. 7598.

17. Федеральный закон от 10.01.2003 N 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

18. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. № 28.

19. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

20. Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // Российская газета. 1995. № 72.

21. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

22. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

23. Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

24. Федеральный закон от 29.06.2013 № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона "О защите детей от информации, причиняющей

вред их здоровью и развитию" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. 2013. № 141.

25. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

26. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

27. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

28. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Российская газета. 1992. № 32.

29. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. № 165.

30. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Российская газета. 2006. № 162.

31. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // СЗ РФ. № 20. Ст. 1972.

32. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

33. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.

34. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

35. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

36. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

37. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // Российская газета. 2005. № 1.

38. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. № 238-239.

39. Закон о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

40. Указ Президента РФ от 30 апреля 1996 г. № 614 «О дополнительных мерах по реализации Федерального закона «О ветеранах» // СЗ РФ. 1996. № 19. Ст. 2255.

41. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 14. Ст. 2082.

42. Распоряжение Президента РФ от 05.02.1993 № 85-рп «О мерах по упорядочению подготовки актов Президента Российской Федерации» (вместе с «Порядком подготовки и внесения проектов указов и распоряжений Президента Российской Федерации») // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1993. № 7. Ст. 598.

43. Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 1998. № 37.

44. Постановление ВС РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

45. Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной си-

стемы» // Официальный интернет-портал правовой информации. сайт URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002> (дата обращения 30.09.2023).

46. Закон Московской области от 05.07.1996 № 39/96-ОЗ «О сборе на компенсацию затрат бюджета Московской области по развитию инфраструктуры городов и других населенных пунктов области и обеспечению социально-бытовыми условиями граждан, прибывающих в Московскую область на постоянное жительство» // Вестник Московской областной Думы. 1996. № 9.

47. Закон Московской области от 8 ноября 2000 года № 73/2000-ОЗ «О признании утратившим силу Закона Московской области «О сборе на компенсацию затрат бюджета Московской области по развитию инфраструктуры городов и других населенных пунктов области и обеспечению социально-бытовыми условиями граждан, прибывающих в Московскую область на постоянное жительство» с последующими изменениями и дополнениями // Подмосковные известия. 2000. № 227.

48. Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» // Сборник законодательства Алтайского края. 2007. № 137.

49. Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (вместе с «Перечнем непродовольственных товаров первой необходимости», «Перечнем видов деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей», «Перечнем заболеваний, требующих соблюдения режима самоизоляции», «Требованиями к организации деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, при осуществлении которой не принято (отменено) решение о приостановлении посещения гражданами территорий, зданий, строений, сооружений (помещений в них), где осуществляется деятельность таких организаций и индивидуальных предпринимателей», «Стандартом обслуживания заявителей в многофункциональных центрах предоставления государственных услуг на территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности», «Порядком проведения эксперимента по обеспечению воз-

возможности покидания гражданами мест проживания (пребывания) в целях прогулки и занятия физической культурой и спортом») // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14.

50. Постановление Губернатора Московской области от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) на территории Московской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. сайт URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5000202005190001> (дата обращения 30.09.2023).

51. Устав поселения Кленовское (утв. решением Совета депутатов сельского поселения Кленовское Подольского муниципального района МО от 19.04.2006 № 3/7) // Земля Подольская. 2009. № 31.

52. Устав поселения «Мосрентген» в городе Москве (принят решением Совета депутатов сельского поселения «Мосрентген» Ленинского муниципального района МО от 04.02.2006 № 2/2) // СПС «КонсультантПлюс», URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MLAW&n=137811#07vtRrT4sEmUOZ9l> (дата обращения 17.09.2023).

53. Устав поселения Первомайское в городе Москве (утв. решением Совета депутатов сельского поселения Первомайское Наро-Фоминского муниципального района МО от 15.03.2012 № 34/4) // 2012. Основа (спецвыпуск).

54. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2009 № 187-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Маркина Константина Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 13 и 15 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», статей 10 и 11 Федерального закона «О статусе военнослужащих», статьи 32 Положения о порядке прохождения военной службы и пунктов 35 и 44 Положения о назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87365/ (дата обращения 17.09.2023).

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2012 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и статьи 24 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина А.Н. Ильченко» // СЗ РФ. 2012. № 28. Ст. 3977.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 39-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.И. Пикулина» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5253.

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2011 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина» // СЗ РФ. 2011. № 51. Ст. 7552.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2016 № 21-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8 Закона Алтайского края «О регулировании отдельных лесных отношений на территории Алтайского края» в связи с жалобой гражданки Г.А. Пенкиной» // СЗ РФ. 2016. № 45. Ст. 6324.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.06.2007 № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 4.

60. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Во-

ронеза, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.02.2013 № 4-П по делу о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» // СЗ РФ. 2013. № 8. Ст. 868.

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.11.2020 № 45-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 5.26 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пункта 8 статьи 8 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобой религиозной организации Церковь христиан веры евангельской (пятидесятников) «Слово жизни» Долгопрудный» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7378.

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2000 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited» // Российская газета. 2000. № 98.

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // СЗ РФ. 2004. № 19. Ст. 1923.

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2000 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 13 статьи 39 Закона Российской Федерации «Об образовании», статьи 1 Федерального закона «О сохранении статуса государственных и муниципальных образовательных учреждений и моратории на их приватизацию» и пункта 7 статьи 27 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с запросом

Майнского районного суда Ульяновской области, а также жалобами граждан Е.Е. Насоновой и Н.П. Ярушиной» // СЗ РФ. 2000. № 44. Ст. 4399

66. Особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // 2006. № 3. Ст. 336.

67. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Т.Г. Морщаковой по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об оперативно - розыскной деятельности» по жалобе гражданки И.Г. Черновой // 2006. № 3. Ст. 336

68. Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рэскоалэ Сергея Андреевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 82, частью второй статьи 94, частью первой статьи 109, частями первой и второй статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, а также пунктом 1 и подпунктом 4 пункта 7 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692727#8ueTLrTqjZCeDaF> (дата обращения: 30.09.2023).

69. Определение Конституционного Суда РФ от 05.11.2002 № 320-О «По жалобе гражданина Спесивцева Юрия Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта «а» части первой статьи 12 и статьи 133.1 Закона Российской Федерации «О государственных пенсиях в Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 2.

70. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 № 8-П «По делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года «О государственной тайне» в связи с жалобами граждан В.М. Гурджиянца, В.Н. Синцова, В.Н. Бугрова и А.К. Никитина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

71. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.03.2022 № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 2 Федерального закона от 20 июля 2020 года № 228-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобой гражданина А.В. Окулова» // Российская газета. 2022. № 58.

72. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.01.2004 № 2-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» в связи с запросами групп депутатов Государственной Думы, а также Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), Думы Чукотского автономного округа и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2004. № 6. Ст. 450.

73. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР «О Государственной налоговой службе РСФСР» и Законов Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» и «О федеральных органах налоговой полиции» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1999. № 5.

74. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2021 № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона "О газоснабжении в Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова» // Российская газета. 2021. № 269.

75. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2021 № 18-П «По делу о проверке конституционности части третьей статьи 131 и статьи 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 30 Положения о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполне-

нием требований Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Э.Р. Юровских» // СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

76. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.02.1998 № 6-П по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 31 Закона СССР от 24 июня 1981 года «О правовом положении иностранных граждан в СССР» в связи с жалобой Яхья Дашти Гафура // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 3.

77. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 3.

78. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220-1 и 220-2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // СЗ РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

79. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // СЗ РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

80. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.05.2014 № 14-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Н. Якимова // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 5.

81. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О

прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 3.

82. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

83. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1997 № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 1 Федерального закона от 24 ноября 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 6.

84. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.10.2012 № 23-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1, 2 и 4 части второй статьи 19 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданки Т.С. Чаплыгиной» // Российская газета. 2012. № 254.

85. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.07.1995 № 10-П «По делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», Указа Президента Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», Постановления Правительства Российской Федерации от 9 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности, прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооружен-

ных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа», Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1993 г. № 1833 «Об Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 5.

86. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

87. Постановление ЕСПЧ от 10.09.2019 «Прянишников (Pryanishnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 25047/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2021. № 1.

88. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 6.

89. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.06.2018 № 25-П «По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 2 Перечня заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить (удочерить) ребенка, принять его под опеку (попечительство), взять в приемную или патронатную семью, в связи с жалобой гражданина К.С. и гражданки Р.С.» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 5.

90. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2021 № 10-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.А. Вострикова» // Российская газета. 20.04.2021. № 84.

91. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.1996 № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно - процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.В. Щелухина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 4.

92. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

93. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 6.

94. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // Вестник Конституционного Суда РФ 2002. № 1.

95. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2004 № 18-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 9 Федерального закона «О политических партиях» в связи с запросом Коптевского районного суда города Москвы, жалобами общероссийской общественной политической организации «Православная партия России» и граждан И.В. Артемова и Д.А. Савина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 1.

96. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.07.2010 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголов-

ного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В.В. Баталова, Л.Н. Валугеовой, З.Я. Ганиевой, О.А. Красной и И.В. Эпова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

97. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» // Российская газета. 2021. № 119.

98. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4.

99. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2010 № 8-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части второй статьи 30 и части второй статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Р.Р. Зайнагутдинова, Р.В. Кудаева, Ф.Р. Файзулина, А.Д. Хасанова, А.И. Шаваева и запросом Свердловского областного суда» // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276.

100. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // СЗ РФ. 2012. № 21. Ст. 2697.

101. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.04.2019 № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи

299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» // СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2189.

102. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2018 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» // СЗ РФ. 2018. № 4. Ст. 685.

103. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.07.2020 № 33-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Р.А. Алиева» // СЗ РФ. 2020. № 29. Ст. 4734.

104. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.03.2008 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 21 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Товарищество застройщиков», открытого акционерного общества «Нижекамскнефтехим» и открытого акционерного общества «ТНК-ВР Холдинг» // СЗ РФ. 2008. № 13. Ст. 1352.

105. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.

106. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2021 № 49-П «По делу о проверке конституционности статьи 42 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 34 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина Н.Е. Акимова» // СЗ РФ. 2021. № 48. Ст. 8141.

107. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Консти-

туцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5.

108. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2017 № 1421-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шаловой Надежды Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 13 части четвертой статьи 47, статьей 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=506494#hdBH LrTy6pJ353eg1> (дата обращения: 30.09.2023).

109. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 568-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Побединской Александры Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 8 Федерального закона "Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=496835#jqMH LrT0QzXBUUMx> (дата обращения: 30.09.2023).

110. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.04.1998 № 12-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» // Российская газета. 1998. № 86.

111. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2020 № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 3.4 Закона Самарской области «О порядке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия и обеспечении отдельных условий реализации прав граждан на проведение публичных меропри-

ятий в Самарской области» в связи с жалобой граждан Н.П. Барановой, А.Г. Круглова и Д.И. Сталина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 4.

112. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 2.

113. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2005 № 6-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" в связи с запросами Государственного Собрания - Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

114. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 1971-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Андрианова Владимира Алексеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации «Об отношении среднемесячного заработка пенсионера к среднемесячной заработной плате в стране, применяемом при определении индивидуального коэффициента пенсионера» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=686468#uc6ILrTh2GJzpUv4> (дата обращения: 30.09.2023).

115. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.04.1996 № 11-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 3 октября 1994 г. № 1969 «О мерах по укреплению единой системы исполнительной власти в Российской Федерации» и пункта 2.3 Положения о главе администрации края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа Российской Федерации, утвержденного названным Указом» // Российская газета. 1996. № 90.

116. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 № 7-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса тор-

гового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года № 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга» // Российская газета. 2004. № 77.

117. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Российская газета. 2021. № 6.

118. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.1999 № 12-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона от 15 апреля 1998 года «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // Российская газета. 1999. № 155.

119. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации - Протокола о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 5.

120. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-

2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 289.

121. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // СЗ РФ. 2021. № 1. Ст. 289.

122. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. ст. 1909.

123. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.1998 № 145-О «По запросу Законодательного Собрания Нижегородской области о проверке конституционности части первой статьи 6 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 1998. № 49. Ст. 6102.

124. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 78.

125. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.2002 № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с запросами Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Са-

ха (Якутия) и Совета Республики Государственного Совета - Хасэ Республики Адыгея» // СЗ РФ. 2002. № 15. Ст. 1497.

126. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.1999 № 17-П «По спору о компетенции между Советом Федерации и Президентом Российской Федерации относительно принадлежности полномочия по изданию акта о временном отстранении Генерального прокурора Российской Федерации от должности в связи с возбуждением в отношении него уголовного дела» // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6364.

127. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 3 февраля 1996 года «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О.Ю. Веселяшкиной, А.Ю. Веселяшкина и Н.П. Лазаренко» // Российская газета. 1999. № 40.

128. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.11.2018 № 39-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 1, частей первой, третьей и четвертой статьи 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Лушникова, А.С. Пушкарева и И.С. Пушкарева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 1.

129. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 № 49-П по делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области // Российская газета. 2021. № 6.

130. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.04.1996 № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Во-

ронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы» // СЗ РФ. 1996. № 16. Ст. 1909.

131. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

132. Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2022 № 309-ЭС22-23006 по делу № А50-9453/2021 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

133. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 305-ЭС20-14492(2) по делу № А40-192270/2018 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

134. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 26.07.2021 № 305-ЭС21-4424 по делу № А40-301015/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

135. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2022 № 305-ЭС21-14470(1,2) по делу № А40-101073/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

136. Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2022 № 307-ЭС21-6975(9) по делу № А56-432/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

137. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.01.2022 № Ф09-8327/21 по делу № А60-15753/2021 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

138. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27.04.2021 № Ф09-3288/20 по делу № А76-6269/2018 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

139. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16.03.2022 № Ф07-20393/2021 по делу № А56-432/2019 // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

140. Решение Московского городского суда от 07.09.2021 по делу № За-2077/2021 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании недействующим пп. 23.1, 23.2, 23.3 указа Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ "Об этапах снятия ограничений, установленных в связи с введением режима повышенной готовности" (ред. 25.06.2021)» // СПС КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 30.09.2023).

Международные документы

141. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

142. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Заключена в г. Риме 04.11.1950 // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

143. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 1994.

144. Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3835.

145. Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах Документ ООН E/CN.4/1985/4. Приложение (1985) // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1992. № 4. С. 59 - 69.

146. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 «Дело «Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации» (жалоба № 30078/06) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

147. Постановление ЕСПЧ от 06.09.1978 Класс (Klass) и другие против Федеративной Республики Германии (жалоба № 5029/71) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 1. М.: Норма, 2000. С. 168 - 186.

148. Постановление ЕСПЧ от 28.08.2018 «Ибрагим Ибрагимов и другие (Ibragim Ibragimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 1413/08 и 28621/11) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2020. № 11.

149. Постановление ЕСПЧ от 24.03.1988 «Ольссоны (Olsson) против Швеции (№ 1)» (жалоба № 10465/83) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 11.

150. The European Court of Human Rights. Judgment of 9 February 2016. Khachukayevy v. Russia, Applications no. 34576/08 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-160420> (дата обращения: 07.05.2021).

Монографии, учебные и справочные издания

151. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.

152. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) = Robert Alexy. Begriff und Geltung des Rechts / пер. с нем. А.Н. Лаптева, Ф. Кальшойера; науч. ред. Т.Ф. Яковлева. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 192 с.

153. Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник. М.: Статут, 2011. 360 с.

154. Большой академический словарь русского языка. Т. 19. М., СПб., 2011. 706 с.

155. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

156. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. 295 с.

157. Гроций Г. О праве войны и мира: Репринт. с изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

158. Давид Р. Основные правовые системы современности /Пер. с фр. и вступ. ст. В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1988. 496 с.

159. Должиков А.В. Применение принципа соразмерности ограничения основных прав Европейским судом по правам человека при рассмотрении «российских дел» // Практика Европейского суда по правам человека и российская правовая система / под. ред. Д. В. Красикова. Саратов: ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 2006. 140 с.
160. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы, М.: Русская книга. 1994. 624 с.
161. Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. 542 с.
162. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2007. 784 с.
163. Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд : монография / под ред. А. А. Ливеровского, А. И. Овчинникова. М.: Проспект, 2021. 152 с.
164. Конституция и права человека: современная доктрина и практика: Монография / Под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН, 2021. — 400.
165. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве / В.А. Кряжков. М.: Норма, 2010. – 560 с.
166. Кострицына Н.А. Ограничение гарантий неприкосновенности личности в английском праве (Habeas corpus Act 1679 года и чрезвычайное законодательство в Англии). М.: Госюриздат, 1957. 179 с.
167. Крусс В.И. Теория конституционного правопользования : монография. М.: Норма, 2007. 752 с.
168. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.
169. Личность - общество - государство: конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России [Текст] : материалы межрегионального научно-практического семинара (Барнаул, 9 декабря 2010 г.) / под ред. В.В. Невинского. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 250 с.

170. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 250 с.

171. Мифтахутдинов Р.Т. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве : Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 / Р. Т. Мифтахутдинов, А. И. Шайдуллин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 9. 136 с.

172. Нарский И.С. Западно-европейская философия XVIII века. Учебное пособие. М.: Издательство «Высшая школа», 1973. 302 с.

173. Нарутто С.В. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации : научно-практическое пособие. М.: НОРМА : ИНФРА-М, 2011. 256 с.

174. Нерсесянц В.С. Философия права : учеб. для вузов. М.: Норма, 2005. 656 с.

175. Словарь современного русского литературного языка. Т. 17. М.: Наука, 1965. 2126 с.

176. Словарь современного русского литературного языка. Т. 8. М.: Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние: «Наука», 1959. 1996 с.

177. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. 1164 с.

178. Толковый словарь современного русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Аделант, 2013. 800 с.

179. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. 650 с.

180. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.

181. Човган О.В. Ограничения прав заключенных: правовая природа и обоснование: монография / Пер. с укр. Харьков: Права людини, 2017. 648 с.
182. Штраус Л. Естественное право и история. М.: Водолей Publisher, 2007. 312 с.
183. Freed L. Social pragmatism. A study in the pragmatic approach to problems of conduct.: Watts And Company, 1948. P. 264.
184. Rawls J., A theory of justice. The Belknap press of Harvard University press Cambridge, Massachusetts, 1999. P. 521.

Научные статьи

185. Авакьян С.А. Статус человека и гражданина: необходимы конституционные уточнения // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 8. С. 19-22.
186. Авакьян С.А. Проблемы обеспечения конституционных публично-политических прав и свобод граждан Российской Федерации: новые реальности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 3-34.
187. Агеев В.Н. К вопросу об основаниях, целях и пределах конституционного ограничения основных прав и свобод человека и гражданина // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 3 (7). С. 90-94.
188. Андреева О.И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 46-49.
189. Антонов М.М. Об основных элементах чистого учения Г. Кельзена о праве и государстве // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 4. С. 169-195.
190. Баранова М.В. Прогностическая функция опережающего правотворчества // Философия права. 2016. № 5 (78). С. 67-71.
191. Белобрагина Н.А. 1. 5. Ограничение конституционного права на жизнь // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 3. С. 24-27.

192. Брежнев О.В. Проблема «антиковидных» правоограничений в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 32–39.

193. Болдырев Н.А. Ограничение прав и свобод: сущность и подходы к пониманию // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 22-24.

194. Болдырев Н.А. Соотношение конституционных понятий «ограничение», «умаление» и «отмена» прав и свобод человека // Право и государство: теория и практика. 2023. № 6. С. 453-455.

195. Болдырев Н.А. Судебная практика как формальное основание ограничений прав и свобод человека // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 9. С. 38-46.

196. Болдырев Н.А. Пределы ограничения права собственности и иных конституционных прав // Аграрное и земельное право. 2023. № 5. С. 28-30.

197. Болдырев Н.А. Распределение компетенции по установлению ограничения прав и свобод // Евразийский юридический журнал. 2023. № 6. С. 133-134.

198. Бондарь Н.С., Баринов Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 3-12.

199. Бумагин А.Н. Конституционно-правовые основания ограничения публичности судопроизводства по моральным основаниям // Среднерусский вестник общественных наук. № 2. 2015. С. 119-124.

200. Бурдина Е.В. Цифровой доступ к суду в Российской Федерации: проблемы правового регулирования // Российский судья. 2022. № 10. С. 49 - 53.

201. Варламова Н.В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 6. С. 17 - 30.

202. Василенко О.Ю. Понятие и цели ограничения прав и свобод граждан в Российской Федерации // Научные проблемы водного транспорта. 2002. № 2. С. 88-92.

203. Винокуров В.Н. Малозначительность деяния в уголовном праве: признаки и формы // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 74 - 83.

204. Войтович А.П. Современные проблемы соблюдения органами следствия и дознания уголовно-процессуального законодательства, выявленные в ходе прокурорского надзора // Мировой судья. 2020. № 2. С. 8 - 13.

205. Волкова Т.В. Судебная защита прав участников земельных отношений в системе управления земельными ресурсами // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. С. 74 – 86.

206. Гойман В.И. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву // Государство и право. 1998. № 7. С. 20-43.

207. Голубцов В.Г. Судебное решение как юридический факт в гражданском праве: доктринальный дискурс и проблема легальных формулировок // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 52. С. 240-262.

208. Гребенюк В.В. Отзыв депутата государственной Думы как элемент системы народного представительства: проблемы и перспективы конституционно-правового регулирования в России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 1. С. 45-57.

209. Грызунова Е.А. Модели кризисных коммуникаций и управления информацией в работе органов государственной власти // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 6. С. 225-229.

210. Грязин И.Н. Право есть миф // Известия высших учебных заведений: Правоведение. 2011. № 5. С. 72-95.

211. Добрынин Н.М. О сущности конституционно-правовой ответственности / Н. М. Добрынин // Государство и право. 2014. № 11. С. 5-17.

212. Должиков А.В. «Рукописи не горят»: Неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1. С. 120-137.

213. Должиков А.В. Ограничение основных прав законами субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 2. С. 14-16.

214. Должиков А.В. Ограничение конституционных прав и родственные юридические категории // Личность - общество - государство: конституционная доктрина и практика взаимодействия в современной России: Сб. материалов межрегионального научно-практического семинара (Барнаул, 9 декабря 2010 г.) / Ред. кол. И.Л. Акимова, А.В. Должиков, В.В. Невинский (отв. ред.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 2011. С. 74 - 101.

215. Дорошенко Е.Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 48 - 56.

216. Жаде З.А. Власть и общество перед вызовом пандемии COVID-19. //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 2021. № 2. С. 32-37.

217. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20-29.

218. Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4. С. 7-20.

219. Зыков С.В. Родительские права на определение места жительства ребенка и порядка общения с ним: проблемы теории и практики. // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 17 (3 (136)). С. 75-83.

220. Зыков С.В. Совместная физическая опека или определение места жительства ребенка на паритетной основе? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 92-111.

221. Ильина Е.А. Метафизика человеческого достоинства: междисциплинарный взгляд на универсальную правовую категорию // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 4. С. 9 - 16.

222. Камалова Г.Г. Пределы и ограничения в информационном праве России // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 2. С. 11-30.

223. Карпушкин А.В. Проблемы делегированного нормотворчества Государственной Думы ФС РФ по ограничению прав человека // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 1. С. 44 - 46.

224. Кобыленкова А.И. Решение суда как основание возникновения, изменения и прекращения жилищных прав и обязанностей // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 10. С. 110-112.

225. Колосова Н.М. Прямое действие Конституции Российской Федерации и ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте судебной практики // Журнал российского права. 2019. № 8. С. С. 36-46.

226. Комарова В.В. Защита здоровья граждан как основной элемент обеспечения права на жизнь и особенности его реализации в чрезвычайных ситуациях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 10. С. 15–23.

227. Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории "Конституционные ценности" (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-8. С. 1385-1387.

228. Кондрашев А.А. Институт конституционно-правовой ответственности в предмете конституционного права: грани соотношения // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 184-195.

229. Кондрашев А.А. Ограничения конституционных прав в Российской Федерации: теоретические подходы и политико-правовая практика // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 7. С. 40 - 47.

230. Кондрашев А.А. Тенденции конституционного развития России в контексте конституционной реформы 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 11. С. 15 - 25.

231. Кондрашов Ю.А. Юридическая природа событий // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 2. С. 29-34.

232. Коновалов Н.Н. Международно-правовые стандарты охраны прав и свобод личности и запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений

среди несовершеннолетних: проблемы соотношения российского и международного права // Международное публичное и частное право. 2020. № 4. С. 26 - 29.

233. Кравец И.А. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной теории, практики конституционного правосудия и международных норм. Юридическая наука и практика. 2019. № 15. С. 93-104.

234. Крысанов А.В. Юридическая природа и значение конституционно-правовой ответственности в системе конституционно-правового регулирования // Проблемы права. 2012. № 6(37). С. 43-49.

235. Кузнецова М.В. Ограничения конституционного права граждан на жилище // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 1. С. 191-195.

236. Курбанов Р. А., Налетов К. И., Белялова А. М. Ограничения прав и свобод в период новой коронавирусной инфекции (COVID-19): совершенствование правовых механизмов в период социально-экономических кризисов, новых вызовов и угроз // Экономика. Право. Общество. 2021. № 1. С. 7-12.

237. Лазарев В.В. Ограничение права судебными решениями // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 5-16.

238. Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9 (153). С. 35-47.

239. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1. С. 130-139.

240. Лебедева Н.В. Акты Президента Российской Федерации в системе источников конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 7. С. 45 - 48.

241. Логвинова И.В. Толкование Конституционного суда Российской Федерации умаления и отмены прав и свобод // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. №5. С. 42-44.

242. Маковецкая М.Г. Понятие правовых ограничений прав и свобод человека // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. №. 6-1. С. 233-237.

243. Малютин Н.С. Роль судебного толкования в разграничении теоретико-правовых конструкций правового регулирования, ограничения и умаления прав и свобод человека и гражданина // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 20 - 27.

244. Мамчун В.В., Баранова М. В. Опережающее правотворчество как форма правотворческого риска // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 3 (128). С. 43-61.

245. Маркунин Р.С. Дисциплинарная ответственность депутатов Государственной Думы: исторический и современный аспекты // Общество и право. 2017. № 2. С. 232-234.

246. Мархгейм М.В., Полухин О.Н. Конституционная ответственность государства за нарушение прав и свобод человека // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2012. № 8(127). С. 172-183.

247. Мачульская Е.Е. Модификация принципов трудового права в свете изменений Конституции Российской Федерации // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 2. С. 3 - 7.

248. Минх Г.В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционноправовой институт // Журнал российского права. № 1 (229). 2016. С. 89-99.

249. Наземцев Д.М. К вопросу о выявлении правовой природы обязательства об оформлении в общую собственность жилого помещения, приобретенного (построенного, реконструированного) за счет средств материнского (семейного) капитала // Семейное и жилищное право. 2022. № 5. С. 35 - 40.

250. Никитина Е.Е. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 35-48.

251. Николаев А.Г. Дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2. С. 87-90.

252. Нурмагамбетов Р.Г. Элементы механизма конституционного регулирования общественных отношений: анализ теоретико-правовых подходов. Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. № 27 (3). С. 149-154.

253. Нохрина М.Л. Абсолютное субъективное право на жизнь — цивилистический аспект // Правоведение. 2015. № 3 (320). С. 48-55.

254. Паршенко В.Н. Пределы ограничений субъективного конституционного права как основная гарантия сохранения его ядра // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 7. С. 39 - 43.

255. Перова Н.А. Ограничения свободы слова и защита права на достоинство и репутацию в судебной практике Великобритании и США // Вестник МГИМО. 2011. № 4. С. 261-267.

256. Пешин Н.Л. Конституционная реформа местного самоуправления: единство публичной власти как новый всеобщий принцип организации местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11. С. 24 - 29.

257. Подмарев А.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: конституционные основы и правовые позиции Конституционного Суда России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4. С. 64.

258. Подмарев А.А. Соразмерность как конституционный принцип ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2021. № 21. С. 83-91.

259. Подмарев А.А. Федеральный закон как приоритетная форма закрепления ограничений прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2019. №4. С. 442-449.

260. Подмарев А.А. Неограничиваемые (абсолютные) права и свободы человека и гражданина в Конституции РФ 1993 г. и международных актах // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4. С. 69-75.

261. Попов В.С. Об умалении и иного рода ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 4. С. 130-136.

262. Рамазанова Э.Т., Гасанов Г.А. Конституционное ограничение прав и свобод человека // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. № 2. С. 66-69.

263. Растегари С. Пределы ограничения права человека на информацию в международном праве // Евразийская адвокатура. 2020. № 5. С. 68-71.

264. Рачев Д.Н. К вопросу ограничения прав и свобод граждан в процессе реализации сотрудниками органов внутренних дел административно-правовых мер при проведении специальной операции по освобождению заложников // Современное право. 2019. № 7-8. С. 51-55.

265. Сазин С.Т. Понятие, сущность и взаимосвязь конституционных прав на жизнь и на охрану здоровья // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 39-45.

266. Сапфилова А.А., Петрушкина А.В. Пределы ограничений трудовых прав и пределы защиты трудовых прав: вопросы теории // Теория и практика общественного развития. 2016. № 11. С. 71-73.

267. Снежко О.А. Пределы законодательных ограничений социальных прав // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2. С. 34-46.

268. Старостина И.А. Парламент России в контексте конституционных поправок // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 41 - 44.

269. Стремоухов А.В. Философско-правовые характеристики основных прав человека // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3 (45). С. 11-19.

270. Тимофеев Н.С. Тенденции и направления концептуального развития местного самоуправления в России (статья первая) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 10. С. 52 - 63.

271. Трифонова Д.Г. Категория нравственности при построении правовой аргументации органами конституционной юстиции (на примере решений Консти-

туционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека) // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 10 - 15.

272. Троицкая А.А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 45-69.

273. Федоренко Т.А. Критерии ограничения прав человека и гражданина. // Юристъ – Правоведъ. 2008. № 1. С. 39-42.

274. Фролова Е.А. Теория естественного права (историко-теоретический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 2. С. 71–77.

275. Черепанов В.А. К вопросу об умалении избирательных прав граждан // Российский юридический журнал. 2012. № 1 (82). С. 68-73.

276. Черепанов В.А. О правовой возможности повышения пенсионного возраста: анализ решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 50 - 58.

277. Черепанов В.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина законами субъектов Российской Федерации: проблемные вопросы и поиск решения // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 12. С. 46 - 51.

278. Чертова Н.М.. Абсолютные права в системе гражданских правоотношений // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2013. № 17. С. 396-399.

279. Честнов И.Л. Универсальны ли права человека: Полемиические размышления о Всеобщей декларации прав человека // Правоведение. 1999. № 1. С. 73–82.

280. Чуклова Е.В. Структура института процессуальной ответственности // Юридические исследования. 2016. № 12. С. 30-38.

281. Шаганиян А.М. К вопросу о принципах ограничения прав и свобод человека и гражданина // Общество и право. 2011. № 3. С. 78-82.

282. Шалберкина М.Н. Правовые проблемы разработки и внедрения механизмов защиты конституционных прав граждан в условиях пандемии COVID-19 // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 83 - 89.

283. Шемаров В.А. Сущность, понятие, признаки и виды правовых ограничений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2017. № 9. С. 181-190.

284. Юсубов Э.С. Регулирование и защита прав человека в федеративном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 36-40.

285. Якушев П.А. Традиционные ценности как пределы ограничения прав // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 371-374.

286. Яшина М.С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина в конституционной доктрине современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2020. № 20. С. 97-107.

287. Яшина М.С. «Ограничение» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина: современные подходы к толкованию // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 7 (15). С. 551-552.

288. Danziger S. Extraneous factors in judicial decisions / S. Danziger, J. Levav, L. Avnaim-Pesso // PNAS. 2011. Vol. 108. № 17. pp. 6889-6892.

289. Dobrzeniecki K., Przywora B. Legal basis for introducing restrictions on human rights and freedoms during the first wave of the COVID-19 pandemic // Review of european and comparative law. 2021. № 46. pp. 43-65.

290. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. Vol. 56. Issue 1. 1 June 1956. pp. 167–198

291. Gewirth A. Are There Any Absolute Right? // The Philosophical Quarterly. Vol. 31. 1981. №. 122. pp. 1-16.

292. Lavranos N. Revisiting Article 307 EC: The Untouchable Core of Fundamental European Constitutional Law Values and Principles // *Shaping the rule of law through dialogue*. Carrozza. Europa Law Publishing. 2009. pp. 119-146.

293. Thielbörger P. The “Essence” of International Human Rights // *German Law Journal*. 2019. № 20. pp. 924–939.

294. White J.B., What Can a Lawyer Learn from Literature? // *Harvard Law Review*. 1989. № 8. pp. 2014-2047.

Диссертации и авторефераты диссертаций

295. Виноградов В.А. Конституционно-правовая ответственность : Системное исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2005. 348 с.

296. Зайцев А.А. Ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике. Дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2014. 168 с.

297. Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 24 с.

298. Переверзев А.А. Основания ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. 172 с.

299. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 27 с.

300. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Дис. ... канд. юрид. наук, Саратов, 2001. 235 с.

301. Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. 196 с.

302. Рассолова Е.Ш. Ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 26 с.

303. Рушайло В.Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2004. 347 с.

304. Чуклова Е.В. Понятие, основания и виды процессуальной ответственности: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. 197 с.